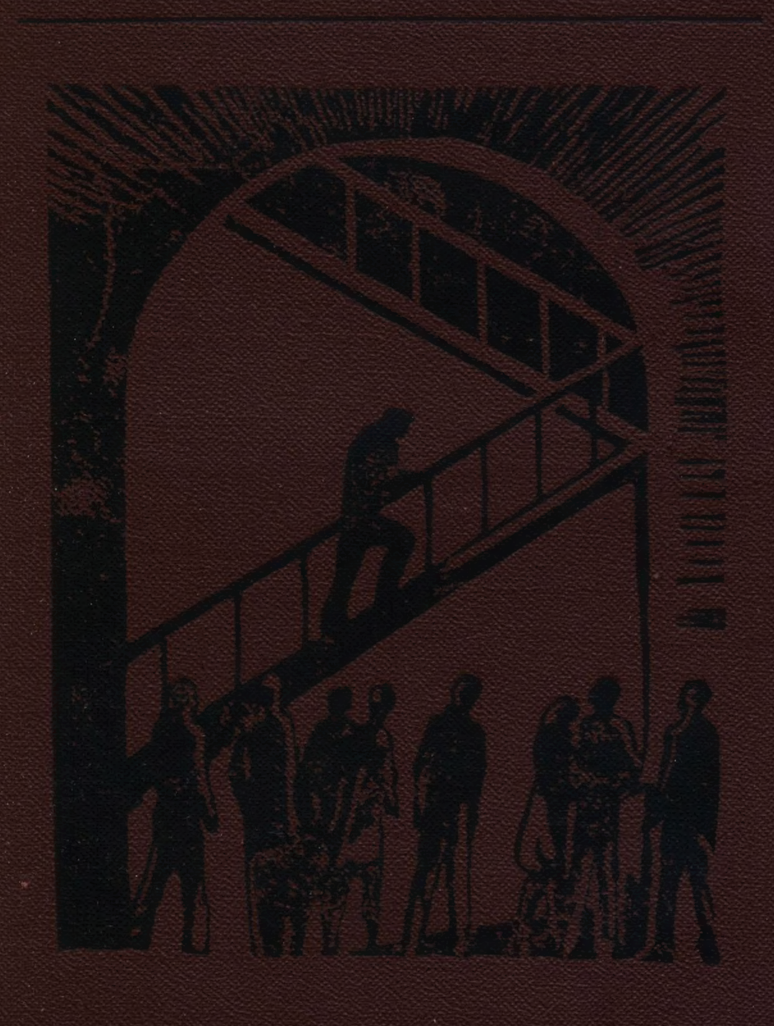
И. Буковчан

ИЗБРАННОЕ

Иван Буковчан

ИЗБРАННОЕ

Пьесы и сценарий

ИП

Ivan Bukovčan

KÝM KOHÚT NEZASPIEVA

1969

TAKMER BOŽSKÝ OMYL

1971

LUIGIHO SRDCE ALEBO POPRAVA TUPÝM MEČOM

1973

DEŇ, KTORÝ NEUMRIE

1974

BRATISLAVA

Иван Буковчан

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПРОПОЕТ ПЕТУХ

Драма

ПОЧТИ БОЖЕСТВЕННАЯ ОШИБКА

Научно-фантастическая комедия

СЕРДЦЕ ЛУИДЖИ

Американская буффонада

ДЕНЬ, КОТОРЫЙ НЕ УМРЕТ

Сценарий

Перевод со словацкого

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
МОСКВА 1976

Составление *Т. Мироновой*
Предисловие *Л. Солнцевой*
Переводы *Л. Васильевой, В. Каменской, Л. Лерер и Т. Мироновой*

Б $\frac{70600-159}{006(01)-76}$ 96-77

ПРЕДИСЛОВИЕ

В конференц-зале Всероссийского театрального общества в Москве подводились итоги фестиваля чехословацкой драматургии. Сто пятнадцать театров Советского Союза поставили тридцать четыре пьесы двадцати пяти писателей Чехословакии.

Рядом с советскими режиссерами, актерами, художниками, теми, кто посвятил свой труд сценическому воплощению произведений чешских и словацких драматургов, сидели гости из Чехословакии и среди них — седовласый человек с добрым лицом — словацкий драматург и журналист, Заслуженный деятель искусств ЧССР Иван Буковчан. Он как-то вдруг по-юношески зарделся, когда один из выступавших протянул ему с трибуны пачку театральных афиш, присланных от коллективов советских театров, в которых шла его пьеса «Прежде чем пропоет петух».

Переведенная на русский, латышский, литовский, эстонский, казахский языки, пьеса эта была поставлена в сезон 1973/74 года в театрах десяти городов: В Одессе и Якутске, Риге и Вильянди, Алма-Ате и Каунасе, Каменске-Уральском и Чебоксарах, Иванове и Чимкенте. Она дала советскому театру богатые возможности для самых разнообразных сценических трактовок, художественного осмысления множества важных проблем нашего времени. Из одиннадцати пьес, написанных Буковчаном, драма «Прежде чем пропоет петух» вызвала наибольший интерес и в Чехословакии, и за рубежом.

Иван Буковчан родился 12 сентября 1921 года в Банской Быстрице — городке, ставшем в августе 1944 года сердцем восстания словацкого народа. Ему было двадцать три года, когда народ сказал решительное слово в сражении с гитлеризмом. Есть у писателя свои счеты с войной, он не случайно снова и снова возвращается к ней.

Через все творчество И. Буковчана проходит тема Словацкого национального восстания. В каждой из пьес, раскрывающих эту тему — «Вечеринка страусов» (1967), «Прежде чем пропоет петух» (1969), «Снег над кедром»

(1973), — люди обычные, большей частью заурядные, оказываются по воле автора в ситуациях чрезвычайных, где и проявляются те главные качества человеческого характера, которые в условиях обыденной жизни могли бы остаться нераскрытыми. О человеке и его достоинстве размышляет И. Буковчан в своих пьесах, о дани, которую он должен платить за это достоинство. «В каждом случае это цена высокая,— пишет он.— Каждый человек в час испытания, перед лицом насилия, угрозы физического уничтожения должен сделать выбор только наедине с собой; погибнуть или остаться в живых — правда, ценой моральной смерти — иного выхода нет».

Это более всего относится к драме «Прежде чем пропоет петух», ибо в ней речь идет о борьбе с фашизмом за духовные ценности каждого человека в отдельности и ценности общечеловеческие.

Словно выстрел, хлопнула дверь, и, очутившись одни, молодые люди робко огляделись. Что в этом доме есть вместительный подвал, знал в городе каждый: в дни Национального восстания в нем сидели арестованные повстанцами коллаборационисты. Но почему немцы заперли их здесь? Патруль задержал влюбленных, едва лишь пробил комендантский час. «Что могло произойти в родном городке, пока мы целовались в парке?» — размышляет вслух Ондра, а его повеселевшая спутница уже примирилась с судьбой. Тем более что заставленный домашней утварью подвал не так уж страшен и больше похож на склад подержанных вещей, чем на тюремную камеру. Фанка готова продолжать прерванный так грубо час свидания, но трепетный шепот влюбленных обрывает скрипучий кашель, и из огромного старинного кресла неожиданно поднимается старик — пан Терезчак.

Пан Терезчак попал в подвал не случайно. Один за другим здесь оказываются и разные жители городка: школьный учитель Томко и ветеринар Шустек, парикмахер Угрик, аптекарша и повитуха, женщина легкого поведения и никому не известный человек, которого остальные окрестили просто Бродягой. Так десять растерянных и испуганных людей, десять случайных прохожих — жителей маленького словацкого городка — оказались заложниками. Если до рассвета, гласит приказ коменданта, не отыщется виновный в убийстве часового, то к утру, прежде чем пропоет петух, их всех расстреляют. Но сами заложни-

ки узнают об этом не сразу. Сначала каждый из них станет искать путь лишь к своему спасению, считая, что он, в отличие от остальных, арестован по недоразумению.

Свои привычные оценки, свои повседневные заботы, симпатии и антипатии они принесли сюда, в этот подвал. Но вот вновь хлопнула дверь — появился местный немец пан Фишл, доверенное лицо коменданта. Смущаясь и спеша выразить сочувствие, он сообщил своим землякам об уготованной им доле. Пан Фишл спустится в этот подвал еще не раз, чтобы передать новые условия фашистского диктатора. Так в пьесе Буковчана для всех действующих лиц начинается следующий круг испытаний — экзамен на моральную стойкость, на человеческую прочность.

Поначалу действие носит событийный характер, развивается столь стремительно, что драма порой напоминает детектив, но, достигнув критического накала, пьеса приобретает черты диспута-раздумья, а конфликт перемещается в сферу глубоких нравственных столкновений.

Условия фашистского коменданта сводятся к следующему: поскольку убитый солдат был «плохим немцем и стоял на часах в нетрезвом виде», нужно казнить одного из заложников — для соблюдения формальности, — остальные же могут покинуть подвал, выбрав жертву по своему усмотрению.

В эту ночь каждый из заложников узнал о другом больше, чем за все предшествующие годы жизни в городке. Они сумели преодолеть панику и растерянность, справились, кто как мог, с безотчетным страхом, воспротивились нагнетению атмосферы взаимного предательства (а именно этого методично добивался комендант фон Лукас).

Арестованные сами удержали схватившихся было Бродягу и Угрика, не позволили аптекарше сводить старые счеты с Марикой Мондоковой: они понимали, что спасение жизни одного ценой гибели другого — не выход для них. Именно поэтому они не позволили студенту Ондрею, возмущенному трусостью и нерешительностью остальных, выбежать из подвала под пули фашистов. И теперь им вновь предстоит испытание — предстоит решить, кто же станет тем единственным, которого должны казнить. В яростной схватке вновь сталкиваются благородство и подлость, безверие и надежда, животный страх и мужество. И в эту последнюю схватку все-таки входит смерть: Угрик убивает Бродягу.

Смерть Бродяги как бы побуждает тех, кто остался жить, преодолеть последний круг ада, чтобы отстоять свое человеческое достоинство. Люди находят силы не только воспротивиться фашистскому диктату, но и стать человеческой общиной, способной потребовать возмездия. И Угрик, тот самый Угрик, который предал в себе все человеческое, стремясь выжить во что бы то ни стало, не посмел ослушаться их молчаливого приговора.

Театры Советского Союза создали разнообразные сценические варианты пьесы Буковчана. В театре «Угала» из Вильянди или драматическом театре в Каменске-Уральском она решалась в ключе бытового правдоподобия, в Одессе, на сцене Драматического театра им. Октябрьской революции — как острый диспут, в Алма-Ате, в Русском театре драмы им. М. Ю. Лермонтова и Каунасском драматическом театре — как пьеса-притча.

В Тульском драматическом театре им. Горького постановка пьесы И. Буковчана была не совсем обычной. Зрители и актеры назвали ее «премьерой дружбы». Чтобы осуществить спектакль, из словацкого города Зволена (театр им. Й. Тайовского) приехали режиссер Андрей Турчан и художник Ростислав Богуш.

Тульский театр нашел сценическое решение пьесы «Прежде чем пропоет петух» в психологической достоверности: каждый из исполнителей, по замыслу режиссера и художника, ведет своего героя к торжеству принципов человечности.

«Драматургия Буковчана, — говорит Андрей Турчан, — глубоко национальна по своим психологическим корням. Он — подлинно народный словацкий писатель, великолепно чувствующий и понимающий душу своего народа, его характер. Но, как истинный художник, он не замыкается в узконациональных рамках. Его пьесы всегда имеют общественное звучание... Главная разрабатываемая им тема... — это суровое испытание гуманизма в современном мире. Испытание на прочность тех духовных ценностей, без которых немыслимо здоровое человеческое общество, да и человеческая цивилизация вообще. Ибо страшен мир с распятой человечностью. Именно поэтому драматурга глубоко волнует, каковы же пути спасения мира от фашизма и в прошлом и сегодня».

Вера человека в жизнь, в ее движение — в основе творчества И. Буковчана. Театр — этап за этапом — раскры-

вает перед зрителем трудный путь каждого героя пьесы к познанию нравственной правды, точно соизмеряя внутреннюю жизнь образа с идейно-художественной задачей всего спектакля.

Следуя внутренней логике образов пьесы, Тульский драматический театр нашел интересное решение финала, усилив его эмоциональный накал тем, что изъял из текста драмы последний монолог Угрика, лишив его «слова перед казнью». Вместо многословия, суеты и истерии — молчаливая мрачная сосредоточенность человека, утратившего нравственную правду и искупающего смертью тяжкую вину.

Точное понимание материала пьесы позволило театру расставить и другие важные акценты. Прежде всего это касается прочтения образа старика-рабочего пана Терезчака. Из всех десяти он поначалу самый безучастный. Слишком велик груз его беды: отец предателя, убитого партизанами, он склонил голову, утратил веру в человека и потерял вкус к жизни. Через образ пана Терезчака автор и театр вступают в полемику с текстом Евангелия о неизбежности предательства: прежде чем пропоет петух, ты трижды отречешься от меня. Эти слова — как заклинание — в самые драматические моменты произносит несчастный старик, пока внезапно не узнает правду о гибели сына, честного парня, оклеветанного фашистами. У нас на глазах человеческая душа возрождается к жизни, пан Терезчак приобщается к решительной битве за истину, добро, за человечность.

Спектакль «Прежде чем пропоет петух» в Тульском драматическом театре был посвящен тридцатилетию великой победы над фашизмом.

Драматургия Ивана Буковчана богата, разноаспектна и многожанрова. Рядом с реальными фактами, конкретными историческими событиями в его пьесах присутствует и утопический домысел. Но, намеренно выбирая острую ситуацию для того, чтобы обнаружить сущность явления, драматург всегда активно выступает против всего, что угрожает человечности, человеческой нравственности. Его сатирическая фантазия «Почти божественная ошибка» (1971) и драма-памфлет «Сердце Луиджи» (1973) — яркие тому примеры.

Почти божественная ошибка профессора Йордана, сотворившего из половинок одного человека двух разных лю-

дей, антиподов по своим нравственным качествам, обошлась дорого всем. Все смог продублировать, применив свой «анатомо-биохимический метод», профессор Йордан, чтобы создать двух Даниэлей Гашпаров, все, даже сердце, только совесть в двух экземплярах он не сумел создать — так один из объектов уникального эксперимента оказался свободным от каких-либо принципов нравственности.

Проблему нравственных ценностей, формирование которых столь существенно на новом социалистическом этапе общественной жизни, Буковчан решает однозначно и бескомпромиссно: образ одного из Даниэлей Гашпаров важен для него своим «эффектом предостережения». В любом научном эксперименте, как бы значителен он ни был, необходимо учитывать его нравственные последствия. В противном случае первыми жертвами содеянного могут оказаться сами же экспериментаторы. Профессор Йордан на себе испытал безнравственность в действии. Но драматург смеется не только над ним, он ироничен по отношению ко всем персонажам, даже к очевидцу «раздвоения» Элиашу — единственному герою, которому автор симпатизирует. Ибо общественная мораль, по мысли Буковчана, под угрозой, если ее защищают лишь такие беспомощные одиночки.

Уродлив и бесчеловечен мир беззастенчивых хищников, стремящихся завладеть сердцем Луиджи. Видавший виды гангстер не выдерживает их напора — он готов продать свое сердце. Финал пьесы символичен: в яростной схватке толпа претендентов на сердце Луиджи убивает его.

Процесс дегуманизации в мире капитала, считает драматург, необратим. Мир наживы, потребительской цепкости и бессердечия ненавистен ему. Поэтому писатель зовет на борьбу за ценности подлинные — те, что в кризисные моменты истории мобилизуют духовные силы всей нации.

Таким моментом в жизни словацкого народа, несомненно, было Словацкое национальное восстание. Не только пьесы, но и многие сценарии Буковчана посвящены этой теме.

Среди сорока четырех литературных произведений разных жанров, написанных Буковчаном, — восемнадцать сценариев, которые послужили литературной основой кинофильмов, вышедших в Словакии («Чертова стена», «Песня о сизом голубе», «Родная земля» и многие другие). Фильм

«День, который не умрет» очень популярен на родине драматурга. В мае 1976 года он был удостоен Государственной премии имени К. Готвальда. Но автору этого уже не суждено было узнать: он умер внезапно, в расцвете творческих сил, летом 1975 года.

Киносценарий «День, который не умрет», окрашенный лирической интонацией, повествует о трудном пути простого словацкого парня к героизму.

Матуш Сиронь бежит с фронта не только потому, что не хочет сражаться против советских солдат — поначалу он просто жаждет дожить до мирных дней, не принимая участия в войне. Но логика великой народной битвы с фашизмом вовлекает его в гущу событий. Судьба человеческая в сценарии Буковчана показана в соотношении с судьбой народной. В доме Сироней в Яворье на Ветерной полонине все — от мала до велика — вступают в последний бой с фашистами.

Оставаясь верным факту, драматург в изображении Словацкого национального восстания находит особенно поэтический, проникновенный тон. Создавая эмоциональный лирический колорит, драматург умело и пластично вводит в действие природу. Народные мстители не только связаны с природой — они и природа едины. Горы и долы Словакии вместе с ними в последнем бою на жизнь и на смерть. Так достигается своеобразная масштабность происходящего: Ветерная полонина становится символом всей восставшей Словакии. Природа — не только активный фон, она контрапунктна судьбе, то есть истории возмужания главного героя. Матуш Сиронь в своем развитии — «движении» к подвигу — как бы проходит несколько стадий — в сценарии они созвучны циклу времен года. Если в первой части «горная природа дышит умиротворяющим теплом и торжественной тишиной, безучастная и равнодушная к жестокостям войны», то далее природа словно сливается с внутренним миром героя.

Матуш Сиронь погибает во имя спасения детей, раненых, стариков, погибает во имя того, чтобы гитлеровцы не сеяли больше смерть на его земле.

«Не плачь, отец... — скажет в финале советский офицер Федоров бойцу своего отряда партизану Сироню. — Твой сын герой. А герои не умирают...»

Так думает драматург Иван Буковчан, связанный всем своим творчеством с родной землей. Финальная фраза сце-

нария напоминает нам еще об одной постоянной в творчестве драматурга теме великой человеческой солидарности, солидарности двух народов, рожденной в кровопролитной борьбе с фашизмом. Писатель посвятил свою жизнь и произведения тому, чтобы эта солидарность не только не была забыта, но крепла и росла сегодня, завтра — вечно. Писатель жил и работал с чувством огромной ответственности перед теми, кто не вернулся домой с горных партизанских троп. Он и в мирное время оставался бойцом и добрым стражем всего лучшего, всего человечного, что было завоевано предшествующими поколениями.

Л. Солнцева

Прежде чем пропоет петух

Перевод Т. Мироновой
Редактор М. Финогенова

Драма в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ф а н к а — гимназистка, 16 лет.

О н д р е й — студент, 20 лет.

Т е р е з ч а к — бывший лесничий, 72 года.

Б а б ь я к о в а — повитуха, 57 лет.

Д о к т о р Ш у с т е к — ветеринар, 45 лет.

У г р и к — парикмахер, 45 лет.

Б р о д я г а, 30 лет.

Т о м к о — учитель, 55 лет.

А п т е к а р ш а — жена аптекаря, 45 лет.

М а р и к а М о н д о к о в а — проститутка, 30 лет.

Ф и ш л — лесоторговец, 54 года.

Место действия: небольшой городок, оккупированный гитлеровскими войсками.
Время действия: одна из ноябрьских ночей 1944 года, после подавления Словацкого национального восстания.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Тьма. Тишина.

Через минуту слышатся четыре удара по металлическому бруску. И вслед за тем еще семь глухих: где-то на башне часы бьют семь. Сцена постепенно освещается. Это разгорается одна свеча в большом семисвечном подсвечнике. В полутьме неясно вырисовываются очертания сводчатого подвала, высокого и просторного, полного всевозможных вещей, сваленных как попало: надтреснутое венецианское зеркало, клетки для птиц, пустые бутылки, бочки, два хомута, небольшой застекленный книжный шкаф, лежащие на полу картины, свернутые ковры, весы, зеленый ломберный столик, торшер, чемоданы, плюшевый диван, несколько одинаковых кожаных кресел, покрытый пылью обеденный стол, широкая супружеская кровать, деревянное распятие, противогаз, оленьи рога, чучела птиц, голова муфлона, старый граммофон, дамский туалетный столик и еще всякая всячина. Здесь собрано все, что можно вынести из богатого мещанского дома: вещи ценные и не имеющие цены, совсем новые и старая рухлядь.

Из подвала поднимается крутая двухмаршевая деревянная лестница, исчезающая во мраке. Освещенный трепещущим пламенем свечи, заваленный вещами подвал кажется унылым, грязным и даже страшным. Где-то наверху, там, где кончается лестница, вдруг со скрипом открывается дверь и раздается нежный прерывистый звон колокольчика — такой звон извещал хозяина лавочки о приходе клиентов. Затем слышны шаги — неуверенные, на ощупь. Кое-где скрипят деревянные ступеньки... Наконец в слабо освещенном подвале возникают две фигуры. Входят молодой человек и девушка.

Явление первое

Ондрей и Фанка

Минута растерянности в удручающе темном помещении.

Фанка (*робко*). Эй... Есть тут кто-нибудь?.. (*Боязливо оглядывается.*) Отзовитесь... Кто здесь?..

Ондрей. Нет тут никого. Молчи!

Фанка. А почему горит свеча?.. Кто ее зажег?..

Ондрей (*нервно*). Не знаю!

Ф а н к а. Мы здесь одни... (*Тоненьким голоском, стараясь скрыть страх и растерянность.*) Правда, хорошо?

О н д р е й (*иронически*). Великолепно!..

Ф а н к а (*растерянно повторяет*). Совсем одни... Только ты да я.

О н д р е й. И еще тот солдат наверху. Он специально поставлен там следить, чтобы нам никто не помешал!

Ф а н к а (*деланно-беззаботным тоном*). Чего ты вдруг так испугался?

О н д р е й (*сдерживая злость*). Может быть, до тебя еще не дошло? Мы а-ре-сто-ва-ны... И брошены в какой-то подвал, бог весть почему.

Ф а н к а. В какой-то подвал?.. Да ведь это гостиная Петрашей! (*Она зажигает поочередно все семь свечей в канделябре.*) Здесь они сидели... ели... Представь себе, каждый день они ели в гостиной! А мы даже в воскресенье обедаем на кухне. (*Вдруг внимание девушки привлекает большая, в виде колокола, птичья клетка.*) Что стало с Лорой? Боже мой, какая это была красавица! Желтая с оранжевым... огненная, как солнце... (*Она постукивает пальцами по решетке клетки.*) Мне было пять лет, когда меня впервые послали в магазин Петраша. Подхожу к двери, а за ней какой-то страшный голос... Я чуть в обморок не упала. А это Лора... первый попугай в моей жизни. (*Она подходит к юноше и разлохмачивает ему волосы.*) А второй — ты!..

О н д р е й. Не дури! (*Отстраняется.*) И не зли меня!..

Ф а н к а (*стараясь держаться непринужденно*). Когда я была маленькой, я боялась всего, даже мельничного колеса, конечно, когда оно вертелось. А знаешь, кого я боялась больше всего?

Ондрей, не реагируя на ее слова, молчит.

Фотографа! Под своей черной накидкой он выглядел так, будто... будто был совсем без головы!

О н д р е й. Перестань! (*Резко.*) Ты действительно думаешь, что нас запихнули просто так, развлечения ради... чтобы ты могла тут болтать чепуху?!

Ф а н к а (*быстро поворачиваясь к нему*). А знаешь, почему я болтаю? Потому что боюсь! (*С обезоруживающей искренностью.*) Да, боюсь... Но я не хочу, чтобы это бросалось в глаза! Ты меня совсем не понимаешь, Ондрей!

О н д р е й (*виновато, пытаясь утешить ее*). Не бойся, Фанка... Что нам могут сделать? Ничего! Мы ведь тоже ничего не сделали...

Ф а н к а. Все равно ты во всем виноват. Я хотела остаться еще в парке, а ты не захотел!

О н д р е й (*кротко*). Было холодно. Я подумал, что вот-вот пойдет снег...

Ф а н к а. Холодно?.. (*Презрительно.*) Это тебе... А мне... мне было жарко!

О н д р е й. Я хотел, чтобы в семь ты была дома.

Ф а н к а. И вот теперь я здесь! А мы могли бы еще посидеть на скамейке! (*Глядя на себя в надтреснутое зеркало.*) Боже, какая я лохматая... (*Причесывается, поправляет юбку.*) И в этом тоже ты виноват... растреплешь... разгорячишь... а потом... потом ничего!

О н д р е й. Боже мой, опять ты за свое?..

Ф а н к а. Но мы ведь все равно поженимся, да? Если бы ты знал, как я считаю эти твои семестры! (*У нее уже есть над парнем своя небольшая женская власть, есть и свои женские планы.*) Может быть, и у нас будет когда-нибудь такой вот дом... такая комната, полная всяких красивых вещей... и даже сад на склоне горы, чтобы зимой можно было кататься на санках...

О н д р е й. Ну хорошо, Фанка... (*Обезоруженный ее словами.*) Хорошо, Франтишка-растрепка... Может быть, все это сбудется или хоть что-нибудь сбудется... но только после войны!..

Ф а н к а (*насмешливо*). После... после! А что, если эта война...

О н д р е й. Тише, не кричи!..

Ф а н к а. Я не кричу. (*Громко.*) А пока?.. Что мне делать, пока не закончится эта ваша идиотская война?..

О н д р е й (*сердито*). Что делать? Молчать, если ничего не понимаешь! Или ждать, как другие!

Фанка. Ну ладно, буду ждать! (*Усаживается скрестив руки на груди и замирает.*)

Ондрей. Ах, если бы ты выдержала так хоть одну минуту...

Девушка с минуту сидит спокойно, потом быстро вскакивает, снимает с гвоздя противогаз, надевает его и снова принимает ту же позу.

Что ты делаешь? Не устраивай маскарада! (*Подбегает к ней и срывает противогаз.*)

Фанка. Ты мне никогда ничего не разрешаешь! (*Упрямо.*) Обращаешься со мной, как с малым ребенком, а я... я... (*Она умолкает, завороженно смотрит в темный угол, туда, где стоит кровать, и вдруг умоляюще говорит.*) Ты... Пойдем ляжем на эту кровать, Ондрей...

Ондрей. Сейчас?.. Здесь?.. (*Он вздыхает и стучит себя пальцем по лбу.*) Что с тобой сегодня, скажи на милость?

Фанка. Сказать? Так слушай же. (*Она медленно приближается к нему.*) Почему ты меня боишься? Почему ты боишься... женщины? (*Последнее слово словно застревает у нее в горле.*) Почему ты не хочешь меня...

Ондрей (*насмешливо добавляет*). ...любить? (*Сердито.*) А разве я тебя не люблю?

Фанка. Разлохматить... разжечь!.. Вот и вся любовь!

Ондрей. Перестань, пожалуйста. Ведь ты же еще несовершеннолетняя.

Фанка. Это уж мое дело!

Ондрей. И мое тоже! (*Улыбаясь, примирительно.*) Все в свое время, Франтишка-растрепушка. (*Он берет ее за руку и, раскачивая в такт словам, приговаривает.*) Растрепа... глупенькая... зеленая...

Фанка. Вот уж извини! Зеленая?.. (*Выпячивает грудь.*) Ты что, слепой?.. На рождество мне будет шестнадцать!

Ондрей (*спокойно, с сознанием своего превосходства.*) Для чего же в таком случае существуют обручальные кольца... белая фата... и вообще — свадебное путешествие... свадебная ночь... Ты не хочешь фаты, Фанка?

Фанка (*покоряясь очарованию его слов.*) Хочу... хочу... белую фату... прозрачную и длинную... И еще хочу миртовый венок... (*Вдруг умолкает, ее томит какое-то предчувствие, страх.*) А что, если этого никогда не будет?.. Почему нас сюда заперли? Когда нас выпустят из этого подвала?.

Ондрей (*беспомощно*). Не знаю — почему... И не знаю — когда...

Фанка (*тихо*). Я боюсь, Ондрик... Мне хочется прижаться к тебе... (*Она тянет его за руку в угол, к кровати.*) Пошли, хотя бы на минутку, прошу тебя... Я еще ни разу в жизни не лежала рядом с парнем... Только на минуточку, и я отстану от тебя!

Ондрей (*неохотно подчиняется*). Хорошо, но только в пальто... И только на минутку!..

Держась за руки, они медленно направляются к кровати. Девушка наивна и естественна. Она, как ребенок, боится темноты подвала. Но вдруг Фанка испуганно вскрикивает: из-за кровати с большого кресла медленно поднимается темная мужская фигура.

Явление второе

Те же и старик

Сгорбленный старик направляется к горящей свече.

Ондрей. Терезчак!

Фанка. Это вы?!

Старик (*басом*). Па-ан Терезчак, пан студент.

Ондрей. Что вы здесь делаете... (*неохотно*) па-ан Терезчак?

Фанка. Почему вы не отозвались?

Старик (*хрипло*). Я думал, что вы уйдете... что вы здесь случайно...

Фанка (*презрительно*). Подслушивал!.. Шпионил!..

Ондрей. Подожди! (*Старику.*) Мы тут не случайно. Нас схватили возле парка. (*Взволнованно.*) И вас тоже?

Старик. Меня у кладбища.

Ондрей. Когда? После семи?

Старик (*настороженно*). А вам-то что?

Фанка. Оставь его!.. Чего ты его выспрашиваешь?

Ондрей (*старику*). Разве вы не читали объявление? После семи ходить по городу запрещено!

Старик. Я был на кладбище... и не знал, сколько времени... (*С горькой усмешкой.*) Я не признаю таких запретов, которые мешают почитать умерших!

Наверху в темноте раздается звон колокольчика, потом грохот, стук, удары в дверь. Возмущенный женский голос громко протестует: «Побойтесь бога! Что вы делаете?» Затем в наступившей тишине слышны шаги по скрипучей лестнице. Трое, стоящие внизу, поднимают головы и напряженно всматриваются в темноту.

Явление третье

Те же, повитуха, доктор Шустек и Бродяга

Появляется пожилая рассерженная женщина. За ней — немного подвыпивший доктор. Третий останавливается на полутемной лестнице.

Повитуха. Черт знает что! Ну посудите сами... Иду я от беременной женщины, а эти пруссаки хватают меня прямо на улице и... (*Грозит кулаком, глядя наверх.*) Я этого так не оставлю!.. Все скажу пану священнику... и к самому коменданту пойду... Я им скажу такое... (*У нее перехватывает дыхание.*)

Ондрей. А знаете, что он скажет вам? Что после семи часов в городе...

Повитуха. Ну что... что? (*Укоризненно.*) После семи часов дети не смеют рождаться на свет? Да?.. Тогда, значит, он не из материнского чрева родился, значит, он дикий зверь... У нас дети, слава богу, родятся еще нормально, а не по приказу, как у них!.. (*Едва переводя дух, продолжает.*) Говорят, они уже придумали искусственных детей... Вот такие бутылочки... Уколы... раз-два, и полно новых солдат!..

Шустек. Раз-два?.. (*Икает.*) Вы хотите сказать, что они...

Повитуха (*явно испугавшись, пытается замять разговор*). Я ничего не хочу сказать! Я только думаю, что нормальные дети — те, что от мужчины и от бога, и что они крепче и выносливей, чем искусственные... (*Увидев Фанку и Ондрея.*) А-а-а, вот и этим двоим я помогла появиться на свет... Да, я, наверное, половине города перевязала пуповину, кроме разве таких вот... (*презрительно кивнув на старика*) как этот старый Терезчак!

Старик. Пан Терезчак, пани Бабьякова!

Повитуха. «Запела птичка на сосне»... (*Ядовито.*) Не ваша ли это песенка, Терезчак?

Старик. Моя, и я ее еще спою... (*Мрачно.*) Но вы тогда будете плакать!..

Они молча, с ненавистью смотрят друг на друга. Их взаимную вражду ощущают и все остальные. В подвале наступает тягостная тишина.

Шустек. Извините... Так вы — повитуха?

Повитуха (*отворачивается от старика. С достоинством*). Дипломированная акушерка... Прошу любить и жаловать...

Шустек. Если я вас правильно понял, так вас арестовали... при исполнении служебных обязанностей?

Повитуха (*насторожившись*). Почему это вас так интересует, пан?

Шустек. Ну и свинство!.. (*Икает.*) Пардон. Мы, собственно говоря... в некотором роде коллеги. (*С важным видом.*) Доктор Шустек, ветеринар. Мы должны протестовать!

Повитуха. Очень приятно... Бабьякова.

Они пожимают друг другу руки.

Ваше имя мне знакомо... Но в нашем городе я вас еще...

Шустек. Я был у зятя. Вы, наверное, знаете Фердиша Гавора. Он заколол свинью... (*Икает.*) Пардон. И такое невезение!.. Мы немного выпили, поговорили... Потом я заторопился на поезд...

Ондрей. На семь десять?

Шустек. Да, на семь десять! Но тут меня схватили... Так не повезло! Все, все у меня отобрали... Колбаски, ливерную колбасу, кровяную... Ай-ай-ай, сегодня продукты не так-то легко достать... *(Возмущенно.)* А сейчас все это жрут немцы! Надо протестовать, пани Бабьякова, непременно протестовать!.. (*От волнения он икает еще сильнее.*) Пардон, пардон...

Бродяга (*ворчит*). Заткните нос... или уберите его куда-нибудь подальше...

Все удивленно оборачиваются, как будто только сейчас увидели невысокого молодого мужчину, заросшего щетиной, с зажатой во рту папиросой. На нем поношенное полупальто, старый серый свитер и грязные солдатские ботинки. Он выглядит уставшим, неряшливым и производит впечатление бродяги.

Шустек. Извините... (*Холодно.*) Что это вы на меня так?... Я вас не знаю...

Повитуха (*пристально глядя на мужчину.*) Вы тоже не из нашего города...

Бродяга. Я?

Повитуха. Да.

Бродяга. Нет.

Повитуха. Так откуда же? Кто вы?..

Бродяга (*молчит, затем медленно выпускает дым*). Никто.

Повитуха хочет сказать ему что-то, но не успевает. Наверху раздается топот, крики, отчаянно звонит колокольчик... Кого-то вталкивают в дверь, но человек этот сопротивляется, колотит в дверь руками и ногами, кричит: «Откройте!.. Откройте!.. Это ошибка! Меня знает сам пан Северини...» Но тут раздается тупой удар прикладом... и человек летит вниз по лестнице.

Явление четвертое

Те же и Угрик

Упавший человек неподвижно лежит на полу.

Повитуха. Боже мой. Угрик! (*Подбегает к нему и пытается помочь ему подняться.)* Самко!.. Ты цел?

Угрик *(потрясенный, бормочет)*. Это... это знаете... Именно меня... Пан Северини... Он не позволит!.. *(С трудом ковыляет к креслу.)* В этом городе каждый знает, кто такой пан Северини... Ой, как больно!..

Шустек. Покажите-ка ногу. *(Он наклоняется над Угриком, ощупывает ногу, тот стонет от боли.)* Либо вывих, либо треснула кость. Нужен рентген!

Угрик *(улыбаясь)*. Рентген?

Повитуха. Ну-ка разрешите, пан доктор. *(Она вежливо отстраняет его.)* А ну, Самко, разуйся. *(Пока тот снимает правый ботинок, она говорит Шустеку.)* Хорошо еще, что он не повредил руки! Самуэл Угрик — лучший парикмахер в городе!...

Угрик *(обрадованный похвалой, оживляется и говорит, обращаясь к Шустеку)*. Мои постоянные клиенты — из самых богатых домов... Вот, например, пан Северини.

Между тем повитуха наклоняется и ощупывает поврежденную ногу.

(Улыбаясь сквозь боль, продолжает.) Придет ко мне, развалится в кресле... зажмурит глаза... Я начну его брить, а он от блаженства мурлычет, как кот... и похваливает: «Ну и Угрик, ну и разбойник... У тебя бритва словно дуновение ветерка... словно крыло ангела!»

Повитуха *(крепко сжав его ногу)*. Ну-ка, держись крепче...

Угрик *(с удовольствием повторяет)*. Крыло ангела... Да, пан Северини — это личность... тонкая душа... поэтическая натура... Он и с министрами знается! *(Вскрикивает от боли.)* Ой!

Повитуха *(встает)*. Вот и все в порядке. Сделай-ка несколько шагов!

Угрик *(осторожно ступает, бормоча)*. Нет... нет... он меня в этой дыре не оставит!.. *(Удивленно останавливается.)* А ведь я могу ходить!

Повитуха. Конечно! *(Деловито.)* Сделаешь мне за это шестимесячную, и мы квиты.

Угрик. Хорошо, но... *(Внезапно поняв, что оказался в убытке.)* Я ведь мог бы пойти на рентген! И меня обязаны были бы выпустить отсюда!..

В это время раздается знакомый звон колокольчика, хлопает дверь; испуганный женский голос кричит в темноте: «Скажите им что-нибудь, ради бога!» И мужской голос не спеша, с расстановкой отвечает: «Все выяснится... милостивая пани... не извольте волноваться!» Потом слышатся осторожные шаги по лестнице и скрип ступенек.

Явление пятое

Те же, аптекарша и Томко

В подвал спускаются двое: увядающая женщина средних лет в лисьей жакетке и небольшого роста пожилой мужчина в очках, в темном старомодном зимнем пальто.

Повитуха. Целую ручки, милостивая пани!

Фанка. Добрый вечер, пан учитель!

Томко (*обращаясь ко всем*). Добрый вечер вам... добрый вечер! (*В удивлении останавливается перед Шустеком.)* А что вы здесь делаете, пан доктор?

Шустек. Добрый вечер. Был в гостях у родственников. *(Беспомощно разводит руками.)* Просто не повезло!

Томко *(всем, ободряюще)*. Ну что ж... Немного тут посидим, зато в другой раз будем чаще посматривать на часы!

Ондрей *(мимоходом)*. И... на очки, пан учитель.

Томко. Какие очки?

Ондрей. Да ваши. Они разбиты... *(Напряженно.)* С вами что-нибудь случилось, пан учитель?

Томко *(снимает очки)*. Ах да, и в самом деле... *(Явно колеблется.)* Одно стекло действительно разбито, а я и не заметил.

Ондрей. Они что... упали?

Томко. На улице такая темень... *(Не очень убедительно.)* Да, упали, я споткнулся.

Повитуха *(нетерпеливо)*. Пан учитель, скажите, что происходит? Скажите, за что нас посадили?

Томко *(снова спокойно и уверенно)*. Сегодня вечером решили провести... более строгий контроль, посмотреть, как граждане выполняют приказ коменданта. *(Словно убеждая и самого себя.)* Вот и все, я думаю, не стоит беспокоиться. Ведь если бы что-либо серьезное, то нас посадили бы в тюрьму, а не сюда!

Угрик *(напоминая)*. Вы изволили забыть, что и во время восстания арестованных сажали именно сюда, в этот подвал. Здесь сидели наши собственные немцы... потом гардисты и коллаборационисты...

Ондрей. А теперь тут сидим мы.

Аптекарша. Но почему же... почему?! *(Нервно.)* Я ждала телефонного разговора с мужем... Наконец мне сказали, что связь прервана... Я вышла с почты, и меня...

Томко *(вежливо прерывает)*. Милостивая пани, за это недоразумение немцы должны извиниться перед вами!

Бродяга. Совершенно верно. Они преподнесут вам розы и со слезами будут просить прощения.

Аптекарша *(после паузы, холодно)*. Я не припоминаю, чтобы я вас о чем-либо спрашивала.

Томко *(настороженно)*. Этого человека вообще... *(Обращаясь к Бабьяковой.)* Кто он такой?

Повитуха *(учителю)*. Пан Никто. *(Бормочет вполголоса.)* Какой-то бродяга... *(С любопытством обращаясь к аптекарше.)* А пан аптекарь пока не подает никаких вестей?

Аптекарша. Вот уже два месяца... два месяца я ничего не знаю о нем... *(С внезапным раздражением.)* Почему вы не погасите эти свечи?! Здесь где-то есть выключатель. У Петрашей и сюда было проведено электричество.

Фанка начинает искать в заставленном вещами подвале выключатель.

(Обращаясь к Томко.) Бедняги... Наверху пять пустых комнат, а все вещи покрываются плесенью здесь, в подвале...

Повитуха. Ваша правда, милостивая пани. А когда будет аукцион?

Аптекарша. Вы спрашиваете меня?.. Я никогда не покупаю старых вещей, тем более конфискованных!

Фанка находит выключатель, поворачивает его, и тусклый свет освещает запыленное богатство петрашевского дома. Подвал выглядит теперь совсем другим, менее страшным, но теперь он напоминает склад. Ондрей гасит свечки.

Фанка. Посмотри, какие красивые...

Она показывает на старинные часы, причем случайно задевает какой-то рычажок, и часы начинают играть. В подвале звучит нежная мелодия «Тихая ночь, святая ночь...» Старик зачарованно слушает.

Повитуха *(снует по подвалу, ощупывает вещи, как бы оценивая их)*. Аукцион... *(Угрику.)* Я слышала, что он будет еще до рождества...

Угрик. Да, это было бы неплохо... *(Роется в ящике ломберного столика.)* Ага, тут и карты остались... даже карты не успели взять с собой... Да, этот столик мог бы порассказать немало... Преферанс... бридж... покер! А после полуночи — очко... ферблан...

Повитуха. Персидский коврик! *(С жадностью.)* Наверно, и оценят его недорого. Ведь на таком аукционе...

Сентиментальная мелодия часов продолжает тихо звучать.

Я положила бы его у кровати... и берегла бы как зеницу ока...

Не в силах удержаться, она расстилает коврик на полу.

Угрик *(поглаживая зеленое сукно ломберного столика)*. Старый Петраш всегда выигрывал... Он любого мог по миру пустить, но только не Северини — нет! Тот любит риск, но никогда не поставит все на одну карту... никогда! А пан Петраш... *(перебирая карты)* жил себе тихо-мирно и вдруг... во время восстания... все поставил на одну карту! На эту новую республику...

Повитуха *(сбрасывает суконные ботинки и в черных чулках с благоговением становится на коврик).* Боже праведный... что за чудо... Мягко, как в райском саду!..

Угрик *(гадая на картах).* Где же она теперь? Ни пана Петраша, ни этой новой республики. Немцы вернулись и сорвали банк! *(С силой ударяет по зеленому сукну.)*

Повитуха в нерешительности переступает с ноги на ногу на маленьком персидском коврике. Глаза ее блестят. Часы умолкают, и наступает удивительная тишина.

Томко *(Угрику).* Петраши когда-нибудь вернутся... *(Бабьяковой)* и потребуют свое добро!

Повитуха. Я их не выгоняла, пан учитель! *(Она недовольно обувается.)* А вы откуда знаете... что они вернутся?

Томко. Война ведь еще не кончилась, пани Бабьякова!

Повитуха *(обиженно бормочет).* Я ни у кого ничего не беру... и даром ничего не хочу. Все покупаю на свои, пан учитель, на свои кровные!

Старик *(насмешливо).* На свои че-е-естно заработанные грошики...

Повитуха *(яростно).* За что наказываешь меня, боже, почему я должна с такими... дышать одним...

Томко. Хватит! Здесь не место ссорам. *(Недовольно.)* Аукцион... споры... Что, у нас нет других забот?

Шустек *(бежит вверх по лестнице, всматривается).* А нет ли здесь еще одного выхода? Что, если...

Угрик. Ничего здесь нет, пан доктор! А вниз по этой лестнице я уже летел.

Шустек. У нас есть серьезные причины желать поскорее вернуться домой! *(Спускается вниз по лестнице.)* Я лично тут торговать не намерен. До каких же пор... и почему, черт возьми, буду я здесь торчать?

Томко *(энергично).* Только, пожалуйста, никаких выходок! Мы не должны допустить ничего такого, что создало бы впечатление, будто наша совесть нечиста!

Бродяга. А... вы... можете поручиться за всех?

Томко *(убежденно)*. За всех, кого знаю, именно знаю! *(Остальным.)* Самое большое — нам могут назначить штраф, всем, кого взяли после семи!

Старик *(бормочет)*. Я никакого штрафа платить не буду!

Повитуха *(язвительно)*. Конечно, за вас заплатят немцы!

Старик *(не обращает на нее внимания, поворачивается к Томко)*. Меня они схватили еще до семи, пан учитель.

Шустек *(удивленно)*. До семи? Что вы хотите этим сказать?..

Ондрей. Не понимаете?.. Я хочу сказать, что мы оказались здесь по разным причинам... И возможно, это не имеет никакого отношения к приказу коменданта!

Тишина.

Старик *(бормочет про себя)*. Я был на кладбище. До семи или после семи, не все ли равно?..

Повитуха. Ну конечно... Терезчаку все равно! *(С ненавистью.)* Та-ким, как он... нечего бояться!

Старик *(горько)*. Боже мой, сколько грязи... сколько злобы... *(Неожиданно желчно.)* Так за что же и меня сунули в эту дыру? Да еще вместе с вами? Что ты тут болтаешь, глупая баба? Чем набита твоя голова? Соломой!..

Повитуха *(теряя самообладание)*. Ты... старый негодяй! Трухлявый пень! *(Брызжа слюной, бросается на него.)* Антихрист... Я тебя... я тебя...

Томко *(кричит)*. Люди, не теряйте разума! Ради бога, одумайтесь! Не устраивайте тут... *(Убежденно.)* Говорю я вам, все выяснится, все будет...

Ондрей *(перебивает)*. Кого вы собираетесь обманывать, пан учитель? И для чего?

Томко. Обманывать? *(Резко.)* Ондрей, не смей так... я тебе не...

Ондрей *(не дает ему договорить)*. Извините, но ваши очки не падали... то есть они упали не сами по себе!

Томко. Да говорю тебе... *(Вдруг теряет уверенность.)* Я споткнулся... на улице так...

Ондрей. Да, на улице темно. Вот и пальто у вас разорвано... двух пуговиц не хватает... И все это случилось само по себе?..

Томко *(растерянно)*. Молчи, Ондрей, молчи!

Ондрей. Что же с вами случилось... в этой темноте, пан учитель? *(Неумолимо.)* И почему вы все время держите руку за ухом?

Томко. Ничего. Это...

Ондрей. Это кровь! *(Возбужденно.)* А почему, пан учитель?

В это время раздается звон колокольчика, открывается дверь... и в полутьме слышится женский смех. Какой-то странный, беспомощный, готовый вот-вот перейти в плач. Все поворачиваются и с удивлением смотрят вверх — все, кроме Бродяги.

Явление шестое

Те же и Марика

Молодая женщина, одетая дешево, но броско, спускается до половины лестницы.

Марика *(удивленно)*. Боже, сколько народу... *(Огорченно.)* Ну конечно, там, где люди, там должна быть и Марика! *(Вежливо.)* В любом случае — добрый вечер, господа!

Никто не отвечает ей. Марика спускается с лестницы и громко приветствует всех.

Добрый вечер!

Снова молчание.

(Робко.) Никто не хочет мне ответить?..

Тишина.

Фанка *(неожиданно)*. Добрый вечер, Марика!

Марика. Спасибо, Франтишка. *(Иронически.)* Пан Угрик... а вы меня уже не узнаете?..

Угрик *(нехотя).* Добрый вечер, барышня.

Марика. То-то же! *(Подходит к аптекарше.)* О, пани аптекарша, целую ручки! Как поживаете?

Аптекарша *(неприязненно).* Я была бы очень рада, если бы вы оставили меня в покое!

Марика. Ну почему же? *(Любезно.)* Вы что-то имеете против меня?

Аптекарша. Нет, ничего... *(С достоинством.)* Я не имею ничего общего с такими женщинами.

Марика *(кокетливо).* У всех женщин есть ведь нечто общее, милостивая пани!

Аптекарша *(страдальческим голосом).* Это ужасно, пан учитель, ужасно! Еще и это... эта женщина!

Томко. Марика Мондокова! *(Строго и назидательно.)* Вы здесь не одна... и здесь не все взрослые! Я думаю, что наши взгляды...

Марика *(кротко).* Больше не буду, пан учитель. Пойду в угол и встану на колени. *(Примирительно.)* Сколько же я у вас простояла на коленях!

Томко. К сожалению, это не помогло... *(Пожимает плечами, как бы извиняясь перед аптекаршей.)* Должен заметить, что и учителю не всегда все удается!

Марика. Ну что вы, пан учитель. *(С теплыми интонациями.)* Вы научили меня читать, писать... Я очень хорошо рисовала, помните? *(Она не хвастает, а просто оправдывается.)* Я умею хорошо готовить, хожу на курсы шитья... и даже учусь говорить по-немецки, пан учитель! «Их бин, ду бист... эр ист...» Сейчас этому легко научиться. Даже сегодня вечером я узнала несколько слов... *(Сосредоточенно думает и наконец медленно произносит.)* Эр... ист... тот...

Ондрей. Сегодня вечером?..

Марика. Да, «эр ист тот» означает... он мертвый!

Тишина.

Ондрей *(взволнованно, громко).* Кто?

Марика. Тот солдат!

Шустек. Боже мой... какой солдат?

Марика. Вот чудной! Ну какие бывают солдаты? Конечно, чужие! Они свистели, бегали по городу и кричали «эр ист тот... эр ист тот!». Именно так! *(Внезапно умолкает.)* Разве вы не знаете, что случилось возле дома Фишла?

Угрик. Возле дома пана Фишла?

Марика. Тот солдат стоял в карауле... Я его как раз видела, когда после обеда шла в кафе. Ему было холодно... Он увидел меня... улыбнулся... *(Пауза.)* Ну а вечером его пырнули ножом...

Повитуха. Пырнули?..

Марика. Охотничьим ножом!

Мертвая тишина.

Бродяга *(хриплым голосом)*. И он... умер?

Марика. Надо думать! Он страшно... страшно кричал!.. Говорят, ему попали в почки...

Бродяга. Что ты болтаешь... что болтаешь? *(Хватает ее и трясет.)* Боже, ты сама не понимаешь, что говоришь!

Марика. Пустите! *(Вырывается.)* И не смейте называть меня на «ты»... Мы гусей вместе не пасли! *(Всем.)* Я говорю только то, что слышала. И милостивая пани может это подтвердить!

Аптекарша *(лепеча)*. Я... что... я?

Марика. Аптека рядом с домом Фишла. Вы должны были слышать, как кричал тот солдат!

Аптекарша *(испуганно)*. Я ничего не знаю! Я была на почте!..

Марика. Тогда пан учитель... Он живет напротив. *(Обращаясь к Томко.)* Вы слышали крик?

Томко *(неуверенно)*. Нет. Я ничего не слышал.

Ондрей *(быстро)*. Пан учитель... Вы все время что-то скрываете! Ну хоть сейчас скажите правду!

Томко, как бы застигнутый врасплох, не знает, что сказать.

Фанка. Ондрей, что ты выдумываешь?..

Ондрей. Молчи! Тогда я скажу сам! *(Томко.)* Вы услышали крик солдата... выбежали из дома... может быть, к воротам, может быть, на улицу... и

вас схватили! *(Пауза.)* А потом... потом вас били, пан учитель! Эта кровь... и ваши очки...

Томко. При чем тут я? Ведь я этого солдата... *(Поняв, что может проговориться, умолкает.)*

Ондрей. Вы оправдывались, объясняли, вот и...

Томко *(выведенный из равновесия)*. Ничего я не объяснял... Я не знаю немецкого!

Ондрей *(неумолимо)*. Пан учитель... это было так?

Томко молчит.

Молчанием вы никому не поможете! Мы должны знать, что нас ожидает... И чем скорее, тем лучше! *(В упор смотрит на учителя.)* Это было так, как я сказал?

Шустек *(нервно)*. У вас нет сигареты?

Бродяга. Есть... Но только для себя.

Шустек. Дайте хоть затянуться разок!

Бродяга неохотно протягивает ему сигарету. Все напряженно смотрят на молчащего учителя.

Томко *(уступая)*. Этот... нетерпеливый молодой человек... хочет знать правду. Молодые люди всегда хотят знать правду... *(Тихо.)* Да, это было так.

Бродяга *(зло)*. И вы признаетесь в этом только сейчас?..

Томко. Я не хотел... опережать событий. *(Медленно и спокойно, явно желая успокоить остальных.)* Я и сейчас не вижу причин для беспокойства. Разумеется, нас будут допрашивать, спросят, не знаем ли мы случайно чего-либо об этом... достойном сожаления событии. Вот, видимо, и все...

Аптекарша. Будут допрашивать?..

Угрик *(в ужасе)*. Значит... и бить?

Шустек *(Бродяге)*. Дай еще! *(Пытается затянуться. Взволнованно.)* Допрашивать... допрашивать... Но я думаю, только тех, кто живет близко от этого дома... как говорится, в сердце города...

Аптекарша. Извините, пожалуйста! *(Возмущенно.)* Да, мой дом выходит на площадь... но на почте подтвердят, что я три часа ждала разговора!

Повитуха. А я была у беременной женщины. У меня есть свидетель, пан учитель!

Фанка. Мы были в парке. Мы можем это доказать, правда, Ондрик?

Угрик *(категорично)*. Ни о каком допросе не может быть и речи... Я живу, простите, за городом, далеко.

Шустек. А что могу сказать я?.. *(Кричит.)* Я вообще здесь не живу...

Угрик. Сегодня вечером вы находились в городе, пан доктор.

Шустек. Я был в гостях. У зятя забили свинью. Зять... моя сестра... вся семья... мясник... и служанка... все они могут это подтвердить... *(Бродяге.)* Дайте еще затянуться!

Бродяга. Хватит, больше не дам. Неизвестно, сколько еще я сам проторчу здесь... *(Хриплым голосом, огорченно.)* У каждого есть свидетель... И каждый живет далеко... Каждый стремится быть подальше от этой истории. *(Неожиданно Марике.)* А ты?.. Ты тоже живешь далеко?

Марика. У черта на куличках! *(Зло.)* А вам какое дело?

Бродяга *(тихо)*. Может, зайду к тебе?

Марика *(высокомерно)*. Спасибо, меня не будет дома!

Бродяга *(еще тише)*. Может... никого из нас уже не будет дома...

Угрик. Почему не будет? *(Его мучает страх и какое-то недоброе предчувствие.)* Почему нас может не быть?...

Бродяга *(колеблясь)*. А вы сосчитали, сколько нас тут?

Томко *(он все понял)*. Молчите вы!

Бродяга. Нас... десять...

Томко *(Ондрею)*. Это просто случайность, и ничего другого...

Ондрей. Надеюсь, что так... *(Ему самому хочется в это верить.)* Без сомнения, нас будет еще больше.

Бродяга. Нет, сие не случайность... Таков уж старый обычай. *(Томко.)* И вы это хорошо знаете, пан учитель...

Томко *(почти умоляя)*. Здесь дети... Прошу вас, не надо!

Аптекарша. Какой обычай? Скажите, ради бога...

Бродяга. Один к десяти.

Повитуха. Один... к чему?

Бродяга *(ворчливо)*. За одного чужого — десять наших.

Тишина.

Фанка. Десять наших? *(Наконец понимает, в чем дело, и пугается.)* Ондрик... Это правда?

Ондрей. Ерунда!.. *(Зло, Бродяге.)* Считать не умеете! *(Быстро, нервно считает.)* Раз... два... три... четыре... пять... шесть... семь... восемь... девять... *(Внушительно.)* Нас здесь девять, а не десять!

Бродяга. Десять!

Ондрей. Девять! Девять!

Бродяга. Девушку тоже надо считать.

Ондрей *(резко)*. Почему?

Бродяга *(нерешительно, но спокойно)*. Потому что она здесь, среди нас.

Ондрей. Вы не смеете ее считать! *(Кричит.)* Я никому не позволю! Ей нет еще шестнадцати... Она еще ребенок!

Бродяга *(недовольно)*. Не кричи на меня. Лучше скажи это им... когда они придут!

Аптекарша. Я... Я не понимаю... *(Испуганно, Бродяге.)* За одного — десять... десять наших? Но для чего... с какой целью?

Бродяга. Просто так... для шику, уважаемая пани... *(В бессильной злобе.)* Такая маленькая оккупационная таблица умножения... один к десяти!

Дверь наверху открывается, раздается звон колокольчика.

Ондрей *(к Томко)*. Вы были правы. Еще кто-то! *(С облегчением шепчет.)* Франтишка лохматая... ты уже не десятая!

Люди в подвале, затаив дыхание, напряженно вглядываются в темноту. Там, у двери, на сей раз не слышно ни шума, ни

крика. Дверь закрывается, и слышны только осторожные, одинокие шаги по скрипучим ступеням. Кажется, им не будет конца.

Явление седьмое

Те же и Фишл

С лестницы спускается пожилой человек в черном. На нем черное пальто, черная шляпа, которую он ни разу не снимает, черные суконные ботинки, темные перчатки.

Аптекарша *(удивленно)*. Пан Фишл... вы?

Фишл. Добрый вечер, пан учитель. *(Подает ему руку.)* Целую ручки, пани. *(Сердечно, старику.)* Добрый вечер, пан Терезчак!

Шустек. Ради бога, нет ли у вас сигареты?

Фишл *(любезно)*. Для вас, пан доктор, всегда есть. *(Достает портсигар.)* Вам, как я вижу, не повезло?

Шустек. Я спешил на станцию. Тут-то они меня и... *(Нервно берет сигарету.)* Можно еще одну?

Фишл. Пожалуйста, сколько хотите.

Ондрей *(весь в напряжении)*. А вас... вас схватили только сейчас?

Фишл. Меня?.. Дело в том, что... *(Пауза.)* Меня сюда послали.

Ондрей. Так вы не... *(разочарованно)* не одиннадцатый?

Фишл *(обращаясь к Томко)*. Пан учитель, комендант города майор фон Лукас попросил меня... об одном одолжении. Вначале я отказался, но потом... *(Колеблется, кусает губы.)*

Томко *(в ожидании)*. Я вас слушаю, пан Фишл.

Фишл *(все еще не решаясь)*. Когда я узнал, кто именно был арестован...

Шустек. Арестован?

Фишл. Вернее, задержан... то я согласился... быть, так сказать, вашим посредником.

Томко. Вот видите... *(Возбужденно, всем)*. Разве не говорил я вам, что все разъяснится?

Фишл. К сожалению, я должен информировать вас о печальном событии... о коварном убийстве, жертвой которого сегодня вечером стал...

Повитуха. Солдат?.. Мы уже знаем это, пан Фишл.

Фишл. Знаете? *(Заинтересованно.)* А откуда?

Все молчат.

Томко. Вам что же, велено и допросить нас, пан Фишл?

Марика. Это я им сказала. *(Просто.)* Я слышала в городе.

Фишл *(обращаясь к Томко)*. Поймите, пожалуйста... То, что произошло сегодня вечером возле моего дома, имеет, разумеется, свои печальные последствия... Особенно для пана майора, поскольку это солдат из его личной охраны... И для меня тоже, потому что майор фон Лукас живет в моем доме... И для всех вас, ибо...

Бродяга *(с вызовом)*. В вашем доме? А почему именно в вашем?

Тишина. Фишл поворачивается. Медленно, внимательно разглядывает незнакомца.

Фишл *(стараясь сдерживаться, сухо)*. Насколько мне известно, приказ о предоставлении квартир для офицеров распространяется на всех граждан города. Не так ли? *(Отворачиваясь от Бродяги, всем.)* В любом случае майор — мой гость, а законы гостеприимства, я надеюсь, еще не умерли в этом городе... По крайней мере в моем доме...

Бродяга. Это ваши гости? Мы же их сюда не звали!

Томко. Молчите!

Напряженная тишина.

Угрик *(шипит)*. Заткнись, христа ради...

Фишл. Я думаю, относиться к этому так более разумно... и более полезно.

Томко. Извините, пожалуйста... *(Примирительно.)* Понимаете, в этой... сложной ситуации некоторые не в силах справиться со своими нервами.

Фишл. Пусть хоть справляются со своими мыслями. *(Более сдержанно.)* В конечном счете ситуа-

ция ясна: майор фон Лукас был вынужден, узнав о покушении на солдата вермахта, отдать приказ... арестовать десять жителей этого города, как *(запинается)* ...как заложников.

Ф а н к а. Как заложников?

А п т е к а р ш а. Я... я не понимаю!.. *(Умоляюще.)* Объясните, пан Фишл, что это такое...

Ф и ш л *(любезно)*. Если виновный найдется, всех вас отпустят... сразу всех десятерых, милостивая пани!

А п т е к а р ш а. А... а если не найдется?

Тишина. Все ждут. Мужчина в черном молчит и вытирает лоб платком.

Б р о д я г а *(как бы про себя)*. Если не найдется... то нас повесят. Или в лучшем случае — расстреляют. *(Фишлу.)* Какой срок?

Ф и ш л *(снова вытирает лоб платком, чуть слышно)*. До завтрашнего утра... до рассвета...

Ф а н к а. Когда восходит солнце, Ондрик?

Ф и ш л. Приближается зимнее солнцестояние... поэтому солнце взойдет только в шесть! *(Глядя на часы, ободряюще.)* Сейчас пока еще десять... До того времени преступника, я думаю, разыщут...

Т о м к о *(удрученно)*. Надо полагать, пан Фишл, надо полагать...

С т а р и к *(с отсутствующим видом)*. В Евангелии сказано: «Прежде чем пропоет петух, ты трижды отречешься от меня».

Ф и ш л *(Томко)*. Это значит, что вы арестованы не как подозрительные люди, а как заложники! Я знаю, что преступника среди вас нет... поэтому я и согласился прийти... Ведь я знаю здесь почти всех... *(Смотрит на Бродягу.)* Кроме вот этого человека. *(Обращаясь к Томко.)* Кто он?

Т о м к о *(пожимает плечами)*. Понятия не имею... Мы не знаем его.

Б р о д я г а *(с сарказмом)*. Палачу все равно, знаете вы меня или нет.

О н д р е й. Палачу? Вы что... с ума сошли? Здесь же несовершеннолетняя! *(Тянет Фанку в сторону.)* Ей еще нет шестнадцати! И этот закон на нее не

распространяется, пан Фишл... *(Кричит.)* Неужели ваш майор собирается убивать и детей?

Фишл *(тихо, бессильно)*. На счету любой войны есть, к сожалению, и дети...

Аптекарша. Здесь есть и женщины, пан Фишл!

Фишл. Война приносит страдания и женщинам, милостивая пани... У солдата, которого убили возле моего дома, тоже была жена.

Угрик. Мы штатские лица, а не военные, позволю себе заметить!

Фишл. Сейчас не существует штатских. Это, к сожалению, тотальная война, уважаемые.

Бродяга. Тотально проигранная война, уважаемый пан.

Фишл. Возможно. *(Сдержанно.)* Но не забывайте, пожалуйста, что перед вами немец!

Томко *(в тон Фишлу)*. А вы, пожалуйста, не забывайте, что перед вами невинные люди!

Фишл. В этой войне нет невинных! И ни в какой войне уже нет невинных!

Томко. Вы что, ослепли, пан Фишл? Или вы не хотите... видеть различие?

Фишл. В чем различие, пан учитель?

Томко. Ведь существуют сильные и слабые... Существует насилие... и его жертвы!

Фишл. Слабые тоже убивают. Охотничьим ножом, например. И к тому же еще в спину... Нет... нет... Кто убивает, тот уже не невинный!

Томко. Слабый защищается, как может. Другой возможности у него нет.

Фишл. У него есть возможность и не защищаться. Уступить силе, приспособиться. Разве не учит нас этому физика?

Томко. Человек живет не по физическим законам, а по законам общества... и своей совести...

Старик. По законам божьим, пан учитель!

Томко. Пан Фишл... *(Неожиданно примирительным тоном.)* Мы уже столетия прожили вместе в этом городе. Мы... и вы, старые немецкие семьи... И жили в мире, как подобает добрым соседям... Почему же сразу все должно измениться?

Ф и ш л. Это вы первые все изменили! *(Быстро.)* Вы забыли? Ведь и я сидел в этом подвале! Как изменились сразу эти наши добрые, старые соседи и...

Т о м к о *(перебивает)*. Но вы ведь недолго тут сидели, пан Фишл...

Ф и ш л *(смотрит по сторонам)*. Тогда здесь не было ничего... только голые серые стены... и десять перепуганных насмерть семей... *(Горько, обращаясь к Томко.)* Да, мы просидели здесь только три дня... Но зато без воды и хлеба... *(Показывает в угол.)* Вон там лежала кучка гнилого картофеля... Это было все, чем вы нас угостили!

Т о м к о. Но ведь то были первые дни восстания... горячие дни... И несколько горячие головы...

Ф и ш л. Мои добрые мирные соседи набросились на мою лесопилку и склад, а потом... *(Пристально смотрит на Томко.)* Вам когда-нибудь приходилось прятаться в хлеву, пан учитель?

Т о м к о *(рассудительно)*. Нашлись люди, которые вас обидели, но были и такие...

Ф и ш л *(прерывает его)*. Каждый в этом городе знал, кто такой Фишл! Торговец, которого ничто не интересовало, кроме леса. И все же ему пришлось прятаться в вонючем хлеву, как какому-нибудь вору...

Т о м к о *(продолжает)*. ...но нашлись и такие, которые помогали вам!

Ф и ш л. Об этом мне не надо напоминать! *(Нервно.)* Да, да... Например, сын пана Терезчака... *(Обращается к старику тоном почтительным и виноватым.)* Знайте, пан Терезчак, я этого никогда не забуду. До самой смерти я буду чувствовать себя вашим должником!

С т а р и к *(с сожалением)*. Что было, то было... Но если бы вы могли теперь...

Ф и ш л *(не давая ему договорить)*. Именно поэтому я и пришел сюда, чтобы помочь вам. *(Спокойно и рассудительно.)* Любая война когда-нибудь да кончится... Меня не интересует как... Я и дальше хочу жить среди вас, в мире, без упреков и ненависти! Ведь этот город — и мой город... На ва-

ших кладбищах покоятся и мои предки... Я говорю на том же языке, что и вы... *(Твердо.)* Даю вам слово, я сделаю все, что могу...

Все с облегчением вздыхают, лица проясняются.

Томко *(минуту помолчав)*. Спасибо вам, пан Фишл.

Фишл. Я выбрался из этого подвала, выйдете отсюда и вы... *(Возбужденно, почти радостно.)* У вас, словаков, есть одна мудрая пословица: «Спешка до добра не доведет»...

Повитуха *(пользуясь паузой)*. А не могли бы вы отпустить нас домой? Ведь мы и дома могли бы быть этими, как их... заложниками... Правда?

Фишл. Этого я обещать вам не могу. *(Грозит пальцем.)* К сожалению... тут есть и ваша вина!

Аптекарша. Наша, пан Фишл?

Фишл *(деловито)*. Заложниками должны были стать лица, нарушившие приказ и появившиеся на улице после комендантского часа. Дисциплинированные граждане сейчас спокойно сидят дома. *(Пожимает плечами)*. Ничего не поделаешь, военное положение. И приказы нужно выполнять!

Томко *(в сторону старика)*. Этого человека как будто схватили еще до семи!

Фишл. Пана Терезчака?.. *(Достает маленькую записную книжечку и записывает.)* Меня это очень удивляет... Ведь немецкая точность...

Томко *(перебивает его)*. Мне хотелось бы апеллировать скорее к чуткости, пан Фишл! Пани Бабьякова, например, возвращалась от роженицы... она исполняла свой долг!

Повитуха. Вот именно... *(Запинается и неуверенно продолжает.)* То есть... та женщина еще не родила... Может быть, сегодня ночью! Так где же они тогда меня будут искать?..

Фишл *(снова записывает)*. Не бойтесь, я ручаюсь, все кончится благополучно. Майор фон Лукас — очень корректный офицер. Разумеется, в рамках предписаний.

Аптекарша. А я... я тоже... всего на несколько минут... Я была...

Марика *(перебивает ее)*. Я... Я... Я!.. Каждый только о себе! А что же я?.. Вы и за меня скажите, пан Фишл!

Шустек *(отталкивает ее)*. Сообщите, пожалуйста, где следует, что доктор Шустек требует немедленного освобождения! *(Энергично, по-военному.)* Во-первых, я не проживаю здесь, в городе я был короткое время у своего зятя пана Фердиша Гавора. Во-вторых, в районе Леготы, находящемся в ведении доктора Шустека, обнаружен ящур. Присутствие ветеринара в таком случае крайне необходимо, иначе болезнь может распространиться по всему краю!

Фишл *(педантично записывает)*. О ящуре я упомяну, а о зяте лучше не надо.

Шустек. Почему?.. Он же мой свидетель.

Фишл *(сдержанно)*. К сожалению, немецкие учреждения сейчас завалены всякой... хм... информацией... Я опасаюсь, что о пане Гаворе... *(Не закончив фразу, пожимает плечами.)* Извините, я не хочу вас обидеть, но... но я думаю, что самые большие враги словаков — это сами словаки.

Бродяга. А знаете?.. *(Горько.)* Вы, наверное, правы.

Фишл *(не обращая на него внимания, Шустеку)*. Поймите, пожалуйста, вам не нужны ни свидетели, ни доказательства, ни алиби... *(Всем.)* Вы ведь ни в чем не обвиняетесь! Вы просто заложники... просто временная гарантия — и ничего больше!

Старик. Все временно... И только божья справедливость вечна!

Фишл *(всем)*. Предполагается, что сегодняшнее покушение является делом рук партизан. Майор фон Лукас имеет строгий приказ об охране порядка и безопасности в городе. Он должен усмирить...

Томко. Усмирить? Таким путем?

Фишл. Пан учитель... наш город оккупирован. И нет в мире такой армии, которая оставила бы без наказания поступки, направленные против ее солдат!

Бродяга *(не выдержав, взрывается)*. Так пусть эти солдаты возвращаются домой!.. Пусть они живут в своих городах... а не в наших...

Томко. Замолчите! *(Примирительно.)* Я вас понимаю, пан Фишл... Но... таким путем? Какой в этом смысл? Десять человек... десять безвредных случайных людей... Старики, молодые... мужчины, женщины, даже вон этот ребенок... *(Пауза.)* Какая здесь логика, пан Фишл?

Бродяга *(ворчит)*. Логика насилия!

Фишл. Логика борьбы. Логика возмездия. *(Быстро, Бродяге.)* А вы чего добиваетесь? Провоцируете? Хотите разозлить этих людей... осложнить ситуацию? Знаете, даже мое терпение и моя добрая воля имеют предел. *(Смотрит на часы.)* И мое время тоже. *(Впервые за все это время поднимает шляпу и прощается.)*

Аптекарша. Нет, нет! *(Хватается за него как за единственную надежду.)* Не уходите, пан Фишл!

Фишл. Я вернусь. *(Всем.)* И надеюсь, не с пустыми руками.

Повитуха. Помогите... бога ради, помогите!

Фишл *(любезно)*. Я никогда не меняю своих намерений. *(Глядя на Бродягу.)* Хотя в одном случае у меня нет веских доводов.

Бродяга. А чего вы ждали? Что я упаду перед вами на колени? *(Презрительно.)* Передайте привет от меня пану майору... А за меня... можете не просить...

Тишина.

Фишл *(помолчав минуту)*. Как это трудно... помогать людям... Ну, прощайте!

Угрик. Не слушайте его, пан Фишл, не слушайте!

Повитуха. Это же сумасшедший! Бешеная собака!

Томко *(вслед Фишлу)*. Не забудьте, пожалуйста, о роженице!

Угрик. И пожалуйста, сообщите пану Северини, что я здесь... что Само Угрик арестован!

Шустек. И про ящур тоже, пан Фишл, про ящур!

Фишл. Не беспокойтесь... я не забуду!

Шустек *(бежит за Фишлом по лестнице)*. Если разрешите... сигарету... Хотя бы одну пачку... *(Вытаскивает кошелек.)*

Фишл *(жестом отказывается от денег)*. Ну что вы, что вы... *(Останавливается на ступеньках, всем.)* Вот что я вам посоветую: там, в углу, должна стоять старая печка. Когда я здесь был, она была в порядке... Уже и тогда были холодные ночи... Затопите ее!

Прощаясь со всеми, он касается рукой шляпы и исчезает в темноте лестницы. Слышны только его шаги, скрип ступенек, стук в дверь и звон колокольчика. Затем — тишина.

Явление восьмое

Те же десятеро

Бродяга *(достает последнюю сигарету и небрежно бросает пачку)*. Вы нас уже согрели! *(Зло, вслед Фишлу.)* Но когда-нибудь... когда-нибудь и вам будет жарко!

Угрик *(Угрожающе, Бродяге)*. Заткнись! Господи, можешь ты замолчать, в конце-то концов? Этот человек хочет нам помочь, а ты его оскорбляешь!

Шустек. Да еще провоцирует... Провоцирует!

Угрик. По какому праву? Кто ты такой? И зачем ты все нам портишь?

Повитуха. Никто! Пан Никто! *(Истерически причитает.)* Еретик... бродяга... большевик!..

Угрик *(сквозь зубы)*. Лучше не вертись под ногами, приятель. Еще одно слово и...

Бродяга. И что?

В руке парикмахера блеснула бритва.

Угрик. А вот вырежу твой поганый язык! *(Потрясает бритвой перед неподвижным лицом Бродяги.)*

Бродяга *(пускает дым прямо в лицо Угрику)*. Да у тебя руки трясутся... Какой же ты парикмахер, прости господи?!

Томко. Угрик, опомнитесь! *(Подскакивает к нему.)* Дайте мне бритву! Сию же минуту... *(Протягивает руку и строго, как подобает учителю, ждет, пока Угрик не отдаст ему опасный предмет. Затем кладет бритву в карман своего зимнего пальто.)* И извинитесь!

Угрик *(возмущенно)*. Перед ним?! За что? Что я такого сделал? Немножко попугал... Это ведь никогда не вредно!

Томко *(резко)*. Извинитесь, пан Угрик!

Угрик *(молча пыхтит, затем обращается к Бродяге)*. Ну чего смотришь? У меня нервы не железные... Я уж такой... Да и ты мне не по душе... *(Ко всем.)* Никто из нас тут не имеет права задирать нос и... плевать на других!

Шустек. Абсолютно согласен. Ситуация требует, чтобы... *(Угрожающе.)* А он все провоцирует...

Бродяга *(спокойно)*. Скажу вам вот что: я этому вашему Фишлу не верю... И его посулам тоже.

Шустек. И еще деморализует...

Томко. Сразу видно, что вы не из нашего города. Не знаете людей... их отношений...

Бродяга. У меня есть глаза и уши. Я все вижу и все слышу.

Аптекарша. Пан Фишл — порядочный человек.

Бродяга. Он немец.

Повитуха. Но наш!

Старик. Его никогда не интересовала политика... Только лес... дерево...

Бродяга. Виселицы тоже делаются из дерева... И бараки в лагерях.

Томко. У вас предвзятое мнение. Терпеть не могу фанатиков!

Бродяга. А я — оккупантов! Терпеть не могу, когда чужие сапоги стучат в моем доме. (*Угрику и Шустеку.*) И таких людей не люблю, которые собственным языком подобострастно вылизывают до блеска эти сапоги.

Аптекарша. Но ведь пан Фишл обещал... Он дал нам слово!

Бродяга. А что сегодня значит данное слово?

Угрик. Эх ты, дурак! (*С видом превосходства.*) Разве не понимаешь, что это слово он дол-жен сдержать? Он уже раз прятался в вонючем хлеву... И он боится! Ему приходится нам помогать, потому что он думает о завтрашнем дне и хорошо знает, что станет с ним после войны, если он сейчас бросит нас на произвол судьбы. Самое меньшее — спалят его лесопилку. Поэтому сейчас он нам поможет, понимаешь?

Бродяга (*всем*). Но может, мне кто-нибудь объяснит, каким образом?

Повитуха. Будет просить за нас... заступится перед паном комендантом!

Аптекарша. Пан майор отменит свой приказ!

Марика. И нас отпустят домой!..

Бродяга. Неужели, кроме женщин... этому кто-нибудь еще верит?

Томко (*растерянно*). Он ведь обещал...

Шустек. А убитого солдата... уже списали на партизан. Для нас это хорошо!

Бродяга. Для нас уже ничего не может быть хорошего... (*Минуту размышляет.*) Они все спишут на партизан, в том числе и нас с вами... Для того они и арестовали женщин, чтобы вызвать еще большее возмущение. А потом разнесут по всему свету, будто партизаны виновны в гибели десяти невинных людей, своих земляков. (*К Томко.*) Вот где логика, пан учитель. И ваш Фишл прекрасно это знает.

Тишина.

Ондрей. До утра еще далеко... Может быть, преступник объявится.

Бродяга. Вот как? Вечером ты убьешь неизвестного солдата, а утром сам отправишься на виселицу? Ты бы так сделал?

Ондрей (*без колебания*). Если бы я знал, что из-за меня погибнут невинные люди — да!

Бродяга. Ты говоришь это сейчас. Но так легко не умирают, юноша!

Шустек (*неожиданно*). А что, если бы... Если бы кто-то выдал преступника... истинного виновника... Ведь партизанам же известно, кто...

Бродяга. Вы это всерьез?

Шустек. Да, вы не знаете партизан... (*Негромко и многозначительно.*) Зато я с зятем Фердишем... (*Делает какие-то таинственные жесты.*) Мы уверены, партизаны никогда не допустят, чтобы наша кровь оказалась на их совести. Никогда!

Старик (*хриплым голосом, с горечью.*) И среди них есть такие, которые не знают... не знают жалости. Нет больше жалости в этом мире. Мир болен, одержим бесом... его одолевают грехи... Что наша смерть? Ничто! Пыль... пепел... дым... (*Показывает на Бродягу.*) Он прав... наш прах будут кидать друг другу в глаза, обвиняя один другого в жестокости. Именно так!

Марика. Что вы нас хороните, дедушка? (*В страхе.*) Я еще не в гробу. И черви меня пока еще не гложут.

Ондрей. Убить одного солдата! Зачем? (*Качает головой.*) Нет, это сделали не партизаны!

Томко (*тихо*). Этот солдат охранял дом майора.

Угрик (*как бы продолжая свою мысль*). А что, если его убили немцы, пан учитель? (*Шепотом.*) Они сами... своего солдата?

Тишина.

Бродяга. Никто не знает, кто убил солдата. И собственно... никого это по-настоящему не интересует. И это хуже всего... хуже всего... Я боюсь, что эта ночь будет для нас... (*Обрывает фразу.*)

Аптекарша (*потрясенно*). Последней?..

Марика (*вздыхая*). Моя последняя ночь?..

Фанка. И наши... наши последние часы?..

Бродяга молчит.

Повитуха (*всхлипывает*). Иисус Христос, Иисус...

Фанка. Но я... я не хочу умирать! (*Хватает Ондрея за руку.*) Ондрик, я ведь еще не жила...

Ондрей. Не бойся, Фанка! Тебе нечего бояться!.. (*Останавливается перед ней, как бы заслоняя ее от всего мира.*) Я хотел бы знать... что ей могут сделать?

Все молчат.

Скажи им, сколько тебе лет!

Фанка (*робко*). Ты ведь уже сказал, Ондрик...

Ондрей. Шестнадцать! Исполнится на рождество. (*К Томко.*) Пан учитель, ведь она еще ходит в школу! Ведь... ведь у нее еще пальцы белы от мела...

В тишине подвала особенно чувствуется, как с каждой минутой нарастает его волнение.

На нее ведь законы не распространяются... Это всего лишь школьница, девчонка! Я еще ни разу... не прикоснулся к ней... Так неужели ее может кто-либо обидеть? (*В отчаянии.*) Она еще не созрела для любви, так неужели она созрела для смерти?..

Фанка. Зачем ты так... зачем? (*Она отпускает его руку.*) Так... не делают... (*Обиженная и потрясенная, тихо плачет.*)

Бродяга (*через минуту*). Извините, я не хотел... Я ни у кого не хотел отнимать надежды... (*В его голосе звучит неожиданное тепло, сочувствие.*) Но зачем себя обманывать... Ложная надежда хуже, чем... Может, лучше, если мы... если мы будем готовы ко всему...

Марика (*шепчет*). К смерти?..

Бродяга (*тихо, как бы самому себе*). Уже два раза она прошла мимо меня... Я знаю ее шаги... ее бесстрастное, тупое лицо... Я чувствую, как она приближается... и теперь уж не обойдет меня... (*Пауза.*) Остается одна, только одна-единственная надежда...

Все напряженно ждут. Бродяга молчит.

Аптекарша (*вздыхая*). Какая... какая надежда?

Бродяга. Молитва, пани.

Тишина.

Повитуха (*сквозь слезы*). Ты... ты еще... смеешься? (*Всхлипывает.*) В такую... в такую минуту, разбойник...

Бродяга отворачивается и, опустив голову, сидит в позе, выражающей полное смирение.

(*Внезапно поняв все, в ужасе.*) Он... он и вправду молится... Этот большевик... Молится! (*Падает на колени, воздевает руки и начинает читать молитву.*) Отче наш, иже еси на небесех... Да святится имя твое... да приидет царствие твое... да будет воля твоя... ако на небеси и на земли...

Подвал наполняется тихими жалобными голосами — молятся почти все.

Хлеб наш насущный даждь нам днесь... и остави нам долги наши... якоже и мы оставляем должникам нашим...

Подвал постепенно погружается в темноту. Звучат последние слова молитвы.

...И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого... Аминь.

Антракт

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Тьма. Тишина.

Внезапно раздаются четыре удара по металлическому бруску. Вслед за тем еще один — гулкий и одинокий: это где-то на башне часы пробили час пополуночи.

Сцену медленно заливает свет. Сейчас подвал выглядит уже более уютным. В старой печке светится огонь, некоторые — в том числе и учитель — сняли пальто и устроились поудобнее. Можно даже сказать, что в подвале навели относительный порядок: расставили вещи, которые прежде валялись как попало и мешали ходить. Никто не спит: Шустек бродит по подвалу, выдвигает и задвигает ящики, без конца ищет что-то; старик греется у печки; Марика подбрасывает уголь в топку; аптекарша сидит за ломберным столиком и гадает на картах; Бродяга уселся на своем старом месте — на последней ступеньке лестницы. Почти каждый нашел себе место, свой уголок, свое убежище, свой островок. Угрик раздраженно следит за передвижениями Шустека, морщится, слыша его шарканье.

Явление первое

Те же десятеро

Угрик *(раздраженно, кричит)*. Довольно суетиться! Господи, что вы ищете?

Шустек *(с таким же раздражением)*. А вам что за дело? Какое вам дело? (*Со злостью, Томко.*). Курить хочется... просто с ума сойти можно.

Томко (*бессильно*). Нет ничего хуже... вот так ждать!

Ондрей. Полночь минула... Остается пять часов...

Томко. Е-ще пять часов, Ондрей!

Аптекарша. Опять та же карта! (*Взволнованно.*) Уже второй раз выходит.

Повитуха. Какая карта, пани?

Аптекарша. Подождите, разложу еще раз!

Шустек. Разрешите... (*Выдвигает оба ящика ломберного столика.*) Черт возьми, кисет! Конечно, пустой... (*Разочарованно высыпает крошки табака на ладонь и со злостью задвигает ящики.*)

Фанка (*прижимаясь к Ондрею*). Может, уже идет снег... Когда мы пойдем домой, он будет скрипеть у нас под ногами...

Ондрей (*тихо*). Когда выйдем отсюда... (*Еще тише.*) Да, может быть. Может быть, снег идет...

Аптекарша (*показывая всем карту*). В третий раз — та же самая карта! (*Пронзительным голосом.*) Это к добру... дальняя дорога.

Слышится звон колокольчика. Все, замерев, смотрят наверх.

Повитуха (*выпаливает единым духом*). Пан Фишл!

В темноте слышен только скрип двери, затем поворот ключа — и снова тишина: ни голосов, ни шагов.

Аптекарша (*озадаченно*). Кто там?

Ондрей бежит вверх по лестнице.

Фанка. Ондрик, не ходи!

Юноша уже наверху, из темноты доносится его голос: «Кто здесь?» Молчание. Тишина. Фанка бежит за Ондреем.

Бродяга (*задерживает ее*). Не бойся, он уже возвращается.

Появляется Ондрей с буханкой черного хлеба и ведром воды.

Повитуха. Это что? Солдатский хлеб и... (*зло*) и вода в лошадином ведре?

Угрик. Это и есть ваше доброе известие, уважаемая...

Ондрей. Разделите хлеб, пан учитель.

Бродяга (*подходит к Томко*). Прошу вас... я два дня ничего не ел... дайте мне кусок побольше...

Шустек. Это еще что? Всем поровну! У нас у всех одинаковый желудок!

Томко. Вы-то были в гостях, а у него желудок пустой! (*Отрезает большой кусок и протягивает его Бродяге. Затем — тоненький кусочек Шустеку.*) Возьмите, пан доктор... Я думаю, что из-за ломтя хлеба мы не подеремся!

Старик (*склоняется над ведром, хочет напиться, но не знает, как это сделать. Наконец подставляет ладони и обращается к Фанке*). Ну-ка, полей...

Повитуха (*брезгливо*). Фу... если он будет пить... так я уж после него не стану...

Старик (*как бы извиняясь*). Да ведь я хотел... вот так... из рук...

Повитуха (*визжит*). Уберите свои грязные лапы, Терезчак!..

Старик. П-а-н Терезчак! (*Хрипит от злости.*) И если вы еще раз скажете мне...

Томко. Успокойтесь вы оба! Кроме себя и своей злости, ничего не видите! (*В конце концов и у него не выдерживают нервы. Кричит.*) А вот этого... вот этого... вы не видите? (*Показывает на ведро.*) Это ведь совсем не добрый признак.

Марика. Не добрый?.. Почему?

Томко. Да этот Фишл смеется над нами. Когда он сидел в этом подвале, наши не дали им ничего. Вот теперь он и послал нам этот «гостинец»... а сам не пришел.

Фанка. Может быть, еще придет... Пан учитель, вы же верили, что...

Ондрей. Все мы верили! (*Обращаясь к Бродяге.*) Только один вот не верил, что Фишл нам поможет. И, видно, был прав. Фишлу наплевать на нас...

Угрик. Нет, я не верю этому! Он бы не посмел...

Бродяга, съежившись, сидит на ступеньке, отвернувшись от всех. Он отрезает кусочки хлеба и медленно, осторожно пережевывает их, не обращая ни на кого внимания. Марика следит за ним.

Марика (*между прочим*). У меня был один знакомый, который в один присест мог съесть двадцать яиц, сваренных вкрутую...

Угрик. Так, значит, он сидел? *(Ехидно.)* Или лежал?

Марика. Вы бы лучше о своих делах позаботились, пан Угрик! У ваших клиентов, говорят, волосы лезут оттого, что вы всех их чешете одной расческой!

Угрик (*яростно*). Ты что это себе позволяешь? Ты... Ты... (*Не договаривает и отворачивается от Марики, потом словно загипнотизированный направляется к Бродяге.)* Вкусно?

Бродяга продолжает молча жевать.

Я спрашиваю, вкусно?..

Бродяга (*ворчит*). Нечего смотреть мне в рот... Я этого не люблю. Сгинь!

Угрик. Я не в рот смотрю... (*Тихо, угрожающе.*) Я смотрю... чем ты режешь хлеб!

Услышав слова Угрика, Шустек и повитуха тотчас же оказываются около Бродяги и останавливаются, пораженные.

Шустек. Охотничий нож...

Повитуха. Ведь именно таким ножом... (*Взволнованно, Марике*). Подойди сюда! Ты ведь говорила, что солдата убили... таким ножом?

Марика. Да, охотничьим... Но больше я ничего не знаю... Он ужасно кричал... его пырнули прямо в спину!

Кроме аптекарши, которая не может оторваться от карт, все медленно приближаются к Бродяге. Тот невольно встает, поднимается на ступеньку выше, все еще продолжая жевать.

Угрик (*в тишине*). Это что же... слу-чай-ность?

Бродяга. У меня — нож, у тебя — бритва. (*Спокойно.*) Ну и что? Бритвой тоже можно зарезать человека.

Угрик. Я ношу с собой не только бритву, но и мыло... щетку... ножницы... *(Достает из кармана пиджака мешочек и высыпает из него на стол принадлежности для бритья.)* Вот, пожалуйста, все при

мне. Каждую минуту меня могут пригласить в богатый дом или к больному. Вот и вчера позвали... (*Достает из кармана еще какие-то вещи.*) Вот, пожалуйста, пудра... примочка... полотенце...

Бродяга (*нервно*). Чего ему надо? (*Машинально поднимается еще на одну ступеньку.*) Он хочет сказать, что это я убил солдата? Убил... а теперь сижу... и режу этим ножом хлеб... у всех на виду... Так? (*Угрику.*) А этой примочкой ты лучше полечи себе мозги, а то они у тебя размякли!

Томко (*рассудительно*). Пан Угрик, ведь это не единственный охотничий нож на свете.

Угрик. Я ничего не утверждаю... я вообще ничего... Но только этого человека я не знаю. И никто из нас его не знает, никто. (*Вскакивает на ступеньку.*) Скажи, кто ты?

Бродяга жует и презрительно молчит.

Повитуха. Он же сказал, что никто... (*В смятении.*) Но потом... потом он молился...

Угрик. Да, молился... (*Кричит.*) Потому что он боится...

Бродяга (*тихо*). Да, боюсь...

Угрик. Боится, что...

Бродяга. Боюсь, что сегодня утром мы все умрем!

Угрик. Нет, это ты умрешь... Ты убил солдата! (*Отрешенно.*) На этом ноже должна быть кровь... Покажи... ну, покажи... Дай мне его!

Бродяга. Не трогай, это мой нож. (*Направляет острие против наскакивающего на него Угрика.*) И потом, я еще не доел...

Томко. Замолчите, Угрик! Это надо еще доказать...

Угрик. Доказать я не могу, но я... (*Весь дрожит, как ищейка, напавшая на след.*) Я чувствую! Я чувствую, что такой тип способен на все что угодно.

Бродяга. Ты чувствуешь, что к нам приближается смерть, и хочешь подсунуть ей меня, паршивец!

Угрик. Тогда пусть он скажет... пусть скажет, что он делал в нашем городе. Зачем пришел сюда?

Шустек. Где вас схватили?

Ондрей. И во сколько?

Круг людей, обступивших Бродягу, сужпвается. Стоя на третьей ступеньке, он возвышается над остальными. Он молча жует, но весь настороже.

Томко. Молчите?

Угрик. Понятно почему!

Шустек. Я знаю способ, как даже немому развязать язык!

Фанка. Ради бога, скажите!

Томко. Это необходимо... это нужно для всех нас... *(Строго.)* И я думаю, для вас тоже.

Бродяга неожиданно спускается со ступенек, ни на кого не глядя, идет сквозь кольцо окруживших его людей и направляется к ведру. Фанка угадывает его намерение, поднимает ведро и льет ему воду в ладони. Бродяга жадно пьет, потом тыльной стороной ладони вытирает рот.

Бродяга (*равнодушно*). Я уже сказал все, что считал нужным. Солдата я не убивал. А кто я и что я — это вас не касается!

Все вздрагивают от внезапного крика аптекарши.

Аптекарша. Боже мой! Снова та же карта! Снова она! (*Показывает какую-то карту.*) Она означает несчастье... смерть!

Тишина.

Фанка. Смерть?

Повитуха. Чью, чью... уважаемая пани?

Аптекарша. Я гадала не на себя... а на вас... на всех вас...

Вверху в темноте вдруг раздается скрип двери и пение колокольчика. Потом слышатся осторожные шаги, вспыхивает луч карманного фонарика. И вот в подвале вновь появляется человек в черном — пан Фишл.

Явление второе

Те же и Фишл

Фишл (*приподнимая шляпу*). Извините, что запоздал... Но у меня для вас добрые вести.

Аптекарша *(явно не веря его словам)*. Добрые вести?

Фишл. Вот именно... довольно добрые.

Аптекарша. А у меня на картах вышло, что...

Угрик. Ах, эти ваши карты! *(Разбрасывает карты и смеется.)* Смерть... смерть... смерть! Хватит нас пугать, уважаемая!

Шустек (*не спуская глаз с Фишла*). Что, убийцу поймали?

Томко. Или хотя бы напали на след?

Фишл. К сожалению... (*Ободряюще.*) Поиски продолжаются... До утра еще далеко.

Ондрей (*разочарованно*). Так это и есть... добрые вести?

Фишл (*обращается к Томко*). Пан майор терпеливо выслушал меня... приказал послать вам хлеб и воду... некоторые сведения он приказал тотчас же проверить... он проявил максимальную снисходительность и желание пойти на уступки.

Томко (*нетерпеливо*). А конкретно, пан Фишл, конкретно?..

Фишл. Пожалуйста. Например, пани Бабьякова с этой минуты может быть совершенно свободна!

Повитуха (*бормочет*). Я... я... свободна?

Фишл. Пан майор ведь понимает, насколько необходима медицинская помощь.

Повитуха *(самодовольно, остальным)*. Медицинская помощь...

Шустек. А со мной что? (*Обиженно.*) Она всего лишь повивальная бабка! У меня же — диплом... Единственный врач здесь — я!

Фишл. К сожалению, врач, который был всего-навсего у родственников... (*Беспомощно разводит руками.*) И к тому же у пана Гавора...

Шустек. А ящур? Эпидемия может охватить весь...

Угрик (*отталкивает его*). А что пан Северини? Ему сказали, что я здесь? Он знает, что и Само Угрика арестовали?

Повитуха. Люди, имейте совесть, ведь я еще не знаю, что будет со мной... (*Расталкивает всех и бросается к Фишлу.*) Так... кон-крет-но... я уже могу идти домой?

Фишл. Разумеется. Пан майор...

Повитуха. Ах, пан Фишл!.. (*Растрогана, хочет поцеловать ему руку.*)

Фишл (*отдергивает руку*). ...пан майор хотел бы только знать фамилию той роженицы.

Повитуха. Хотел бы знать... (*оцепенев*) что?

Фишл. Фамилию, улицу и номер дома. (*С улыбкой.*) Майор несколько любопытен.

Повитуха. Эта... эта женщина еще не родила... (*Взволнованно, к Томко.*) Я же вам говорила!

Томко. Какая разница. Главное, что вы там были!

Повитуха. Конечно! Была! Но... (*страдальческим голосом*) а если я не скажу... фамилию?..

Томко (*удивленно*). Не скажете? Почему?

Повитуха. Не могу!.. (*В бессильной злости.*) Зачем вам знать фамилию? Майор ведь не собирается быть крестным отцом!

Фишл. Не волнуйтесь, пожалуйста. Он только хочет проверить, правду ли вы сказали.

Томко. Назовите фамилию, пани Бабьякова!

Повитуха (*упрямо*). Не скажу!

Фишл (*понимая*). Значит, вы обманули? Ни у какой роженицы вы...

Повитуха. Ни за что не скажу!

Фишл. В таком случае, я сожалею... Адрес той женщины — это условие майора.

Томко (*сердито*). Говорите же, Бабьякова!

Повитуха молчит. Она совершенно убита.

Фишл (*с подозрением*). Что вы, собственно говоря, скрываете...

Повитуха (*испуганно*). Нет, нет!.. Я была у нее, это правда! (*Она в панике.*) И я... я ей помога-

ла... только не родить, а наоборот... чтобы она не родила!

Фишл (*удивленно*). Чтобы не родила?

Повитуха. Ну да. (*В отчаянии.*) Я не хочу, чтобы вы думали, будто я скрываю бог знает что. Что я этого солдата... Сохрани боже! Я только... устранила... Это ведь ничто... никому не нужное, четырехнедельное ничто...

Фишл. Ничто?.. (*Грозно.*) Уничтожение плода, по-вашему, это ничто? Это же подсудное дело, пани моя! Это строго запрещено!

Томко (*горько*). Ради бога, как вы могли...

Повитуха (*в слезах*). Только из христианской любви, пан учитель... от доброты сердца! (*Плача и стараясь как-то выгородить себя, выкладывает все до малейших подробностей.*) Вы небось знаете уродку Штефку? Эту рябую старую деву... Одни прыщи да бородавки... Так вот один вдовец железнодорожник позарился на ее домик! А она за месяц до свадьбы возьми да и сойдись с каким-то циркачом... даже имени его не знает... (*Умоляюще глядя на Фишла.*) Ее мать все глаза выплакала... умоляла меня помочь... Что мне оставалось делать, пан Фишл? Ведь это тоже... медицинская помощь... Помощь одной несчастной дуре.

Фишл (*с каменным лицом*). К та-ко-му виду помощи пан майор относится абсолютно отрицательно.

Повитуха. Абсолютно?.. (*Убито.*) Это значит... что мне придется остаться здесь?

Бродяга (*Бабьяковой*). Вы нанесли ущерб интересам империи. Империи необходимо, чтобы мы размножались... чтобы у великой империи было побольше дешевых слуг...

Шустек. Хватит болтать... Пан майор не будет защищать преступные деяния. За аборты наказывают всюду. (*Бабьяковой.*) А вы замолчите, довольно... Вы здесь не одна! (*Фишлу.*) Пан Фишл, я повторяю, моему округу угрожает...

Фишл (*прерывает*). Майор пошлет туда военного ветеринара, и тот сделает все необходимые прививки, объявит карантин. Больной скот ликвидируют, зароют в ямы с негашеной известью.

Шустек. Ну извольте... извольте! (*Зло.*) Но я не несу никакой ответственности за дальнейшее распространение эпидемии!

Фишл (*ободряюще*). Поймите меня, пан доктор, я не могу сообщить вам ничего другого... (*Достает из кармана пачку сигарет.*) Пока я могу предложить вам только это... видите, я не забыл.

Шустек. Что?.. Сигареты! (*В ярости разрывает пачку, мнет и разбрасывает сигареты.*) Для чего мне ваши сигареты? Вы же хотите меня повесить! А раз так — мне уже ничего не нужно! Считайте, что я некурящий! (*Обхватив голову руками, падает в кресло.*)

Воцаряется тишина.

Угрик (*любезно*). А вы звонили... пану Северини? Что он сказал?

Фишл (*уклончиво*). У него сейчас... много других забот, поважнее, чем...

Угрик. Чем что?..

Фишл (*колеблется*). ...чем судьба какого-то парикмахера.

Угрик. Какого-то?.. (*Застыл в оцепенении.*) Значит, ему наплевать на меня... Так?

Фишл (*сдержанно*). Это вы сказали, а не я...

Угрик (*некоторое время молчит, потом тихо, удивленно бормочет*). А кто же... кто же его завтра побреет? Его лицо... его нежную кожу... могут привести в порядок только мои руки! Ведь мы всегда понимали друг друга... (*Внезапно его охватывает ярость.*) Ах старая свинья! Десять лет я бьюсь над его потной плешью, над его жирной мордой... Десять лет выстригаю ему волоски в носу! Фу! Таких щеток нет даже у кабанов! Ух, этот старый обжора... жмот... бабник! (*Падает на диван. Его душат слезы обиды и жалости к себе.*) Десять лет... десять лет... и за все так отблагодарить... забыть Само Угрика!

Тишина.

Фишл. Что касается вас... (*Поворачивается к старику, на минуту задумывается.*) Пан Терезчак,

я бесконечно обязан вам... Ваш сын скрывал меня в самые тяжелые времена... И когда его потом застрелили партизаны...

Старик (*бормочет*). Не вспоминайте... не терзайте меня...

Фишл. Я попросил майора, чтобы он вас освободил. Он согласился и даже не спросил, арестовали вас до семи или после... (*Умолкает, не находя нужных слов.*) Он... очень основательный человек. Он затребовал... некоторые материалы... и, к сожалению, оказалось... (*Бессильно разводит руками.*) Как я говорю, самыми большими врагами словаков являются...

Бродяга. ...сами словаки. Мы это уже слышали! (*Насмешливо.*) А самыми большими друзьями — те, что живут в вашем доме!

Старик. Молчите... молчите! (*Заинтересованно.*) Так что же оказалось, пан Фишл?

Фишл (*холодно*). Ваш сын только делал вид, будто сотрудничает с немцами... в действительности же он никогда не был на их стороне и даже наоборот — весьма активно помогал повстанцам!

Старик. Что? (*Тяжело дышит.*) Тогда почему же потом наши его...

Фишл. Ваш сын вел опасную игру... А те, на чьей совести его смерть, не знали, что ликвидировали своего. То ли ложный донос... то ли недоразумение...

Старик (*выдыхает*). Ложный донос?..

Фишл. Мне неизвестны все детали, но было это приблизительно так... (*Понизив голос.*) Но если бы этого не сделали партизаны... гестапо уже было известно все!

Старик (*с огромным облегчением*). Мой сын... Значит... он не предал?..

Фишл. Вы-то должны были знать, что нет!

Старик. Я знал только то, что знали другие (*прерывающимся голосом*)... что он связан с врагами. Я ругал его, предупреждал, а он... он только смеялся... И всего лишь раз, единственный раз сказал мне. «Отец, помните одно — вам за меня стыдиться не придется». (*Гордо.*) И никогда не сказал ни слова больше!

Фишл *(нервно)*. Пан Терезчак, я не уверен, понимаете ли вы вообще, что... что в таком случае...

Старик. Да, понимаю. Вы ничем не можете мне помочь! (*С еще большей гордостью.*) Я должен остаться здесь! Потому что мой сын не был изменником!

Фишл (*с жаром*). Поверьте, я убеждал майора... ведь отец и сын... это два разных человека, но он... (*Замолкает и бессильно машет рукой.*)

Старик (*в волнении*). Да, два разных человека... Отец и сын... Но кровь у них одна... (*Низко, на старинный манер кланяется.*) Благодарю вас, пан Фишл! Ничего лучшего вы не могли для меня сделать... (*И вдруг начинает тихо, вполголоса напевать.*) «Эх, запела птичка на сосне»... (*Медленно приближается к Бабьяковой, которая тихо плачет в углу. Останавливается перед ней.*) Разве я не говорил вам... что еще спою, а вы будете плакать! (*Дрожащим голосом, плача, поет.*) «...Эх, что кому суждено, тот того не минет...»

Повитуха (*шепчет*). Простите, Терезчак...

Старик. Пан Терезчак, пани Бабьякова!

Повитуха (*покорно*). Простите... простите, пан Терезчак!

Тишина.

Шустек (*шипит на Фишла*). Так это и есть... ваши... добрые известия? (*Жестикулирует.*) Он остается здесь... и она... и я! (*Кричит.*) Все мы должны здесь остаться! Так чем же вы помогли нам, пан мой? Не делайте, черт возьми, из нас идиотов!

Фишл (*теряя самообладание, тоже кричит*). Никто бы не помог вам, если бы не одна нелепая случайность... Понимаете, никто! Немецкая империя не привыкла прощать своим врагам. А я использовал эту случайность и сделал для вас все, что мог, пан доктор!

Томко (*удивленно.*) Случайность?..

Фишл (*поспешно*). Убитый солдат был... пьян! В его шинели нашли пустую фляжку, а анализ крови подтвердил, что...

Ш у с т е к. ...что солдат нажрался? (*В истерике.*) Ну и что? Это меня не интересует!.. Так где же ваше доброе известие?

Ф и ш л (*уже полон самообладания*). Именно в этом! (*Не обращая внимания на доктора, к Томко.*) Вы понимаете, пан учитель? Пьяный солдат — это плохой солдат, это недисциплинированный солдат, А немецкий солдат должен быть...

Т о м к о. И это как-то меняет нашу ситуацию, пан Фишл?

Ф и ш л. Почти на сто процентов. Майор начал сомневаться, стоит ли ему настаивать на своем первоначальном решении и держать десять заложников за одного недисциплинированного солдата, который напился на посту и тем самым подверг опасности не только себя, но и своего начальника. (*Почтительно склоняется.*) И эти сомнения майора я, разумеется, активно поддержал!

Т о м к о (*с волнением*). А результат?

Ф и ш л (*немного помолчав*). После полуночи майор из-ме-нил свое решение!

Ш у с т е к. Изменил?

А п т е к а р ш а. Это значит, что все мы...

Ф а н к а. ...что всех нас отпустят?

Ф и ш л. Пока еще нет... (*замявшись*) ...и к сожалению, не всех...

Т о м к о (*сердито*). Пожалуйста, говорите яснее!

Ф и ш л (*вытирает потный лоб и с трудом ищет слова*). Если... если по прошествии ночи... настоящий убийца не найдется... майор не будет настаивать на наказании всех десятерых, он потребует только... (*в нерешительности вздыхает*) наказания одного из вас...

Ф а н к а. Одного?

О н д р е й. Одного... вместо десяти?

Ф и ш л. Да. (*Вытирает лоб.*) Майор считает, что это укрепит дисциплину. Солдаты поймут, что на полную защиту может рассчитывать только тот, кто... (*Запинается.*) Но для вас существенно лишь одно: девять человек будут освобождены.

Т о м к о (*в полной тишине*). Кто? Кто эти девять?

О н д р е й. И кто будет... тот один?

Шустек. Действительно... действительно вы помогли! (*Благодарно бормочет.*) Извините, извините меня, пан Фишл.

Томко (*требовательно*). Кто же будет этот один?

Фишл. Это... это уже зависит... *(Говорит с трудом, заикается.)* ...Только от вас.

Томко. От нас?

Фишл. Майор предоставляет вам... полную самостоятельность.

Томко. Мы сами должны?.. (*В ужасе.*) Нет, я не верю! Это невозможно!

Фишл. Девять будут освобождены. (*В отчаянии.*) Вы слышите? Девять отправятся домой!

Бродяга. Домой... домой! (*Пытается говорить спокойно.*) А мы спрашиваем, кто будет тот один... кто останется?

Фишл (*со стоном*). Большего мне добиться не удалось.

Ондрей. Что вы с нами делаете? Какую страшную игру... вы... (*Потрясен.*) Мы что же, должны написать свои имена на бумажках, бросить их в шляпу... и вытащить затем... ту единственную?!

Шустек. Нет... ни за что... никогда! *(Он дрожит всем телом.)* Я не доверяю свою жизнь воле случая... Я ее не в лотерее выиграл.

Угрик. Успокойтесь, пан доктор. Мы не допустим никакой случайности... (*Ондрею.*) И никакой шляпы нам не понадобится!

Шустек. Вот как?

Угрик. Не понадобится! (*Твердо, Фишлу.*) Тот, кто убил солдата, среди нас.

Фишл. Здесь?

Угрик. Да, здесь в подвале... Это один из нас!

Томко. Угрик, не смейте!

Угрик. Пан Фишл, тот нож...

Томко. Замолчите, Угрик! Вы не знаете, что вы...

Фишл. Дайте ему договорить, пожалуйста!

Угрик. Ладно, больше я не скажу ни слова. Я не... Если он мужчина, пусть признается сам.

Постепенно все взгляды устремляются к Бродяге, как к магниту, как к центру притяжения.

Ф и ш л (*растерянно*). Какой мужчина... какой нож?..

Б р о д я г а. Вот этот. (*Достает из кармана свой нож и бросает его к ногам Угрика.)* Ну что, доволен, падаль?

У г р и к (*поднимает нож и почтительно подает его Фишлу*). Не был ли это случайно... тот самый нож?

Ф и ш л (*рассматривает нож*). Да, это был точно такой же... Точно такой же охотничий нож с ручкой в виде горной лани!

У г р и к (*выпаливает*). Точно такой... с ручкой...

Ф и ш л. Но это не тот нож.

У г р и к. Как не тот?.. (*Кричит.*) А вы откуда знаете?

Ф и ш л. Тот нож остался в теле солдата... Он не смог его вытащить.

М а р и к а. Ах, вот почему он так страшно кричал!

Ф и ш л. Тот нож находится сейчас в комендатуре, пан Угрик. (*Возвращает ему нож.*)

Бродяга медленно приближается к Угрику, тот отступает. Наконец Бродяга выхватывает у него свой нож.

Б р о д я г а. Свинья! Подонок! *(Кажется, он вот-вот ударит Угрика, но лишь плюет ему в лицо.)* Вонючка!

У г р и к (*вытирает лицо*). Я... я это запомню. Ты еще пожалеешь!

Т о м к о (*горько, Фишлу*). Страшное семя вы посеяли... страшное, чудовищное...

Ф и ш л. Я... я... я только хотел помочь. Что касается майора, то это максимальная уступка. Ведь первоначально...

Т о м к о. Максимальная жестокость, пан мой!

Ф и ш л (*удрученно*). Так вы... отказываетесь?

О н д р е й. А вы ожидали, что мы согласимся?

Ш у с т е к. Заткнись, сопляк! *(Всем.)* Люди, не теряйте голову. Как-нибудь договоримся. Зачем погибать всем десятерым, когда им достаточно одного?!

Тишина.

Ф и ш л. Что мне передать майору, пан учитель?

Ш у с т е к. Что мы ни от чего не отказываемся. Мы...

Т о м к о (*перебивает его*). Дайте нам еще час времени, пан Фишл.

Ф и ш л. Я думаю, что это разумно. (*Достает часы.*) Сейчас два часа. Я приду в три, ровно в три. (*Пытается говорить дружеским тоном.*) Друзья мои, соседи... не отчаивайтесь! До рассвета еще далеко... Речь идет лишь о том, чтобы утро не застало нас врасплох... Нужен хотя бы один, чтобы мы... чтобы вы... чтобы мы могли воспользоваться той возможностью, которую предоставил вам пан майор!

Б р о д я г а. Возможностью превратить людей в трусов, подонков и предателей! *(Горько.)* Ах какой старый рецепт! И ваш майор его отлично знает!

Ф и ш л. Вы ошибаетесь! Это корректный офицер! И приказ он отдал только тогда, когда его вынудили обстоятельства! Было, как он сам сказал, только два или три подобных случая... где-то в Югославии... и потом в Польше...

Б р о д я г а. ...и потом в Бельгии... Голландии... во Франции... потом в Дании... Норвегии... и в Греции! (*Не может остановиться.*) За несколько месяцев почти вся Европа стала вашим заложником. А вы жрали, глотали страну за страной, чужие города, улицы, чужие реки, мосты... чужую свободу и народы.. Это ваша безумная мечта — сожрать всю планету... Но вы уже задыхаетесь... задыхаетесь!

Тишина.

Ф и ш л. Тот нож в спине солдата... (*Кусает губы.*) Я сожалею, что он был не ваш.

Т о м к о (*сурово*). Время летит! Оставшийся час... мы хотели бы побыть одни!

Ф и ш л (*словно опомнившись*). Извините, я не хотел... (*Смущенно бормочет.*) Какая ужасная ночь... Самая ужасная в моей жизни! Пойду разбужу майора, попробую его еще попросить... Открою старое шампанское... и буду просить... может быть, он от-

пустит и того единственного... сделаю, что только...

Томко (*строго*). Ступайте, пан Фишл!

Фишл неловко кланяется и быстро уходит. В темноте звонит колокольчик, слышится скрип двери и поворот ключа. Наступает удушающая тишина.

Явление третье

Те же десятеро

Томко (*взрывается*). Как вы осмелились обвинять невинного человека?

Угрик. А что случилось? (*Зло огрызаясь.*) А вы знали, что он... невинный? Черт возьми, неужели я не могу задать вопрос, когда речь идет о моей шкуре?

Бродяга. А вот я после войны задам вопрос: когда же повесят того парикмахера, что выдавал немцам людей?

Угрик. Война пока еще не кончилась... (*Кричит.*) И мы пока еще не вышли из этой дыры... ни ты, ни я!

Томко. Злое семя уже пускает свои ростки... Наши сердца наполняются страхом и ненавистью. (*Обращаясь ко всем.*) Прошу вас лишь об одном... что бы ни случилось, давайте держаться... как люди!

Бродяга. Этот вот не человек. Он вонючка, хорек!

Томко (*тихо*). Я знаю этого человека... и никогда не слышал о нем ничего дурного. Это страх... меняет наше лицо. (*Бродяге.*) Если можете, простите его.

Шустек. Черт возьми, время идет! Пора начинать! (*Лихорадочно.*) Давайте же что-либо делать... Голосовать!

Фанка. Голосовать?.. (*В недоумении.*) Здесь женщина, которая помогла мне появиться на свет... Здесь мужчина, который научил меня азбуке... А пан Угрик... он вплетал мне бархатные ленточки в косички... Здесь юноша, которого я... (*Едва сдерживает слезы.*) Как я могу голосовать? Против кого?

Томко (*Шустеку*). Никакого голосования! Я этого не допущу!

Шустек. А что же тогда?

Томко (*удрученно*). Не знаю...

Ондрей (*Фанке*). А ты молчи. Тебя это не касается!

Шустек. Не касается? Почему же?

Ондрей. Она несовершеннолетняя, пан доктор!

Шустек (*кричит*). А у меня трое детей... трое несовершеннолетних детей! Да еще вилла заложена. Кто будет выплачивать за нее? Вдова с тремя детьми?

Угрик. У меня нет ни заложенной виллы... ни детей. Но у меня есть жена... брат и сестры... и старушка мать. И меня кто-то ждет, и за меня кто-то боится. *(Твердо.)* Нет, нет... Само Угрик не должен погибнуть так нелепо... словно заяц, ослепленный светом фар!

Шустек. Тогда давайте... скажем... по возрасту...

Ондрей (*настороженно*). Это как понять?

Шустек. Очень просто... чтобы люди более старшего возраста, женатые, имеющие обязанности...

Марика. Да и тем, кто помоложе, тоже не хочется умирать, пан доктор!

Аптекарша (*Томко*). Женщины, я полагаю, в расчет не принимаются!

Томко. Ни в коем случае, уважаемая пани!

Шустек. Я не понимаю, почему бы именно женщин...

Аптекарша (*обжигает его взглядом*). У вас есть мать, пан доктор?

Шустек (*лихорадочно*). В таком случае... по общественной значимости!

Марика. По чему?

Шустек. Каждый человек имеет свою определенную ценность... ведь люди не равны между собой... Равенства никогда не было... и не будет...

Бродяга. Вы правы! (*В сторону Угрика.*) Если у человека, например, натура хорька или крысы... то и жизнь его стоит не больше, чем жизнь хорька или крысы.

Угрик. А жизнь какого-то Никто? Какую она имеет цену? *(Яростно, Бродяге.)* Никакой... никакой!

Ондрей (*встает между ними*). Давайте что-то решать, пан учитель! Уже четверть третьего.

Томко. Я это предчувствовал. Один станет врагом другого, все пойдут друг против друга. (*Устало.*) Что же я могу сделать, сын мой?

Старик (*появляется откуда-то с заднего плана*). Утро приближается, осталось совсем немного времени. В Евангелии сказано: «Ты первый в эту ночь, прежде чем пропоет петух, трижды отречешься от меня».

Томко. Да, все будет именно так. Это уже началось... Мы предаем один другого, предаем самих себя...

Шустек (*настойчиво*). Наша жизнь все же имеет большую ценность, чем жизнь, например, та-кой женщины! (*Показывает на Марику.*) Собственно, это даже не женщина. Это особа, не пользующаяся ничьим уважением, это нуль... Даже детей рожать она неспособна.

Марика. Неспособна? Кто это вам сказал?

Шустек (*со знанием дела*). При вашем... хм, образе жизни? Знаете, девушка, что такое сифилис? (*Внушительно.*) Провалится нос, сгниет тело, вы будете не говорить, а сипеть.

Марика (*в ярости*). У вашего деда сифилис, а не у меня! Я здорова. И я хочу жить! Пусть даже без носа. Жизнь все равно что-нибудь да значит... если даже человек не говорит, а сипит...

Аптекарша (*сухо*). Да, в каждой профессии есть свой риск.

Марика. Не бойтесь, уважаемая, нет у меня никакой болезни. А если бы была, то она была бы и у вас.

Аптекарша. У меня?

Марика. Да, у вас! (*Не в силах остановиться.*) С тех пор как я купила микстуру от кашля... тогда я еще не знала, что пан аптекарь за микстуру берет не деньгами...

Аптекарша. Что... что такое? (*Возмущенно.*) Так говорить о моем муже, которого сейчас здесь нет... и он не может себя защитить! О человеке, которому пришлось скрываться от...

Марика. Только от вас, от своей собственной жены! Весь город знает, что вы вышли замуж за аптеку! А в постели вы как... как живой труп!

Аптекарша (*истерически*). Ты... ты проститутка... ты бешеная сука... (*Вся кипит.*) Когда немцы уйдут, ты подохнешь с голоду! После войны тебе обреют голову... и будешь жрать помои, ты, клопиха!

Марика. Что? Повторите еще раз, уважаемая! (*Бросается к ней.*) Это я-то сплю с немцами?

Бродяга (*удерживает ее*). А разве нет?

Марика (*вырывается*). Что я вам сделала? (*Рыдает.*) Почему... почему вы обо мне такое говорите?

Шустек. В любом случае... (*Решительно.*) После войны начнется новая жизнь... И таких женщин, как вы, девушка, больше не будет!

Бродяга. Надеюсь, таких мужчин — тоже.

Шустек. Каких мужчин?

Бродяга. Да таких, как вы. Таких трусов. Оставьте наконец ее в покое! (*Сплевывает.*) Не дай бог иметь дело с таким вот типом, который прячется под женскую юбку!

Шустек. Здесь нет ни женщин, ни мужчин. Здесь только заложники. И майору нужен один из нас. Один из десяти!

Ондрей. Из девяти, пан доктор!

Шустек. Нас десять человек, дружище! (*Глядя на Фанку.*) Эта девушка тоже арестованная!

Ондрей (*взволнованно*). В таком случае я вам... я вам... вот что скажу! Я предлагаю себя... Сам... добровольно!

Фанка. Добровольно! (*Испуганно.*) Почему ты?

Ондрей. Чтобы он к тебе больше не цеплялся! Чтобы вообще ни к кому не цеплялся.

Бродяга. Что ты сходишь с ума?.. Ты пойдешь на смерть... а он снова в гости? Эх ты, балда!

Ондрей. Вы не верите, что я...

Томко. Хватит, Ондра! Ни слова больше...

Шустек. Черт возьми... Дайте ему договорить!

Томко (*ледяным тоном*). Послушайте, пан доктор! У вас свои дети, а у меня — свои! (*Становится перед Фанкой и Ондреем.*) Это мои дети! (*Угрожающе.*) И я советую вам оставить их в покое!

Шустек (*в состоянии полного изнеможения, бормочет*). Я... я не могу выдержать эту... эту неопределенность! (*Хватается за голову, ходит взад и вперед, потом вдруг останавливается перед стариком. Поднимает с пола одну из смятых сигарет, закуривает ее. Потом усаживается лицом к лицу со стариком. Говорит сдавленным голосом.*) Посмотрите... посмотрите... (*Выпускает дым прямо в лицо старику.*)

Марика. Что он делает? И почему так на него смотрит?

Шустек. Посмотрите, какое у него старое... дряблое лицо...

Лицо старика, неподвижное и бледное, в клубах дыма, кажется мертвым.

Марика (*истерично*). Не надо так смотреть на него! Не надо!

Шустек. Пан Терезчак, сколько вам? (*Тихо.*) Семьдесят семь? Восемьдесят?

Старик (*спокойно*). Семьдесят два, пан доктор.

Марика. Ой, как вам не стыдно! (*С отвращением.*) Я знаю, почему вы так на него смотрите. Знаю, что вы думаете.

Шустек. Пошли вы к черту! (*В ярости.*) Откуда вы можете знать, что я думаю?

Марика. Вы все думаете об этом... Почти все! Хотите, чтобы помер этот старик... чтобы он отправился к чертовой матери... Чтобы он стал тем самым... Это вы думаете!

Томко. Замолчите, Мондокова! Никто об этом не думает. Никто не имеет права так думать!

Старик (*тихо, покорно*). Эх, пан учитель... мне уже все равно... что сегодня... что завтра... что послезавтра... (*Делает беспомощный жест.*) Это все равно что ветер ловить в поле... Я свое прожил. И больше не хочу... А люди одичали... Мир взбесился... (*Горько.*) Я хочу отдохнуть, пан учитель.

Тишина.

Аптекарша. Вы... вы и вправду...

Угрик. Вы в самом деле... хотели бы... отдохнуть?

Старик. Я бы рад умереть... да пока не имею права.

Шустек. Не имеете права?

Старик. За мной еще осталось одно дело. (*Покорно.*) Сын меня просит...

Томко. Сын?

Старик. Он просит меня... взывает: «Очистите память мою, отец... Накажите доносчика!»

Томко (*твердо*). Ваш сын мертв! И память о нем чиста!

Старик (*не слыша его*). Рука сына указывает мне на одно лицо. (*Словно видя что-то перед собой.*) Я даже во сне его вижу... кривая улыбка иуды... я знаю это лицо... мне остается только найти его.., и убить! А потом я спокойно закрою глаза.

Повитуха. Ой, жестокий вы, Шимон Терезчак! Повторяете Евангелие... слово божие, а бога... бога в вашем сердце нет! Только месть да ненависть!

Старик. Кровь за кровь — как сказано в Писании!

Повитуха. Вы из тех, кто убивает с такой же легкостью, как и зачинает! (*Возмущенно.*) Наша жизнь висит на волоске, а он все думает о том, чтобы кого-то убить!

Старик. Вы тоже убиваете! Плоды человеческие... бутончики...

Повитуха. Бегите, Терезчак, донесите на меня! (*В ее душе снова закипает старая ненависть.*) Ваша жена уже знает дорожку.

Старик. Этого вы нам до смерти не забудете. Да, тогда вы едва не лишились своего диплома. (*Твердо, без сожаления.*) Но моя жена была права: убивать... срезать бутончики... это грех... смертный грех!

Повитуха (*задыхается от злости*). И это говорите вы? Вы, готовый убить человека?

Старик. Я должен! Это мой долг! Сын мне это завещал...

Угрик. Ясное дело, око за око... Таков закон. (*Осторожно и вкрадчиво.*) Но... не стары ли вы... для таких дел? (*Неопределенно.*) Может, было бы лучше, чтобы это сделал... кто-нибудь за вас... кто-нибудь помоложе?

Шустек (*подхватывает*). Скажем, кто-нибудь, кто переживет эту ночь... (*Как бы мимоходом.*) Например... кто-нибудь из нас...

Томко. Перестаньте! (*Сердито.*) Ради бога, о чем вы говорите?! Чего вы от него хотите?

Ондрей. Ничего. Только чтобы старик сам пошел на смерть!

Старик (*с сожалением*). Жаль, но я не могу... не могу... Отомстить должен отец. (*Шустеку.*) Если это сделают другие... то это будет убийство.

Ондрей. Какое там убийство! Не смешите, дедушка! Они бы ничего не сделали... только обманули бы вас! *(Его трясет как в лихорадке.)* Просто им нужно подставить чью-то голову... любой ценой! Ах, как вы все мне противны... как омерзительны! *(Неожиданно бросается бежать вверх по лестнице.)*

Фанка (*в отчаянии*). Ондрик!.. Ондрик!..

Бродяга (*хватает его на лестнице и крепко держит*). Боже мой, этот парень действительно способен сделать такое...

Ондрей (*пытаясь вырваться, говорит лихорадочно-быстро*). Да... да... пусть это буду я! Я никогда не думал, что люди такие... такие подлые!

Бродяга (*держит его еще крепче*). Кому ты собираешься принести себя в жертву, чудак? Этим трусам... которые хуже баб?

Ондрей. Пусти меня!.. (*Вырывается, кричит.*) Я ненавижу вас! Ненавижу этот подвал... весь мир... ваш жалкий фарисейский мир. Я не буду просить пана Фишла! Пусть убирается вместе со своим майором... зачем они сюда пришли... пусть убираются вон... вон... дайте нам жить!..

Фанка (*сквозь слезы*). Я не знала, Ондрей... что ты такой... такой... *(Бродяге).* Отпустите его, пожалуйста.

Ондрей (*спускается на ступеньку ниже. Весь сжался в комок и бормочет чуть слышно*). Я... я хочу быть человеком... а не тряпкой!

Томко (*в тишину*). Вы довели юношу до отчаяния... (*Едва владея собой.*) Мне стыдно за вас!

Шустек. А что мы?.. Разве нам легче?.. Жена... трое детей... По-вашему, это ничто? (*Поднимает с*

пола еще одну помятую сигарету и трясущимися руками подносит к ней спичку.)

Угрик. Без двадцати пяти три. (*Набрасывается на Томко.*) Вы только поучаете, пан мой, а делать... ничего не желаете!

Томко. Полтретьего? (*Удрученно, бессильно.*) Может быть, попросим еще час... на раздумье.

Угрик. Думать... думать... Но зачем, зачем, черт побери?

Бродяга. Вот именно! Думать уже ни к чему!

Томко (*стремительно*). А вы-то знаете, что надо делать?

Бродяга. Только одно. Не принимать предложения майора. Вот что надо!

Угрик (*с ненавистью*). Чего это он опять... чего ему снова надо? Почему мы не должны принимать предложение майора?

Бродяга. Потому что это мерзкое предложение. Вот почему!

Шустек. Мерзкое? Этот человек ненормальный! Ведь девять останутся в живых!

Бродяга. И все девять станут убийцами! Что ж тут хорошего? (*Глядя на Ондрея.*) Этот парнишка... Если бы мы допустили, чтобы он поднялся по лестнице, мы все стали бы...

Шустек (*не выдерживает*). Но утром... утром отпустили бы девятерых!

Бродяга. Девять его убийц... Девятеро убийц получают свободу! А что потом, пан доктор? Потом вы могли бы спокойно жить? Вот так... за чужой счет?..

Тишина.

Томко (*усталым голосом*). Он прав... И все мы это хорошо понимаем.

Бродяга. А тот, кто отдаст себя в их руки... Знаете, что его ждет?

Угрик (*замирает*). Побои?.. Пытки?

Ондрей. Не может быть. Ведь он согласился пойти на смерть добровольно. Что же с ним еще могут сделать?

Бродяга. Не знаю что... Но знаю, что они способны на все. И ты никогда не додумаешься, что они могут сделать... (*Протягивает вперед руки и раскрывает ладони.*) Эти черные точки — от сигарет. Они спутали мои ладони с пепельницей. Наверное, испытывали, проверяли, вынесет ли такое наша раса...

Ондрей. Вы вынесли.. Может, выдержу и я... (*Тихо.*) Я готов ко всему.

Фанка. Ондрей, ради бога...

Бродяга. Не плачь, девочка... Он сам не знает, что говорит... Этого добровольца повесят... публично, на страх всем. Дни и ночи будет висеть на площади... почерневший, с вывалившимся, распухшим языком... (*Грустно.*) И на это ты готов пойти, парень? Кто же возьмет на себя такое?

Томко. Молчите! Никто!

Шустек. Никто! Никто! Мы все такие добрые... ах, какие мы все добрые! А что дальше? Куда нам деваться с этой нашей до-бро-той? (*Стучит по часам и кричит.*) Фишл явится точно в назначенный час! Что мы ему скажем?

Бродяга (*задумчиво, про себя*). Против насилия у человека есть только одно средство...

Томко (*в ожидании*). Какое же?

Бродяга (*с минуту помолчав, просто*). Парень его назвал... Остаться человеком, не превратиться в тряпку, сохранить свое достоинство... свое человеческое лицо...

Угрик. Позвольте спросить... чем мне это поможет? Я сохраню свое достоинство, свое лицо, но лишусь головы? (*Бродяге, ядовито.*) Без достоинства можно прожить, а без головы — вряд ли. Ясно, дурак?

Шустек (*Бродяге*). Нет! Против насилия у человека нет никаких средств!

Томко. Никакое насилие не бывает длительным. В конце концов оно поглотит само себя. Так учит история!

Угрик. Не поучайте вы, христа ради, вы не в школе! (*Кричит.*) У нас нет времени. Через три часа начнет светать.

Аптекарша. Еще три часа... может быть, еще...

Угрик. До утра уже ничего не изменится! Пора готовиться... к самому худшему!

Шустек. По крайней мере один из нас...

Томко. А кто?.. Вы, пан доктор?..

Старик. В Евангелии от святого Матфея сказано: «И, когда они ели, сказал: истинно говорю вам, что один из вас предаст меня». (*Глубоким, полным скорби голосом.*) Так не будем ждать... пусть слово станет делом... Предадим одного из нас... Пусть девять фарисеев выдадут невинного...

Шустек. Святой Матфей! Евангелие! (*Старику.*) Вы что, забыли, что идет война?

Томко (*резко*). Вы ведете эту войну, пан доктор!

Шустек. Я ничего не веду. Я только обыкновенный поручик в отставке. Но я хорошо знаю, что войну не ведут в перчатках, пан учитель!

Бродяга. Это вы-то поручик? (*Сверлит его взглядом.*) В таком случае держитесь, как офицер! Чтобы мне за вас не было стыдно.

Шустек. Вам за меня?! (*Ошарашенный.*) А вы... вы...

Бродяга. Да, я — солдат! (*Саркастически.*) Если мы переживем все это, так я вас представлю к медали... за мужество... в отставке.

Шустек. Значит, солдат... (*Строго.*) А где же ваша форма, дружище? Что с ней случилось?

Бродяга. Какое вам дело?

Шустек (*мстительно*). Если будем живы, то лучше нам не встречаться в военно-полевом суде. (*Злорадно.*) Я чувствовал, что тут что-то неладно... Обыкновенный дезертир...

Повитуха. Дезертир? Бедняга, а я-то думала, он коммунист!

Шустек. Может быть, и это.

Бродяга. Я не дезертир... и не коммунист. Я был участником восстания, попал в плен, потом бежал, когда нас везли в концлагерь... Вот так, если хотите знать все. (*Шустеку.*) Убивать на фронте — это одно дело... А здесь, в этом подвале, нам никто не приказывает убивать. Никто! Если мы сами не прикажем...

Шустек. Но ведь один из нас... это условие майора! Собственно говоря, это его приказ!

Бродяга. Этот немецкий майор для меня не начальник. И для вас тоже, пан поручик!

Угрик. Заткнитесь же! Уже без четверти три! (*Зло, старику.*) Скоро этот ваш петух начнет петь! Через минуту явится Фишл. Мы его попросим одолжить нам свою шляпу, и пусть он сам соизволит вытащить из нее одно имя...

Бродяга. Что тебе далась эта шляпа? Боишься? А может быть, там будет мое имя...

Шустек. Или мое...

Марика. Может быть, это будет... женское имя!

Угрик. Они сделают это за нас, если мы не договоримся! (*Бродяге.*) И какая нам от этого польза?

Бродяга. Наши руки останутся чистыми. А убийцами будут они.

Угрик. Я не мученик... У меня фигура не та! (*В отчаянии.*) Я обыкновенный парикмахер. Я хочу жить... работать... брить и стричь... приводить в порядок вшивые людские головы!

Бродяга. Но больше всего ты заботишься о своей.

Шустек. Если мы откажемся, майор потеряет терпение, рассердится... и прикажет ликвидировать всех!

Угрик. Погибнут десять человек вместо одного!

Бродяга. Зато им не удастся превратить людей в тряпки.

Шустек. Они превратят их не в тряпки, а в трупы.

Угрик *(кричит, указывая на Бродягу)*. Это он... он зовет беду!.. Он хочет нашей смерти...

Томко. Нет, он просто не хочет, чтобы все мы стали... соучастниками...

Шустек. Мы должны решить сами! Другого выбора у нас нет.

Бродяга. У человека никогда не бывает большого выбора... (*Смиренно.*) Но всегда есть по крайней мере одна возможность. (*Пауза.*) Остаться человеком.

Шустек. Как... человеком? Любой ценой?

Бродяга. Да. Любой ценой.

Угрик. Вы слышите? Любой ценой! (*Его терзает страх и ненависть.*) А знаете, почему он так говорит? Потому что его жизнь уже не имеет никакой цены, она ничего не стоит — вот почему! Он конченый человек, и он это знает... знает! Он беглец... загнанный зверь... Как только его поймают — ему конец! Вот почему он не дорожит жизнью... ему уже все равно... ему уже нечего терять!

Бродяга (*вскипает*). Почему ты думаешь, что мне не хочется жить?.. Я просто не хочу жить... на коленях... на четвереньках, как собака!

Угрик. Да, да, ты не хочешь! Ты уже ничего не хочешь! (*Кажется, что он потерял рассудок.*) С самого начала ты стал все портить. Ты не верил, что Фишл нам поможет! А он помог! Девять из нас могут спастись! А ты не хочешь... Ты словно тот изувер, который завлекал людей на гибель... Ты уже стал черным, как земля, от тебя смердит могилой! Ты — сама смерть!

Фанка (*в отчаянии*). Пан учитель! Через пять минут — три!

Угрик. Без пяти три! (*Вдруг заливается безумным смехом. Он весь трясется. Выкрикивает.*) Благодарите меня... благодарите! Я знаю, что нам нужно делать! Само Угрик нашел путь из этого подвала! Для всех... для всех десятерых!

Аптекарша (*задыхаясь*). Говорите! Говорите!

Угрик. Достаточно назвать... одно имя! И все!

Старик. Одно имя?

Томко. Какое имя?

Угрик. Какое угодно! Разве вы не видите? (*Делает какие-то странные жесты.*) Весь город против них... Люди плюют, когда их видят... и не каждый, не каждый способен держать язык за зубами! (*Он уже не сознает, что делает.*) Нам нужно лишь договориться. Только одно имя... Какое — майору безразлично... ему нужен только один человек... одна голова... (*Торжествующе.*) И это не должна быть голова одного из нас!

Томко. И это все? (*Брезгливо.*) Я учитель... а не доносчик и не шпик, Угрик!

Тишина. Все осуждающе молчат.

Угрик. Почему вы молчите? (*Кричит.*) Вы не хотите жить?! Спастись?

Шустек. Таким образом? (*Разочарованно.*) Пошли вы к черту!

Бродяга. Вначале выдал меня... (*Презрительно.*) А теперь кого еще собираешься выдать, мерзавец?

Ондрей. Кого угодно! Лишь бы спастись самому!

Угрик. Я хочу спасти всех! (*Бродяге.*) В том числе и тебя! (*Взволнованно бегает, прихрамывая. Умоляюще.*) Одно только имя... ничего плохого тут нет... это более разумно, чем назвать одного из нас! Сколько таких, которые бунтуют... протестуют и не умеют молчать... которые говорят то, что запрещено... поют запрещенные песни... пишут на стенах запрещенные слова! О-о, я знаю таких, которые способны на все! (*Тяжело дышит.*) А мы... невинные... должны за них мучиться?

Ондрей. Эти люди борются за наше общее дело! (*Злобно.*) А вы... с кем вы? С нами... или против нас?..

Угрик. Я — один... я сам по себе! (*Отчаянно защищаясь.*) Человек имеет право не быть ни с кем! Только сам с собой!

Бродяга (*тихо, хрипловатым голосом*). Да, именно этого они и хотели... Чтобы было так... Это необходимо в условиях насилия... чтобы человек оказался один... сам по себе... Одинокий, слабый, сломленный, отчаявшийся... Чтобы он не стоял прямо, а согнулся... и ползал по земле... как червяк в навозе. (*Угрику.*) Как ты.

Угрик (*лихорадочно*). А ты, пропащий... хочешь, чтоб мы все подохли? И мешаешь... мешаешь всем... Ты нам все дело портишь! И не смей ругаться!

Бродяга. Я не ругаюсь, я... Каждый иуда рано или поздно повесится... если кто-нибудь его не убьет!

Угрик. Убьет? Кто?..

Бродяга (*резко*). Может быть, именно те, которым ты хочешь служить... которым ты собираешься... выдавать своих, ты, хорек!

Угрик (*он словно в забытьи*). Чтобы ты... чтоб ты... больше не ругался...

Из висящего на гвозде пальто учителя он выхватывает свою бритву и, подбежав к Бродяге сзади, перерезает ему сонную артерию.

Повитуха. Иисус Христос!..

Бродяга, сидевший на ступеньке, медленно падает. В подвале воцаряется панический ужас. Томко, Шустек и Ондрей уносят Бродягу на кровать.

Фанка (*оцепенев*). Что... что вы сделали?..

Угрик (*заикаясь*). Я... я не знаю... Боже мой!.. Ведь я... я ничего... это рука сама... (*Бросает бритву на пол.*) Боже мой!.. Словно сама по себе...

Томко (*стоит возле кровати*). Помогите, доктор! Ради бога, сделайте что-нибудь!

Шустек (*склонившись над телом*). Я уже бессилен, пан учитель...

Повитуха (*в отчаянии*). Священника! Ради бога, позовите священника!

Старик закрывает мертвому глаза. Томко набрасывает на него одеяло. Бабьякова крестится. Кто-то всхлипывает. В подвале по-прежнему царит ужас. Томко направляется к Угрику.

Томко (*лицом к лицу с Угриком*). Вы убили человека!

Угрик. Я не хотел!.. Я хотел... хотел всех нас...

Старик. Тсс... Послушайте! (*Прислушивается, глядя куда-то вдаль.*) Слышите?.. Петух поет...

Мертвая тишина. Пение петуха слышал только старик.

Все, как сказано в Евангелии... Он первый отрекся прежде, чем пропел петух... (*Угрику.*) Он убил в себе человека...

Все отходят от Угрика. Вокруг него — пустота.

Угрик. Я только хотел спасти... (*В отчаянии жестикулирует.*) Тебя... и себя... и вас... и вас... всех нас!..

Все молчат. Наверху раздается нежный звон колокольчика, открывается дверь. Темноту прорезает луч фонарика. Слышатся быстрые шаги по лестнице. Появляется мужчина в черном — пан Фишл.

Явление четвертое

Те же и Фишл

Фишл. Надеюсь, я точен. И буду краток: убийцу пока не нашли... Я говорил с майором, настаивал, просил, но, к сожалению... Девятерых они отпустят, а десятого — нет.

Томко (*сурово*). Все в порядке. Мы уже обо всем договорились.

Фишл. Договорились? (*Безразличным тоном.*) Как... вы договорились?

Томко. Предложение пана майора мы отклоняем!

Тишина.

Фишл (*удрученно*). Я это предполагал. Но майор настаивает на своем... Один человек, пан учитель!

Томко. Да, я понимаю.

Фишл. Прошу вас... подумайте еще раз! Я знаю, это предложение... (*Умоляюще.*) Но то, что угрожает всем, это еще более жестоко! Ваш отказ майор расценит как оскорбление, протест... проявление солидарности. И я боюсь, очень боюсь, что потом за это... за никому не нужный жест вы все поплатитесь...

Угрик. Разве я не говорил... не говорил вам?..

Фишл (*достает большой ключ*). Посмотрите... Вот я принес...

Угрик. Ключ?.. Что за ключ?..

Фишл. От этого подвала. (*Нервно и торопливо.*) Как только настанет утро... и ваш срок истечет.., один из вас может открыть дверь и... и выйти! Об этом есть договоренность, пан учитель!

Томко. А потом?..

Фишл. Потом он должен... бежать...

Ондрей. Бежать?..

Фишл. Да, бежать. (*Не глядя ни на кого.*) Все договорено... никто ничего ему не сделает... никаких допросов... никакой публичной казни... не будет ничего... вообще ничего... он только должен бежать и.., (*Умолкает, не закончив фразы.)*

Томко. Никто ничего ему не сделает... Он будет убит при попытке к бегству. Так?

Ф и ш л (*не отвечая, подходит к столу и кладет ключ).* Ради бога, возьмите этот ключ, пан учитель.

Угрик (*неожиданно*). Пан Фишл... Этот ключ не нужен!

Фишл. Нет, нужен! Не отказывайтесь! (*Кричит.*) Этот ключ... последняя уступка майора.

Угрик. Не нужен! Нас здесь уже не десятеро!

Фишл (*ошарашен*). Что?.. Вас уже... (*Удивленно осматривается.*) Кого-то не хватает... А-а, того...

Угрик. Да, именно того... Того, кого никто не знал! Того, который вас так ненавидел... и который не верил, что вы нам поможете... Но вы помогли, пан Фишл!

Фишл (*в недоумении*). Что с ним? Где он? Сбежал?..

Угрик (*показывая на кровать*). Там, пан Фишл.

Фишл направляется в глубь сцены, останавливается, замерев от страха, и только теперь осознает ситуацию.

Фишл. Он... он уже... (*Снимает шляпу, не в силах произнести ни слова.*) Ради бога, что здесь случилось?..

Никто не отвечает.

(*Отходит от кровати.*) Что... что здесь произошло, пан учитель?

Томко. Не спрашивайте меня ни о чем, прошу вас!

Фишл (*ошеломленный*). Это... это он сам?

Тишина.

Угрик. Да, сам... сам! (*Хватается как утопающий за соломинку, кричит.*) Почему вы молчите? Он же сам! (*Фишлу.*) Он боялся, что нас будут мучить... допрашивать! Он сделал это сам... и, наверное, знал почему!

Фишл (*уже пришел в себя, взволнованно*). Но... это меняет ситуацию.

Аптекарша (*быстро*). Для нас это... хорошо?

Фишл. Без сомнения, уважаемая пани, без сомнения! (*Испытывает огромное облегчение и полон*

энергии.) Боже мой! Произошло чудо... случайность! Ручаюсь вам, что скоро вы будете свободны!

Шустек. Все?

Фишл. Все! Сама судьба преподнесла неожиданное решение... И я без колебаний заявляю вам, что... (*запнувшись*) что... это наиболее удачное решение! Майора не будут интересовать подробности. В конце концов ему нужно только...

Томко. Одно мертвое тело. Только один мертвец — для рапорта.

Фишл. Ему не потребуются никакие показания... вообще ничего. (*Поспешно.*) Но на всякий случай... Вы знаете, кто был этот человек?

Томко (*гордо*). Он был один из нас... Один из заложников!

Фишл. Довольно! Этого вполне достаточно!

Угрик. Он вспоминал, как...

Томко. Помолчите!.. (*Угрожающе.*) Вы теперь имеете право сказать только...

Угрик (*нервозно, Фишлу*). ...вспоминал, как их везли в концлагерь, как ему удалось бежать!

Фишл. Бежать?.. (*Заинтересованно.*) Не был он случайно...

Марика. Я скажу, кто это был. (*С неожиданным чувством.*) Он был... он был... настоящий мужчина! Единственный мужчина среди вас... (*С ненавистью.*) А ты, Угрик, ты баба... ты подлый трус, ты...

Угрик (*сквозь зубы*). Перестань... заткнись... иначе...

Марика. Иначе ты и меня зарежешь?.. Ну зарежь! Всех убей, ты, иуда! (*Как будто только сейчас поняла весь ужас того, что произошло. Кричит.*) Иуда, иуда, иуда! Он... он его убил, пан Фишл, эта свинья! (*В отчаянии.*) Боже мой, люди, почему же вы молчите?

Угрик. Не верьте ей, пан Фишл! Не верьте этой проститутке...

Фишл (*в ужасе*). А это... это действительно так?

Все молчат. В тишине слышится только плач Марики.

Это правда, пан учитель?

Томко, опустив голову, молчит.

Угрик. Пан Фишл, я...

Фишл. Я вас ни о чем не спрашиваю! Говорите вы, пан учитель!

Томко, бледный, молчит.

Фанка (*пораженная*). Пан учитель... пан учитель... вы... вы молчите? А сколько... сколько лет вы нам твердили... «Дети, никогда не лгите... говорите всегда только правду»... А теперь вы молчите?! *(Сквозь слезы.)* Но я не хочу, чтобы вы молчали!

Томко (*притягивает ее к себе*). Не плачь, не плачь... Я хотел, чтобы он сказал все сам. (*Поворачивается к Фишлу.*) Пан Фишл...

Фишл (*внезапно поняв все, испуганно*). А теперь уж лучше молчите, пан учитель! Меня никто не уполномочивал вести расследование. И меня вообще ничего не интересует. Мне достаточно... майору достаточно... того человека, который там лежит... (*Кусает губы.*) Достаточно, понимаете? Больше я ничего не хочу знать!

Томко. Вы задали вопрос. И я на него отвечу.

Фишл. Ради бога, замолчите! (*Затыкает уши.*) Не надо ничего говорить!

Томко. Только правду, пан Фишл, только правду. Да, он его убил... И как это ни ужасно, мы не смогли воспрепятствовать этому!

Фишл. Я ничего не слышал! (*Кричит.*) Сейчас главное не в том, чтобы узнать правду, а в том, чтобы спасти вас. Майор уже спит... Я не стану его будить и ничего ему не скажу! Только утром... утром я доложу, что все в порядке... что его условие выполнено и теперь он может вас отпустить! (*В отчаянии.*) Господи, ну что еще я могу ему сказать? Я не могу... не хочу!..

Томко (*с достоинством*). Скажите, пожалуйста, пану майору...

Ондрей *(прерывает его, волнуясь).* Скажите ему правду... Скажите, что здесь уже пролилась не-

винная кровь... И еще передайте пану майору... передайте ему... пусть убирается к черту!

Фишл *(в ужасе отступает по лестнице)*. Боже мой, люди, не теряйте разума! Я ничего не видел.., ничего не слышал! Боже мой!

Он бежит вверх по лестнице, беспокойно прыгает луч его фонарика, слышится быстрый стук в дверь, она открывается, раздается звон колокольчика. Тишина.

Явление пятое

Те же девятеро, без Фишла.

Старик стоит возле мертвого, как солдат в карауле, и смотрит в пустоту.

Старик. Человек, который способен убить... когда ненависть мутит его разум... и злость застилает глаза... явно совершает такое не впервые... *(Мрачно.)* Но еще и лгал, предавал... обливал грязью убитого!

Угрик. Я хотел спасти нас всех! И спас! Теперь больше не надо ничего предпринимать! Только ждать утра!

Старик. И память моего мертвого сына вот так же чернили! А это нельзя простить! *(Поднимает два пальца, как для присяги.)* Клянусь, что, если только мы выберемся из этого подвала, я пристрелю тебя, как собаку!

Угрик *(ко всем)*. И вы... вы молчите? Ведь этот сумасшедший старик лжет!

Тишина.

Фанка *(прижимается к Ондрею)*. Мне холодно... Я боюсь, Ондрик...

Старик. Мертвых не нужно бояться! *(В сторону Угрика.)* Бояться нужно живых!

Угрик *(яростно)*. Он лжет, лжет! Утром нас всех отпустят домой!

Томко *(тихо)*. И вы снова будете стричь, брить... улыбаться... А вечером ляжете с женой в постель, как... как ни в чем не бывало.

Угрик. И вы тоже... и снова будете учить детей в школе! *(Громко кричит, словно хочет заглушить голос своей совести.)* Господи, в конце концов все мы вернемся к нормальной жизни! Не знаю, почему я снова не могу нормаль-но жить!

Томко. Вы убили человека, Угрик...

Угрик. И спас девятерых... В том числе и вас, пан учитель!

Томко. Весь город узнает, как... нам удалось спастись. *(Горько.)* Если бы я сейчас на это согласился... я уже никогда не смог бы сесть за учительский стол... и посмотреть детям в глаза... Что я увидел бы в них? Печаль... пустоту...

Угрик. В таком случае... умрем мы все! *(В сторону Ондрея.)* Ему я не удивляюсь! Он молодой, глупый... вот и шумит... «Скажите майору правду.., пусть убирается к черту» — и так далее. *(Томко.)* Но вы-то... вы знаете жизнь и хорошо понимаете, что сегодня от всех нас требуется только одно: выдержать... выжить... спастись. В конце концов, у человека одна жизнь!

Томко. И у него была только одна жизнь! А вы ее у него...

Угрик *(в отчаянии)*. То, что случилось... наименьшее из всех зол! Наименьшее, пан учитель!

Томко *(неумолимо)*. Это было самое обычное убийство, Угрик.

Аптекарша. Прошу вас.. прошу! *(Жалобно к Томко.)* Мертвого мы уже не воскресим... Ему уже все равно... что сделают живые...

Угрик. Ну наконец-то! Наконец-то хоть одно разумное слово!

Шустек *(подхватывает)*. Я понимаю вас, пан учитель... В результате насилия у нас на глазах погиб человек... Но боже мой, сколько людей погибает сегодня насильственной смертью. В эту минуту и каждый час... каждый день! На рассвете насильственной смертью должны умереть и мы. *(Настойчиво.)* И я спрашиваю — во имя чего? Умереть именно теперь, когда события развиваются благоприятно для нас! Сейчас не время для... сантиментов!

Томко *(горько)*. Сантиментов?

Шустек. Мы не понимаем друг друга! Простите. *(В сторону Угрика).* Разумеется, этот человек понесет ответственность за свой поступок — ответственность перед своей совестью, а после войны, конечно, и перед судом. Но что касается нас, остальных...

Угрик *(иронически его прерывает).* Ну нет, пан доктор! Так дело не пойдет, пан фарисей! Никаких судов... ничего! Майор поставил свое условие... Само Угрик — свое!

Повитуха. Условие? Какое?..

Угрик *(указывает на мертвого).* Это было самоубийство. Никто из нас к нему не прикоснулся. Вы должны молчать — вот мое условие!

Томко. В таком случае мы станем... соучастниками убийства.

Угрик. Да, да!.. Соучастниками! Совершенно верно! А что касается совести, то она у всех нас будет нечиста! У всех, кто благодаря мне сохранит жизнь... *(Голос у него прерывается.)* Люди живут с тяжелым камнем на душе, с нечистой совестью тоже можно прожить...

Тишина.

Ондрей. И этой бритвой... *(пнув ногой бритву, лежащую на полу)* вы еще кого-то будете брить?

Повитуха *(испуганно).* Ты убил его... так легко... так легко...

Угрик. Я не убийца... Со мной такого еще не случалось... Да я и сейчас не хотел... Думал только пригрозить... *(Пытаясь защититься.)* Он... он меня ненавидел... Я его тоже! С первого взгляда... Он звал смерть! И мешал нам, мешал!

Ондрей. Вам, Угрик! Не нам!

Марика. Такого я еще не видела. *(С сожалением.)* А может быть, уже и не увижу...

Угрик. Это был враг... сыч, он накликал смерть... Я должен был... должен был его отпугнуть... Он был... чужой среди нас... одинокий... никому не нужный! Даже имени своего не сказал... ничего... У него были такие... странные глаза... странная речь... и он так странно себя вел... *(Стараясь припомнить что-нибудь плохое.)* И этот эшелон...

концлагерь... и о расе он что-то говорил... Помните? Нет, нет... Это не был повстанец... И вообще он не был солдатом! *(Вскрикивает.)* Знаете, кто это был? Это был еврей!

Шустек. Еврей?

Угрик. Да, да! *(С облегчением.)* Его крестили не святой водой, а ножом... Ручаюсь!

Томко *(не выдерживает)*. И вашей бритвой, Угрик, вашей бритвой.

Угрик *(поспешно)*. Эти глаза... эти речи... Только у евреев такой злой язык... такая наглость! Вспомните, как он оскорблял Фишла! Только евреи так ненавидят... и презирают всех, кроме себя... И здесь он был один... ни с кем не хотел общаться... и нож прятал у себя... замышлял что-то против нас!

Повитуха. Он... он же молился!

Угрик. Ложь!

Шустек. Сегодня еврей вообще не мог бы...

Угрик. То, что он убежал, этому я верю. Может, из эшелона... из лагеря! Но солдатом он не был... Это был еврей!

Томко *(угрожающе)*. Ну и что, если он был еврей? Что из того?

Угрик. Боже упаси, я ничего не имею против них... вообще ничего! Они хорошие клиенты и... *(Пожимает плечами.)* Но все же есть разница... Все же он был не наш!

Томко. Какая разница? *(Выходит из себя.)* Разве он не сидел здесь вместе с нами? Разве мы не готовились к смерти все вместе? Разве нас всех ждала не одна и та же участь? И наконец, его погубили не те, чужие, а...

Угрик. Не кричите, пан учитель... Не нужно на меня кричать! Евреи не на моей совести! Испокон веку их кто-то притесняет... мучает... уничтожает... И вы хотите, чтобы я один был за все в ответе? Одним евреем больше, одним меньше — это сегодня уже никого не...

Томко. Одним человеком! Одним человеком!

Угрик. Я не хотел убивать! Я и не предполагал, что он еврей... *(Кричит.)* Но теперь мне стало немного легче.

Томко. Вы хо-ти-те, чтобы вам стало легче... Поэтому и утверждаете, что он еврей!

Угрик. Хотите, докажу? *(Неожиданно.)* Пожалуйста! Это нетрудно узнать! *(Торопливо ковыляет к кровати, на которой лежит мертвый.)*

Учитель хватает его за пиджак.

Томко. Вы... вы собираетесь... осматривать мертвого?.. *(Бьет Угрика по лицу изо всей силы. Пауза. Задыхаясь.)* Извините... В жизни... я еще... не ударил ни одного взрослого... но то, что вы хотели сделать...

Угрик *(в отчаянии)*. Я только хотел... взглянуть на его руку... нет ли на ней номера... и больше ничего!

Томко. Вы убили человека. *(В изнеможении.)* Кто бы он ни был, ваша вина останется на вас!

Старик появляется откуда-то из-за кровати, направляется к Угрику.

Старик *(неумолимо)*. Иуда Искариот предал господина своего... убил его поцелуем своим иудиным... потом горько заплакал... ушел... и удавился.

Угрик. Что он говорит... что он такое говорит?! *(В ужасе.)* Пусть он оставит меня в покое! Этот старик — безумный!

Старик. Больше я тебе ничего не скажу. Только вот тебе мое последнее слово. *(Показывает на стол.)* Возьми этот ключ... Он — твой!

Угрик. Мой?.. Почему мой?

Старик. Кровь за кровь... Так сказано в Писании.

Угрик *(как лунатик, приближается к столу)*. Мой ключ?

Старик. Я знаю, что ты его не возьмешь. Ведь ты не мужчина!

Угрик берет ключ, сжимает его в руке... но тут же бросает, словно обжегшись; ключ со звоном падает на стол.

Угрик. Пан учитель... вы тоже считаете... *(голос его прерывается)* что этот ключ... мой?..

Томко молчит.

(Вне себя от отчаяния.) Тетка Бабьякова?.. Пан доктор?..

В подвале — тишина. Страх Угрика переходит в ярость.

Смотрите, как притихли... выжидают... словно вόроны! Как они ждут... что сделает Само Угрик! *(Криво улыбается.)* А что, если я этот ключ... и вправду возьму? Только для того... чтобы и ваша совесть была нечиста?

Томко. Никто от вас ничего не хочет! *(Старику.)* Вы никому не имеете права давать этот ключ...

Старик. В Писании сказано: кровь...

Томко *(строго)*. Мы можем судить... но не осуждать!

Угрик *(радостно подхватывает)*. Правильно, пан учитель, правильно! Само Угрик судит себя сам... Самый лучший судья — это ты сам! *(Другим тоном.)* Смотрите... какие неблагодарные люди! *(Обращаясь к старику.)* Этот дает мне ключ... а только что клялся, что укокошит меня... *(Обращаясь к Шустеку.)* А этот угрожает мне судом после войны... *(Полон жалости к себе самому.)* Эх, Угрик, Угрик... может быть, лучше, чтобы тебя прикончили чужие, чем свои... Парикмахер, убитый при попытке к бегству... Само Угрик — лучший парикмахер в городе... Человек, который всю свою жизнь честно жил... честно работал... пока не настали эти скверные времена!..

Томко *(внезапно все поняв)*. Угрик, опомнитесь!

Угрик. Нет, вы меня еще не знаете. Но Само Угрик знает себя. *(Голос его дрожит.)* Да, он всегда чего-то боялся... всегда гнул спину, угождал... всегда его кто-то или что-то... пригибало к земле... *(Сквозь слезы.)* Но он еще способен... способен... выпрямиться... хотя бы раз в жизни... Да, и Угрик — мужчина, а не баба! *(Подходит к мертвому, грубовато.)* Извини, брат... Угрик всегда отдавал долги! *(Быстро поворачивается к остальным, гордо.)* Я знаю, что этот ключ — мой и принимаю его. Но один из вас... один из вас должен мне его подать...

Никто не шелохнулся.

Ну что, трусы?.. Не хотите оказать мне услугу?

Старик решительно идет к столу, чтобы подать ему ключ.

Томко. Терезчак! Ни шагу! *(Взволнованно.)* Этот ключ... Никто не подаст вам его, Угрик!

Угрик *(бормоча)*. Ну хорошо... Сойдет и так... *(Медленно, с каким-то достоинством идет к столу. Задумчиво.)* У нашего дедушки был такой же ключ... От садовой калитки... *(Хватает ключ и быстро идет к лестнице. На первых ступеньках говорит.)* Скажите дома, что им за меня не придется краснеть! *(Пауза.)* Или... не говорите ничего. Прощайте! *(Быстро, прихрамывая, идет вверх по лестнице.)*

Повитуха. Иисус Христос!..

Фанка. Нет!.. Нет!.. Пан учитель, только не это!..

Томко *(бежит к лестнице)*. Угрик... Вернитесь! Вернитесь немедленно!

Угрика не видно. Он уже скрылся в темноте. Слышен только его резкий голос.

Угрик. Вас уже мучает совесть? Ну по крайней мере вы хоть теперь знаете, что она у вас есть...

Ключ скрежещет в замке, дверь открывается, в последний раз поет колокольчик. Затем — быстрые шаги, удаляющиеся по невидимому коридору. И вдруг откуда-то с улицы доносится короткая автоматная очередь. Тишина. Люди в подвале замерли.

Старик *(уверенно)*. Нет... его не... *(Глядя на неподвижное тело Бродяги.)* Только вот этого беднягу жалко...

Ондрей. Мы даже не знаем, кто он был...

Томко *(тихо.)* Он был странник в пути... *(Смотрит вверх, в темноту лестницы, куда ушел Угрик.)* Они были... наши братья... Наши несчастные братья...

Занавес

Почти божественная ошибка

Перевод В. Каменской
Редактор М. Финогенова

Научно-фантастическая комедия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Элиаш — свидетель, 45 лет.

Инспектор Фрикс — специалист по загадочным преступлениям.

Макси — его правая рука.

Профессор Йордан — знаменитый хирург, кандидат на Нобелевскую премию, 65 лет.

Сестра Беата, 20 лет.

Сильвай — директор фирмы ИИП (изобретения и патенты).

Францо — его заместитель.

Д-р Киш — референт по юридическим вопросам.

Первый пациент, 45 лет.

Второй пациент, 45 лет.

Жена пациентов, 40 лет.

ЗАМЕЧАНИЕ АВТОРА

«И вы не боитесь, что возникнут проблемы?» — спрашивает Элиаш профессора Йордана. «Это уж не мое дело, — возражает тот, — я отвечаю только за свою работу. А не за проблемы».

Все большее распространение получает взгляд, согласно которому человечество стоит на пороге новой революции, на сей раз биологической. По мнению сторонников этого взгляда, она окажет куда большее влияние на жизнь человека, чем оказала в свое время промышленная революция XIX века или современная научно-техническая революция. Как полагают, «биологическая бомба замедленного действия» по своему значению превзойдет и такие вехи цивилизации, как открытие огня, переход к земледелию, распространение книгопечатания, изобретение колеса.

Если средневековые алхимики не сдержали своих обещаний и не сумели подарить современникам эликсир жизни, то нынешние, новые «алхимики», вооруженные электронными микроскопами, позволяющими в миллион раз увеличивать изображение, обещают сохранение молодости до преклонных лет, а кое-кто из них помышляет уже и о возможности бессмертия. В таинственных мастерских изучаются методы стимулирования работы мозга, операции на генах, способы регулирования интеллекта путем введения в организм аминокислот и т. п. Подготавливаются чудеса генетики. Ученые обещают дать человечеству «потомство по заказу», детей заранее предопределенного пола и способностей, причем родители даже смогут не обременять себя актом зачатия, да и вообще их может не быть в живых: все будет сделано в лаборатории, с помощью идеально сохраняемой и идеально законсервированной спермы.

Кажется, что спустя двести лет начала осуществляться саркастическая фантазия Дидро, описавшего «теплое помещение, где пол уставлен маленькими склянками с наклейками: солдаты, чиновники, поэты, маринованные дворяне, маринованные короли...».

«Позвольте представить вам моего дядюшку и мою племянницу, — пишет другой автор, наш современник Г. Р. Тейлор. — Они попали в автомобильную катастрофу, к сожалению, хирургу удалось составить из потерпевших всего лишь одно комплектное человеческое тело».

Тот же автор доказывает, что у нас слишком слабое воображение, чтобы хоть смутно предугадать фантастические возможности и последствия развития современной биологии, которые уже для следующего поколения станут чем-то самоочевидным. Так это будет или иначе, раньше или позже, одно, по-видимому, несомненно: прогресс биологии самым непосредственным образом коснется различных областей этики и социологии, проблемы человеческой цельности, телесной и духовной, затронет жизнь индивидуума и семьи.

И тут сам собою возникает вопрос: что делать с проблемами нашей... комедии? Что ж, если мы не лишим комедию самого неотъемлемого ее права — права говорить о серьезных вещах несерьезно, мы не сможем отказать ей в праве участвовать в дискуссии, разумеется в меру своего темперамента и доступными ей средствами.

В ее дискуссионном выступлении прозвучат ирония и меланхолия: ведь так же, как мы не пользуемся зубной щеткой соседа и не носим его нижнего белья, точно так же мы находим малопривлекательной мысль, что в один прекрасный день нам могут пересадить его мозг или язык...

Нельзя также с уверенностью сказать, что те, кто был зачат в классической родительской постели (или хотя бы на душистой лужайке), будут иметь основание завидовать тем, кто обречен на зарождение в пробирках лабораторий и таким образом лишен теплого покоя материнского лона.

В этом нельзя быть уверенным — при всем нашем уважении к научному прогрессу, к тому, что совершается на пользу человека, а не во вред ему.

Именно в той опасной пограничной зоне, где Польза может превратиться во Вред, и развертывается действие этой комедии, которая — в рамках своего жанра и свойственными ей средствами — хочет быть рядом с человеком и его проблемами... нынешними, завтрашними и даже послезавтрашними.

И. Б.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Пестрая декорация в глубине сцены, расписанная цветами и деревьями, изображает парк. У входа ядовито-желтая скамейка. Некоторое время сцена пуста. Только слышен птичий концерт.

Вдруг птицы смолкают. Все — как по команде. Словно и птицы в парке поняли, что будут свидетелями полицейского расследования.

Явление первое

Инспектор Фрикс, Макси и Элиаш

Оба криминалиста в темном: черные костюмы, черные перчатки, черные котелки, — они несколько смахивают на служащих похоронного бюро. Инспектор — рассудительный мужчина с трубкой. Его ассистент Макси резок и вспыльчив. Элиаш выглядит несколько старомодно: поношенный темно-синий вельветовый пиджак свободного покроя, большой галстук, повязанный бантом, на старобогемский манер.

Фрикс *(подходит к скамейке)*. Еще раз, Элиаш... Где он сидел?

Элиаш молчит.

Макси. Инспектор вас спрашивает! Отвечайте...

Элиаш *(кротко)*. Сколько раз вы еще будете спрашивать?

Макси. Сколько захотим!

Элиаш. Он сидел на скамейке. Видите, на ней даже отпечатался его зад...

Макси. Почему он сел именно сюда? *(Подозрительно.)* На свежевыкрашенную скамейку?

Элиаш. Прошу прощения, не знаю.

Фрикс. И потом стал выводить на песке цифры?

Макси. Чем?

Элиаш. Пальцем, прошу прощения.

Фрикс. Непосредственно перед тем, как это случилось?

Элиаш *(горестно)*. Непосредственно перед тем, как случилось...

Фрикс. Я уже кое-что начинаю понимать, Макси...

Макси. Давно пора, шеф!

Фрикс. Где вы находились в этот момент? Точно!

Элиаш. Вон там. Под тем ясенем.

Макси. Под ясенем?

Фрикс. Это не ясень, Макси, это липа.

Элиаш. Платан, прошу прощения.

Фрикс. Не все ли равно. Что вы там делали?

Элиаш. Но ведь все это уже есть в протоколе! Я стоял под деревом и записывал на магнитофон... Надеюсь, это не запрещено?

Макси. Что записывали?

Элиаш. Воркование голубок.

Макси *(с подозрением)*. А почему именно голубок?

Элиаш. Потому что они воркуют. Корова, к примеру, не воркует.

Макси. Отвечайте, как положено, Элиаш, или я...

Фрикс. Спокойно, Макси, спокойно. *(Элиашу.)* Так, значит, вы записывали голубок?

Элиаш. Голубки продаются лучше всего. Лучше кукушек и черных дроздов. *(Охотно объясняет.)* Но у меня есть и другие интересные вещи. Собаки, кошки, лягушачий концерт на болоте... Правда, на птиц самый большой спрос.

Фрикс. Странная профессия.

Элиаш. Охотник за звуками, господин инспектор. Так и занесено в протокол.

Макси. Охотник? *(Инспектору.)* А он не должен иметь охотничьей лицензии?

Элиаш. У меня есть разрешение фининспектора. Эти записи я продаю людям, которые любят животных, но не могут держать их из-за недостатка средств. Или нехватки жилплощади... Вот я и создаю для них иллюзию... магнитофонную ленту с голосом их любимой птички или какого-нибудь животного.

Фрикс. Попытаемся восстановить все по порядку. Надеюсь, в последний раз. Итак, вот тут, на скамейке, сидел Даниэль Гашпар, сорока пяти лет, женатый, референт фирмы изобретений и патентов. И на песке возле скамейки было написано множество цифр... *(Задумывается.)* Кое-что я уже начинаю понимать, Макси... Эти цифры... возможно, он записывал формулы какого-нибудь изобретения. *(Элиашу.)* Верно я говорю?

Элиаш молчит.

Фрикс *(резко)*. Что вы на меня так уставились, любезный?

Элиаш. У вас погасла трубка, господин инспектор.

Фрикс. Она всегда гаснет, когда я думаю. И делаю выводы!

Макси. Можете называть инспектора «господин комиссар». Когда он раскроет это дело, его ждет повышение.

Фрикс *(скромно)*. Не будем забегать вперед, Макси.

Макси. Да ведь ясно же, шеф. Во всем парке их было только двое. Даниэль Гашпар и этот субъект. *(Элиашу.)* Вы же сами сознались.

Элиаш. Да, я был здесь. Но к этому ужасному происшествию я не имею никакого отношения!

Макси. Так кто же имеет к нему отношение, если не вы? Святой дух?

Фрикс. Предъяви вещественное доказательство, Макси.

Макси вынимает из портфеля портативный транзисторный магнитофон, ставит его на скамейку.

Элиаш *(зажимает руками уши)*. Нет, нет! Пожалуйста, не надо! Я не вынесу!

Макси. Совесть мучает, не так ли? Вы все же послушайте, Элиаш...

Включает магнитофон. Сначала слышно лишь воркование голубей — нежное, протяжное, словно голуби вкладывают в него всю любовь мира... И вдруг — крик. Жуткий, ужасный. Безумный, звериный крик человека, с которым происходит

что-то страшное. Крик, полный отчаяния. Голуби испуганно смолкают. Гробовая тишина. Макси выключает магнитофон.

Элиаш. Это не я! Клянусь... клянусь!

Макси. Знаете, что вы получите за эту запись? *(Деловитым тоном.)* Скорее всего — петлю на шею.

Фрикс. Не будем забегать вперед, Макси. Что было дальше?

Элиаш. Я уже сказал. Все сказал.

Фрикс. Ну, так еще раз. И как следует, по порядку.

Элиаш *(устало)*. Этот человек сразу рухнул на землю, словно... словно пораженный молнией. А когда я подбежал... тут, на песке, лежали словно... словно бы две его половины... Будто его разорвало надвое... от лысины до паха! *(В изнеможении опускается на скамью.)*

Фрикс. Возьмите себя в руки, Элиаш. Вот вам сигарета.

Элиаш. Спасибо, я не курю. Это было ужасно... *(Пытается совладать с собой.)* Будто... будто яблоко разрезали... На две совершенно одинаковые, равные половинки... и на ладони не осталось ничего... Только два-три семечка...

Макси. Какие еще семечки? Не болтайте чепухи. Тут, очевидно, была лужа крови! И внутренности... кишки... переломанные кости!

Элиаш. Я ничего не видел! Я... я сразу потерял сознание.

Фрикс. Ну вот, пожалуйста! *(Раздраженно.)* Единственный свидетель, единственный очевидец — и вдруг теряет сознание! Господин Элиаш изволил потерять сознание!

Макси. Симуляция!

Элиаш. Да поймите же! Я не виновен! Этого человека я никогда прежде не знал. Увидел его первый раз в жизни!

Фрикс. А потом? Что было потом?

Элиаш. Когда я очнулся... я убежал... Только у телефонной будки опомнился. Но автомат не работал. Я добежал до буфета... проглотил рюмку коньяку. А потом позвонил. К вам и в «Скорую помощь».

М а к с и. Ясно как дважды два. Убийца вызывает полицию, чтобы замести следы.

Э л и а ш. Этот человек был разорван надвое. Разрезан, словно яблоко! Распилен, точно полено! Как бы я это сделал? И чем? Ведь у меня был только магнитофон, а не циркульная пила!

М а к с и. В данный момент речь идет о мотивах убийства, а не...

Э л и а ш. Для чего мне было его убивать? Да еще в парке! Средь бела дня! *(Взволнованно защищается.)* Я не преступник, прошу прощения! Я зарабатываю на жизнь честным трудом... Записываю голоса голубей, кукушек... Ради всего святого, чего вы от меня хотите?!

М а к с и. Чтобы вы наконец сознались!

Э л и а ш. Но в чем... в чем? За всю свою жизнь я даже комара не убил!

М а к с и. Знаем мы этаких добрячков. Они-то и есть самые опасные! *(Резко, внушительно.)* Даниэль Гашпар исключительно на в а ш е й совести!

Э л и а ш. Ну уж извините... извините! Как вы смеете говорить такое... *(Весь трясется от гнева.)* Да, совесть мучает меня, но...

М а к с и. Ага!

Э л и а ш ...но только из-за того, что я потерял сознание. И не пришел этому человеку на помощь. Я ему ничего не сделал... Я ни в чем не повинен!

Ф р и к с. Не кричите. Вас еще не арестовали и даже не задержали до выяснения обстоятельств. *(Сердито.)* И вообще... вы свободны. Можете идти. Убирайтесь!

Э л и а ш *(недоверчиво)*. Я свободен?

Ф р и к с. С одним условием. Вы не имеете права уезжать из города. И ежедневно должны отмечаться у нас. До завершения дела.

Э л и а ш. Отмечаться? И не уезжать из города? *(Горестно.)* Господа, леса сейчас полны звуков... Месяц любви, прошу прощения. В эту пору у меня больше всего работы. А ведь я еще не записал в нынешнем году ни соловья... ни щегла... Я должен их записать! Прошу вас, оставьте меня в покое... *(Взволнованный, уходит.)*

Явление второе

Инспектор Фрикс и Макси

Усевшись на скамейку, глядят вслед Элиашу.

Макси. Установить наблюдение?

Фрикс. Боюсь, это не поможет.

Макси. Но ведь не упал же убийца с неба! В парке были только эти двое!

Фрикс. Но каковы мотивы, Макси, каковы мотивы? Элиаш этого человека даже не знал. У Даниэля Гашпара не было врагов.

Макси. У каждого человека есть какой-нибудь враг.

Фрикс. А вот у Даниэля Гашпара не было. Он не пил, не курил, за девицами не бегал. Никаких азартных игр. Четверо детей, упорядоченная семейная жизнь. Работал как вол. Только и думал что о патентах да изобретениях.

Макси. Теперь все это ему нужно как рыбке зонтик.

Фрикс. Ограбление исключено. Деньги, часы, сберегательная книжка, обручальное кольцо — все целехонько. *(После паузы.)* Пожалуй, я начинаю кое-что понимать, Макси...

Макси. Слава богу!

Фрикс. Как я понимаю... нас не повысят. Ни меня, ни тебя.

Макси *(вскочив).* Вы хотите сказать...

Фрикс. Именно это я и хочу сказать, Макси. Дело Даниэля Гашпара нам с тобой не по зубам.

Макси. Но ведь мы справлялись и не с такими загадками.

Фрикс. Тут что-то необычное. *(Беспомощно.)* Это абсолютная загадка, Макси! Абсолютная.

Свет гаснет.

Полуминутный перерыв.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Кабинет профессора Йордана. Совершенно пустой письменный стол, на нем только три телефонных аппарата и череп. Напротив — небольшой журнальный столик и три кресла. Полка для книг, на ней три стеклянных сосуда с какими-то заспиртованными медицинскими аномалиями. К потолку на шнурах подвешены анатомические карты. В углу ощерился человеческий скелет, судя по всему когда-то принадлежавший мужчине. Элиаш сидит в ожидании профессора. Обстановка явно действует на него удручающе. Он пытается не смотреть ни на скелет, ни на череп.

Явление первое

Элиаш и сестра Беата

Это молодая особа в каком-то мини-одеянии медицинской сестры.
Она влетает в кабинет и пугается.

Беата. Господи! Что вы тут делаете?

Элиаш. Здравствуйте. Жду.

Беата. Это кабинет профессора Йордана.

Элиаш. Прошу прощения, я знаю. На двери написано.

Беата. А вы знаете, что в настоящее время вход в клинику профессора Йордана строжайше запрещен?

Элиаш. Мне необходимо говорить с профессором.

Беата. А с японским императором вы говорить не хотите? *(Безапелляционно.)* Профессор никого не желает видеть. Извольте удалиться! Да поживей!

Элиаш. Сестричка, прошу вас...

Беата. Не подводите меня. Если он вас обнаружит, я в два счета отсюда вылечу.

Явление второе

Те же и профессор

На пороге кабинета появляется господин лет шестидесяти пяти, элегантный — белый халат, белая голова, густые, воинственно взлохмаченные брови — профессор Йордан, знаменитый хирург, самоуверенный и саркастически-грубоватый.

Проходит мимо застывших Элиаша и Беаты, не обращая на них внимания. Устало опускается в кресло за столом. Закуривает сигару. И только тут замечает Элиаша.

Профессор *(грозно)*. Это еще что такое?

Беата. Господин профессор, я, право же, не виновата...

Профессор. Записан на прием?

Беата. Нет, господин профессор.

Профессор *(сухо)*. Выставить.

Беата. Да, господин професссор.

Элиаш. Профессор, вы этого не сделаете! Вы не можете прогнать меня!

Профессор. Отчего же? *(Громко сопит.)* Сестра Беата, отворите окно!

Элиаш. Вы меня уже трижды прогоняли. С экзамена в шестом семестре.

Профессор *(озадачен)*. Вы были моим учеником? Что-то не припоминаю.

Элиаш. Все экзамены сдал, только вам никак не мог... А мне так хотелось доучиться! Стать врачом, помогать страждущим...

Профессор. Не вы первый, не вы последний, кому я не позволил посягать на здоровье своих ближних. Что делаете теперь?

Элиаш. Записываю на магнитофон звуки природы и...

Профессор. Вот видите. С магнитофоном вы не сможете натворить столько бед, сколько натворили бы со скальпелем. Что вам от меня нужно?

Элиаш. Я хотел бы задать всего один вопрос.

Профессор. Надеюсь, я отвечу на ваш вопрос лучше, чем в свое время вы отвечали на мои. *(Бросает взгляд на часы.)* Даю вам одну минуту.

Элиаш. Господин профессор... Он жив?

Профессор. Кто?

Элиаш. Даниэль Гашпар!

Профессор. Даниэля Гашпара больше не существует.

Элиаш *(горестно)*. Так, значит... вам не удалось?

Профессор. Дружище, разве вы слыхали, чтобы профессору Йордану когда-нибудь что-нибудь не удавалось?

Элиаш. Нет, прошу прощения, не слыхал. Но раз вы говорите, что...

Профессор. Разве я сказал: его нет в живых? Я только сказал — его не существует!

Элиаш. Этого... этого я не в силах понять, господин профессор.

Профессор. Дилетанту тут не разобраться. *(С профессиональной гордостью.)* Просто-напросто Даниэль Гашпар перестал существовать в своем первоначальном анатомическом виде. Больше нет какого-то одного Даниэля Гашпара. Их теперь двое.

Элиаш. Двое?!

Профессор *(смакуя каждое слово)*. Вот именно. Двое. Дво-е! Даниэль Гашпар номер первый и Даниэль Гашпар номер второй.

Элиаш *(пораженный)*. Номер первый... И номер второй?..

Профессор. Точно так. Для строгого научного определения сего феномена, понятно, пока еще не было времени. *(Вдруг сердито.)* А вам-то что? Зачем вы меня... Вы родственник или кто?

Элиаш. Я его брат, господин профессор. *(Колеблется.)* Родной брат Даниэля Гашпара.

Беата *(сердито)*. Что же вы сразу не сказали?

Профессор. Брат? Поздравляю. Теперь их у вас двое.

Элиаш. Я... это я вас поздравляю! Просто чудо! Фантастика! Ничего подобного еще не бывало! Разве что в Библии... Когда господь бог сделал из одного человека двух, сотворив из Адамова ребра нашу праматерь Еву! *(Не в силах сдержать восторга.)* И вы, господин профессор, свершили то же самое! Это же почти божественное деяние!

Профессор. Ну... ну... ну! *(Польщенный, протестует.)* Бог только один, дружище. А тут, так сказать, массовое производство.

Беата. Время истекло, господин профессор. Минута уже...

Профессор. Не приставайте. *(Ему явно льстит восхищение Элиаша.)* Для разговора с интеллигентным человеком у меня всегда найдется время. Нука, живенько! Принесите нам коньяку и два кофе!

Беата неохотно выходит.

Явление третье

Элиаш и профессор

Профессор. Кстати, за что, собственно, я тогда прогнал вас с экзамена?

Элиаш. За косточки пясти, господин профессор.

Профессор. О, это мой любимый трюк! *(Злорадно.)* Я показываю студенту косточки шимпанзе, и — ей-же-ей — почти каждый принимает их за человеческие. Ну-ну, господин Гашпар, извольте присесть.

Элиаш *(садится, оглядывается по сторонам)*. Возможно ли... *(с восхищением)* в таком маленьком кабинете — и такой гениальный мозг!

Профессор. Это не имеет значения. Мозг уместится и в плевательнице. Главное, чтобы он у человека был!

Явление четвертое

Те же и сестра Беата

Беата *(приносит коньяк и две чашечки кофе. С упреком.)* Десятая чашка кофе, господин профессор.

Профессор. Ну и что! Чье сердце от этого страдает, ваше или мое?

Беата. И коньяк доктора тоже запретили.

Профессор. К черту докторов! И вас вместе с ними! Ну, живенько! И пусть нам никто не мешает.

Беата, обиженная, удаляется.

Явление пятое

Элиаш и профессор

Короткая пауза. Оба помешивают кофе.

Элиаш. Господин профессор, как это, собственно, произошло?

Профессор. Вам известно, что такое шизофрения?

Элиаш. Расщепление личности в человеческой психике.

Профессор. Допустим... А теперь представьте себе, что такое расщепление происходит в физическом строении человека.

Элиаш. И это случилось...

Профессор. С вашим братом Даниэлем Гашпаром. *(С гордостью.)* В истории медицины вы не обнаружите ничего похожего, друг мой! Правда, нам известны различные аномалии... чудовища, уникумы, уроды. Сиамские близнецы, например. Женщины, с головы до пят заросшие шерстью. Или исландский рыбак Олафсон, у которого по шесть пальцев...

Элиаш. По шесть пальцев?

Профессор. На руках и на ногах. Сумма суммарум — двадцать четыре вполне развитых пальца. *(Берет со стола череп и, держа его на ладони, размышляет.)* Таким способом мать-природа изредка напоминает человеку, что он, собственно, ничто. Только кусок глины в ее всемогущих руках, только голая материя, которую можно мять, месить, раскатывать... а потом слепить гиганта или карлика. Или просто разъять эту глину на части... как это произошло с Даниэлем Гашпаром.

Элиаш *(озадачен)*. И вы... вы из этой глины слепили... две совершенно новые фигуры?

Профессор. Мне помог счастливый случай. *(Подходит к скелету.)* Дело в том, что ваш брат был разделен вот так... по вертикали *(показывает.)* Сверху вниз, а не поперек! Не то бы конец.

Элиаш. На две совершенно симметричные половины?

Профессор. С геометрической точки зрения — да. С анатомической, конечно, нет. Как известно, анатомически человек совершенно асимметричен. Сердце у него с одной стороны... желчный пузырь и печень с другой... и так далее.

Элиаш. И эти две половины... две эти асимметричные половины теперь живут? *(Пораженный.)* Как вам удалось? Вы можете мне...

Профессор. Не могу. Сущность проблемы человеку несведущему абсолютно недоступна.

Элиаш. Ну хоть принцип, господин профессор.

Профессор. Принцип?.. Принцип! Всякий принцип есть опасное упрощение. *(Гордо.)* Анатомо-биохимическая конструкция — вот мой принцип! И моя профессиональная тайна!

Элиаш. Анатомо-биохимическая конструкция...

Профессор. Я применил наиновейшие достижения пластической хирургии и трансплантации. *(Демонстрирует на скелете.)* Так что теперь у вашего брата два сердца... две печени, две пары почек, два желчных пузыря, две...

Элиаш. Где вы все это достали, господин профессор?

Профессор. В современной хирургии — как в автосервисе. Если у меня нет какой-нибудь запасной части, я могу позаимствовать ее у любой потерпевшей аварию машины.

Элиаш. Это означает, что ваши пациенты...

Профессор. Эти двое сложены примерно из девяти, а то и более доноров, которых ныне уже нет в живых. Часть органов они получили в полном комплекте, часть — лишь по половинке. Например, каждому досталось по половине желудка. По половине мозга. Ну и само собой — по половине детородного органа.

Элиаш. Как это... по половине?

Профессор. С мозгом и детородным членом пришлось-таки повозиться. Но я сделал все, что мог. Обоим господам не на что пожаловаться.

Элиаш. У каждого только половина мозга?

Профессор. Ну и что? Человечество даже при максимальной нагрузке использует лишь половину возможностей своего мозга. А иной раз мне кажется, что оно и вовсе обходится без мозгов. *(Берет рюмку с коньяком.)* Выпьем. Здоровье моих пациентов! И ваше, господин Гашпар!

Элиаш *(не пьет)*. Господин профессор, я... я вовсе не Гашпар. *(Виновато кланяется.)* Я Элиаш, прошу прощения...

Профессор. Кто? Какой Элиаш? Так вы не...

Элиаш. Я не брат Даниэля Гашпара. Этого человека я видел всего один раз.

П р о ф е с с о р. Зачем же вы солгали? *(Переходит на крик.)* Какого черта, зачем вы...

Э л и а ш. Мне необходимо было говорить с вами. *(Взволнованно).* Приходится спасать свою шкуру, господин профессор. За мной следят. Я не имею права покинуть город. И ежедневно отмечаюсь в полиции!

П р о ф е с с о р. И отмечайтесь на здоровье... мне-то какое дело?!

Э л и а ш. Прошу прощения, я был тогда в парке. Единственный свидетель. Очевидец... И это страшное злодеяние хотят теперь взвалить на меня!

П р о ф е с с о р. О чем вы говорите, любезный? О каком злодеянии?

Э л и а ш. Я видел все собственными глазами! Как кто-то распилил Даниэля Гашпара... разорвал надвое! Вот только преступника я не видел.

П р о ф е с с о р. *(Насмешливо.)* А вы и не могли его видеть. Никакого преступника не было.

Э л и а ш. Как не было? *(Поражен.)* Такое зверское убийство и...

П р о ф е с с о р. Даниэль Гашпар вовсе не жертва преступления. Он жертва своего служебного рвения.

Э л и а ш. Служебного?..

П р о ф е с с о р *(деловым тоном).* Как принято говорить — разорвался на работе. Вот и все.

Э л и а ш. Не понимаю.

П р о ф е с с о р. Вы что, оглохли? *(Повторяет по слогам.)* Ра-зо-рвал-ся на ра-бо-те! Лопнул от усердия, понятно?

Э л и а ш. Где? У нас? В нашем городе?

П р о ф е с с о р. Совершенно верно. В нашем городе.

Э л и а ш. Вы шутите. Просто не хотите ответить, серьезно, господин профессор.

П р о ф е с с о р. Если дело касается науки, я никогда не шучу! Запомните!

Э л и а ш. Разорвался на работе! Да вам же никто не поверит! Это же смешно. Люди решат, что вы над ними просто потешаетесь.

П р о ф е с с о р. Мнение профанов меня не интересует. И мнение полиции тоже. Пускай себе продолжают искать убийцу.

Элиаш. Но ведь убийцей считают меня! *(Взволнованно, с надеждой.)* Вот если... если бы вам удалось доказать... мое положение сразу...

Профессор. Мне нечего доказывать. Пускай ищут доказательства там, где работал Даниэль Гашпар. Он работал за двоих, а ему все подкидывали и подкидывали... Он, бедняга, хотел сделать все вовремя и как следует... И это дорого ему обошлось!

Элиаш *(после паузы)*. Раз так... раз это и в самом деле так... я спасен! Где нет преступника — там нет и преступления. С этим даже полиция не может не согласиться! Одно только не дает мне покоя! Почему я тогда потерял сознание? Не сумел предотвратить несчастье!

Профессор. Вы называете это несчастьем?

Элиаш. А вы нет, господин профессор?

Профессор. Ни в коей мере! Если бы не этот случай, я не смог бы осуществить свой эксперимент. И создать из одного человека двоих!

Элиаш *(колеблется)*. А вы... не боитесь?

Профессор. Я? Чего?

Элиаш. Что возникнут проблемы.

Профессор *(пожимает плечами)*. Проблемы меня уже не касаются.

Элиаш. Из одного человека вы создали двух, значит, вы отвечаете за...

Профессор. Я отвечаю только за свою работу. И никакие проблемы меня не волнуют. Что сделал господь бог, сотворив человека? Вдохнул в него душу и пустил на все четыре стороны. А знаете почему? Чтобы снять с себя всякую ответственность за его дальнейшую судьбу. И за все его проблемы! *(Категорично.)* Даже господь мог отвечать только за качество своей работы, но не за ее последствия. А потом он просто-напросто умыл руки!

Элиаш *(набравшись смелости)*. Но вы-то, господин профессор, вы умыть руки не можете. Ваше творение почти божественно, но ответственность на вас лежит вполне земная.

Профессор. Ответственность? Да за что, дорогуша, за что?

Элиаш. Вы создали двоих. А ведь могли точно так же сделать одного!

П р о ф е с с о р. Ха, одного! *(Злобно.)* Одного! Это для чего же?

Э л и а ш. Вы могли просто сшить Даниэля Гашпара, соединить обе половины... Восстановить, так сказать, в первоначальном виде. *(Собрав все свое мужество.)* Почему, собственно, вы не сделали этого, господин профессор?

П р о ф е с с о р. Вы с ума сошли! *(Брезгливо.)* Соединить, зашить... залатать! Да нынче с этим справится любой болван! Районный хирург! Деревенский коновал! Недоучившийся студент! *(Кричит.)* Здесь, любезный, отделение профессора Йордана! Э к с п е р и м е н т а л ь н о е отделение, если вы вообще понимаете значение этого слова!

Э л и а ш. Понимаю, господин профессор, но...

П р о ф е с с о р. Ничего вы не понимаете! Слава богу, что я своевременно выгнал вас из храма медицины! *(В крайнем возбуждении.)* Профессор Йордан служит науке... всему человечеству, а не какому-то Даниэлю Гашпару! Стоило мне захотеть — и я мог бы мигом вернуть его в старую шкуру. Для меня это было раз плюнуть! Всего лишь одна операция. Нудная и абсолютно ординарная. Но я... я отдал предпочтение серии операций, дорогуша, серии волнующих и весьма рискованных операций! Для истории медицины мой эксперимент — бомба! Мировая сенсация! Скачок в неизведанные области анатомии! Я перешагнул границы пластической хирургии и трансплантации... и первым вступил в царство биохимических конструкций! *(С гордостью.)* Вместо одного человека по имени Даниэль Гашпар... теперь будут нормально жить и работать двое! Номер первый... и номер второй!

Э л и а ш. Совершенно верно, двое. Но ведь возникает столько проблем.

П р о ф е с с о р. Чихал я на ваши проблемы! Если у кого и были проблемы — так только у меня. Я попытался совершить невозможное... и мне это удалось! Профессор Йордан с в о и проблемы решил. Не знаю, о чем нам с вами еще говорить!

Э л и а ш. О самых обычных и повседневных человеческих заботах, господин профессор... О практической стороне вопроса.

Профессор. Я думаю о науке, уважаемый! И смотрю в будущее! Разве вы не видите, какие тут открываются фантастические возможности? К примеру, в экономии человеческого материала?

Элиаш. Человеческого... материала?

Профессор. Я открыл новые горизонты... коренным образом меняются перспективы продолжения человеческого рода... Половое размножение теперь не единственный способ. Я доказал, что человек может размножаться делением, как одноклеточное. Простым делением, уважаемый!

Элиаш. Делением?.. И вас бы это устроило, господин профессор?

Профессор. К чему вы приплетаете сюда меня? Валите все в одну кучу: науку и личные пристрастия.

Элиаш. Но ведь у Даниэля Гашпара есть дом, дети, жена... И вот представьте себе: в один прекрасный день к его жене явятся двое! Что она скажет?

Профессор. Откуда мне знать! Возможно, обрадуется.

Элиаш. До сих пор она жила с одним мужем. А теперь как быть? Об этом вы не подумали?

Профессор. Я не сексолог. И не чиновник из бюро регистрации браков.

Элиаш. Даниэль Гашпар где-то служил. Значит, и на работу явятся двое!

Профессор. И это дело не мое, а его начальника.

Элиаш. Господин профессор, вы и вправду не боитесь джиннов, которых выпустили из бутылки?

Профессор. Любой первооткрыватель выпускает джиннов. Добрых или злых. Если бы в истории цивилизации не нашлось смельчаков, рискующих откупоривать бутылки, человек и по сей день сидел бы в пещере... и обгладывал кости мамонта!

Элиаш. Так вы не боитесь, что...

Профессор. Ничего я не боюсь! Мой эксперимент удался! И я отказываюсь отвечать на ваши идиотские вопросы. *(В ярости.)* Не понимаю, какого черта вы-то суетесь?

Элиаш *(робко)*. И вообще... было ли у вас моральное право на этот эксперимент?

Профессор. Послушайте, любезный! *(С трудом сохраняет спокойствие.)* Врач имеет право на все, ясно? На все, что не расходится с его присягой... с врачебной этикой... с законами нравственности! Моя совесть совершенно чиста. Если бы я вернул его в старую шкуру — вот тогда бы я совершил тягчайшую ошибку. Это было бы бесчеловечно! И главное — бессмысленно!

Элиаш. Вернуть человеку его прежний вид — бессмысленно? Почему же?

Профессор. Да потому, что Даниэль Гашпар страдает врожденным пороком — потребностью работать до полного изнеможения... ему просто необходимо разрываться на работе!

Элиаш *(понимающе)*. Значит, если бы его сшили...

Профессор. ...он все равно вскоре опять очутился бы на моем операционном столе! И опять разорванный на части... И я бы опять его мучил, сшивал, собирал... только для того, чтобы все повторилось снова и снова!

Элиаш. Этого я не знал. Простите, господин профессор, что я позволил себе...

Профессор *(перебивает)*. Надо учесть еще одно обстоятельство! Современная эпоха... бешеный темп нашего столетия... Жизнь с каждым годом усложняется... Разве не гуманно разделить ее бремя на двоих? Впрячь в карету жизни двоих.

Явление шестое

Те же и сестра Беата

Беата. Господин профессор, вам необходимо зайти к пациентам.

Профессор. Что случилось?

Беата. Номер первый хочет омлет с зеленым горошком. А номер второй — бифштекс. Номер первый — бутылку сырого молока. Номер второй — бутылку шампанского. Что мне делать?

П р о ф е с с о р. Молоко пастеризовать. Шампанское как следует охладить. Дайте им все, что они требуют.

Б е а т а. Господин профессор... *(Колеблется.)* Номер второй пристает ко мне с не совсем приличными предложениями.

П р о ф е с с о р. Опять? *(Категорически.)* Здесь экспериментальное отделение, а не публичный дом!

Э л и а ш *(пораженный)*. Так они уже едят! И пьют... и... и...

П р о ф е с с о р *(гордо)*. Вы слышали? Оба чувствуют себя прекрасно. Жизненной энергии у них — хоть отбавляй!

Э л и а ш. Господин профессор... *(Вдруг решается.)* А не могу ли я их увидеть?

П р о ф е с с о р. Кого?

Э л и а ш. Ваших пациентов.

П р о ф е с с о р *(поражен)*. Сестра Беата, о н хочет видеть моих пациентов.

Э л и а ш *(умоляюще)*. Всего на одну минутку... на два слова!

П р о ф е с с о р. Сестра Беата, о н хочет с ними говорить!

Б е а т а *(Элиашу)*. Видеть пациентов нельзя. И говорить с ними тоже. Пациентов профессора Йордана готовят к международному конгрессу.

П р о ф е с с о р. Сестра Беата, скажите ему, к т о увидит их первыми! И к т о будет с ними говорить!

Б е а т а *(послушно перечисляет)*. Его превосходительство ректор университета в Саламанке, его превосходительство ректор университета в Упсале, его превосходительство ректор Королевской академии в Санта-Кларе, ректоры и проректоры, деканы и продеканы, почетные доктора из парижской Сорбонны, из Оксфорда, Кембриджа и Гарвардского университета, из Карлова университета в Праге, из Йельского университета, из...

П р о ф е с с о р. Довольно, сестра Беата, довольно!

Б е а т а *(продолжает как автомат)*. Международный конгресс будет проходить в Большом актовом зале. В первый день профессор Йордан продемонстрирует своих пациентов. На второй день профессор Йордан прочтет доклад о своем эксперименте.

На третий день делегаты международного конгресса выдвинут профессора Йордана кандидатом на Нобелевскую премию.

Профессор (*скромно*). Ну, будем надеяться, будем надеяться... (*Увлеченно бормочет.*) Большой актовый зал... международный конгресс... всемирная демонстрация моего эксперимента! И всего через месяц! Это будет лучший день в моей жизни!

Элиаш. Через месяц будет слишком поздно. Мне необходимо поговорить с ними немедленно, сейчас.

Профессор. Вы что, с ума сошли?

Беата. Может, выставить этого господина за дверь?

Элиаш. Господин профессор! Мне необходима справка!

Профессор. Какая еще справка?

Элиаш. Всего два слова! Подтверждение, что я не причинил им зла. Чтобы полиция от меня отвязалась.

Профессор. Справку могу вам выдать и я, уважаемый.

Элиаш (*радостно*). Лично вы?

Профессор. И знаете какую? Подтверждающую, что вы идиот и вор!

Элиаш. Вор? Позвольте, я этого...

Профессор. Вы украли у меня драгоценное время! Сначала обманули... потом изволили усомниться в моем эксперименте, а теперь еще требуете какую-то справку! (*В ярости.*) Вон! Это экспериментальная клиника! Справку!.. Чтобы сию секунду духу вашего здесь не было! Ну?..

Элиаш (*отступая*). Господин профессор...

Профессор. Я сказал: сию секунду! (*Хватает со стола череп.*)

Элиаш в ужасе ретируется.

Явление седьмое

Профессор и сестра Беата

Профессор. Ему, видите ли, мало моих слов, я еще должен письменно подтвердить, что это не злодеяние. (*Сердито сопит.*) Не верит, что мой эксперимент удался!

Беата. Не огорчайтесь, господин профессор. *(Кокетливо присаживается на угол письменного стола.)* Скажите лучше... вы возьмете меня?

Профессор. Куда?

Беата. В Стокгольм. Когда поедете получать Нобелевскую премию.

Профессор. Что я там с вами буду делать?

Беата. Это зависит от вас... *(Мечтательно.)* Ну как? Возьмете?

Профессор *(встает)*. Я не люблю, когда вы сидите на письменном столе.

Беата *(игриво)*. Беатке без вас будет скучно...

Профессор *(в нерешительности расхаживает по кабинету)*. Ах, Беата, Беата... не так-то все просто! Ведь как-никак это же Нобелевская премия! И вообще — можно ли быть уверенным... *(Подходит к скелету, в задумчивости, машинально одним пальцем начинает пересчитывать его ребра.)* Присудят — не присудят, присудят — не присудят, присудят — не присудят, присудят... *(Застывает на последнем ребре.)*

Беата. Присудят! Нобелевская премия ваша!

Профессор *(чешет в затылке)*. Что ж... если жена не поедет, я возьму вас, Беатка. *(Смущаясь, неловко шлепает ее пониже спины.)*

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Тот же кабинет профессора Йордана, превращенный в канцелярию: исчезли череп и скелет, остались письменный стол с телефонами и журнальный столик с креслами. Анатомические карты, перевернутые другой стороной, превратились в какие-то большие графики, диаграммы; в перевернутых задней стороной стеклянных сосудах теперь не опухоли и прочие аномалии человеческого организма, а какие-то абстрактные изваяния. Двое служащих томятся от безделья.

Явление первое

Доктор Киш и Францо

Францо *(после паузы)*. Вот что я скажу тебе, доктор. Это свинство — вызвать нас к девяти. Скоро уже десять, а господина директора нет как нет,

Киш *(полируя ногти)*. Отчего ты так нервничаешь, Францо?

Францо. Сегодня поступили в продажу гномики. Механические, понимаешь?

Киш. Механические? У меня в саду только гипсовые.

Францо. Гипсовые теперь есть почти у каждого. *(С воодушевлением.)* Механические, из латекса! Сантиметров семьдесят — восемьдесят... вращают глазами и трясут бородой... *(Огорченно.)* Но пока мы кончим, их наверняка распродадут.

Киш. Сегодня у нас всего один вопрос: Даниэль Гашпар. Боюсь, старик опять потребует, чтобы мы высказали собственное мнение...

Францо. А разве мы когда-нибудь расходились во мнениях с директором?

Киш. Никогда, Францо.

Францо. Так чего же ты боишься, доктор? Выскажем свою точку зрения, наш боров ее отвергнет — и мы присоединимся к его мнению.

Явление второе

Те же и Элиаш

Элиаш. Добрый день.

Францо. Добрый, но не приемный.

Элиаш. Я не посетитель, прошу прощения. Я свидетель, очевидец...

Киш. По какому вопросу?

Элиаш. По делу вашего служащего Даниэля Гашпара. *(Колеблется.)* Я, видите ли, присутствовал при этом. В парке, прошу прощения. Только мы, двое, были там...

Францо *(равнодушно)*. Ну и что?

Элиаш. Но я абсолютно не виновен! Я ничего не сделал господину Гашпару. Я видел его первый раз в жизни.

Киш и Францо изумленно смотрят на Элиаша.

Киш. Для чего вы все это говорите нам? Расскажите полиции.

Элиаш. Да я им сто раз говорил. Но они не верят, прошу прощения. *(Беспомощно.)* Каждый день отмечаюсь. И не имею права покинуть город.

Францо *(нетерпеливо)*. Уважаемый, тут бюро изобретений и патентов. Это юрисконсульт, а я заместитель директора. Я вас спрашиваю...

Элиаш *(кланяется)*. Элиаш, очень приятно.

Францо. ...я вас спрашиваю, чего вы от нас хотите?

Элиаш. Видите ли, дело в том... Я не виновен, и все же совесть не дает мне покоя... ибо... вполне возможно, мне удалось бы предотвратить тот несчастный случай...

Киш. Так почему же вы этого не сделали?

Элиаш. Я потерял сознание... когда увидал, что произошло. Упал... и, наверное, в самый критический момент... Хотя теперь уже ясно, что это было не преступление.

Францо. Конечно, не преступление. Я бы квалифицировал данный случай иначе: это гораздо хуже преступления!

Элиаш *(испуганно)*. Хуже?

Францо. По-моему, это провокация.

Элиаш. Как, прошу прощения? Провокация?

Францо. Будем рассуждать логически. Что, собственно, произошло? Некто надорвался на работе, лопнул от усердия. К сожалению, это как раз наш служащий. *(Строго и безапелляционно.)* И вот я спрашиваю, кому это на руку? Выиграет ли от этого доброе имя нашей фирмы? Принесет ли это пользу нашему делу? Безусловно, нет. Успеху нашего дела это явно не послужит. А что вредно нам...

Киш. ...то на руку нашим конкурентам.

Францо. Совершенно верно, доктор. Имейте в виду, никакой гашпаровщины мы не допустим! У нас этот номер не пройдет!

Элиаш. Гашпаровщины?

Францо *(запальчиво)*. У нас труд — это удовольствие... счастье! Например, лично для меня труд — это радостная песня. Только в работе я по-настоящему отдыхаю, мне становится весело, легко, я чувствую себя беззаботно... И уж поверьте, ни-

когда не лопну от излишнего усердия! Никаких недоразумений, никаких провокаций, которыми могли бы воспользоваться наши конкуренты...

Элиаш *(робко)*. Я слышал, что господин Гашпар работал за двоих... был буквально завален работой...

Франц о. Ложь! *(Враждебно.)* Кто вам это сказал?

Киш. Он сам выискивал себе работу. И все ему было мало!

Францо. Гонялся за каждой кроной. Из-за него постоянно приходилось увеличивать нормы выработки!

Киш. Есть у него и машина, и дача. Так нет же — начал строить дом!

Францо. Хапуга! Ловкач! Другого такого не сыскать во всей фирме!

Киш. Выдумал, например, механическую мухоловку. И сбывал налево.

Францо. А еще — кастрюлю с тройным дном.

Элиаш. Для чего же с тройным?

Киш. В ней, видите ли, можно разом приготовить весь обед. Суп, жаркое и сладкое. Этот Гашпар на всем умел зашибить деньгу!

Францо. Даже на человеческих ушах.

Киш. Факт. На ушах он заработал больше всего.

Францо. Эту пакость покупали нарасхват!

Элиаш. Какую пакость, прошу прощения?

Францо. Обыкновенные провощенные шарики из ваты. Самый большой его гешефт. Люди запихивают их в уши, чтобы не слышать, как орет соседский телевизор.

Киш. Раскупали как сумасшедшие. Особенно жители крупноблочных домов.

Францо *(с завистью)*. Этот тип продал больше семи тысяч штук! А заработал — десятки тысяч.

Киш. И никаких налогов. Чистый доход.

Францо. Вкалывал по двадцать четыре часа в сутки! Хватался за двадцать дел сразу!

Киш. Вот и разорвался.

Францо. Сам и виноват. Больше никто. Предприятие не несет за этот случай никакой ответственности!

Элиаш (*пораженный*). Значит... никакого пособия, никакой компенсации...

Киш. Этот несчастный случай не связан с производством или с условиями труда...

Франко. И вообще, он произошел не на рабочем месте и в не рабочее время.

Киш. В свободную субботу. На скамейке парка.

Франко (*Элиашу*). Вы видели это собственными глазами. И можете подтвердить.

Элиаш. Прошу прощения... я бы не хотел... свидетельствовать против господина Гашпара... Скорее наоборот. Если бы я мог чем-нибудь ему помочь...

Киш. Зачем? Вы что, его адвокат?

Элиаш. Видите ли, я испытываю какое-то неясное чувство вины... нечто похожее на ответственность за судьбу господина Гашпара. Если эксперимент увенчается успехом, в один прекрасный день к вам вернутся двое служащих. (*Озабоченно.*) Как вы поступите с ними? Будут приняты оба или только один?

Франко. Это уж наша забота, любезный.

Киш. По действующим инструкциям мы должны...

Элиаш (*перебивает*). В инструкциях не предусмотрены случаи, когда работник разрывается надвое.

Киш (*сухо*). Инструкцию можно дополнить. Расширить или сузить. А при необходимости и вовсе отменить.

Элиаш. Как это?

Киш. И написать новую, где все будет наоборот.

Элиаш. В защиту господина Гашпара?

Киш (*безразличным тоном*). Инструкции пишутся для всех, а не для кого-то в отдельности.

Элиаш. Но разорвался именно этот человек, а не все!

Звонит телефон.

Франко (*берет трубку*). Алло! Да, да, мы ждем. Ну слава богу! (*Вешает трубку. Доктору Кишу.*) Старик явился. (*Элиашу.*) Извините, у нас совещание. Заверяем вас, что дело господина Гаш-

пара будет решено со всей гуманностью и по справедливости.

Киш. Разумеется, в рамках действующих инструкций.

Элиаш (*благодарно, с облегчением*). Спасибо, господа, спасибо. Только это я и хотел услышать! Извините за беспокойство... Мое почтение. (*Низко кланяется, покидает канцелярию.*)

Явление третье

Доктор Киш, Францо

Киш (*после паузы*). Этот человек пришел сюда неспроста, Францо! Кто-то его подослал...

Францо (*размышляет*). Думаешь — полиция?

Киш. Жена Гашпара! Вынюхивает, не дадут ли муженьку два жалованья!

Францо. Держи карман шире — два! Может, еще золотые часики с боем? (*Огорченный.*) Чего только люди не выдумают! Это учреждение, а не дойная корова!

Явление четвертое

Те же и директор Сильвай

Это громогласный упитанный мужчина лет пятидесяти, полный энергии и жизненных сил.

Сильвай (*стремительно входит*). Вы уже тут? Отлично! Как вам известно, я люблю точность.

Францо (*кисло*). Главным образом у других.

Сильвай. Я стоял в очереди. Слыхали, получены механические гномы?

Францо (*с завистью*). Сколько купил?

Сильвай. Три последних. (*Показывает.*) Вот такие... Ну, что же, сядем, потолкуем!

Киш и Францо садятся с унылым видом. Сильвай опускается в кресло за письменным столом.

А теперь — за дело, ребятки! Ведь у нас, де-факто, на повестке дня всего один вопрос: Даниэль Гашпар. Жду вашего мнения, уважаемые. Францо, начни ты.

Францо. Почему я?

Сильвай. Потому что ты мой заместитель.

Францо. По-моему... Гашпара надо наказать.

Сильвай. Наказать? (*Удивлен.*) За что?

Францо. За нарушение трудовой дисциплины. За то, что он подает дурной пример. И за провокацию!

Сильвай (*внимательно слушает*). Я тебя не совсем понимаю, Францо.

Францо. А что, если его примеру последуют другие? И референты один за другим начнут разрываться на части? А потом отлеживаться по больницам? Кто тогда будет работать?

Сильвай. Это значит, что ты расцениваешь трудовой энтузиазм Даниэля Гашпара негативно? (*Хмурит брови.*) Осторожнее, Францо, осторожнее!

Францо (*сердито*). Ну уж если не наказать, так хоть спровадить на пенсию! Но пособие дать только одному.

Сильвай. Почему же?

Францо. Потому что на работу мы принимали одного Даниэля Гашпара, а не двух. Значит, только один имеет право на пособие по инвалидности. Верно я говорю?

Сильвай. Нет, неверно, Францо. Насколько мне известно, профессор Йордан вовсе не собирается выпустить Гашпара инвалидом... Наоборот, он уверен, что это будут два абсолютно здоровых и трудоспособных человека...

Францо (*скептически*). Абсолютно здоровых? Да еще и трудоспособных?

Киш. Профессор Йордан не запятнает своего имени производством брака. Он не пришлет нам каких-нибудь калек.

Сильвай. Вот видишь, Францо. Что ни слово — сразу, де-факто, промах! Как говорится — пальцем в небо.

Францо (*оскорбленно*). Где же тут промах?

Сильвай. Ведь мы не можем перевести здоровых людей на инвалидность!

Ф р а н ц о. Я только подумал...

С и л ь в а й. Подумал! Мало подумать, Франко. (*Строго.*) В наше время надо уже и додумывать! А это, де-факто, и есть самое трудное. Итак, ты не оправдал моих надежд. Ваша очередь, доктор!

К и ш (*осторожно*). Я... я бы, пожалуй, приступил к делу не так круто...

С и л ь в а й. Прекрасно, доктор. Мои слова! С людьми никогда не следует чересчур... хм... Ну а конкретно — что ты предлагаешь?

К и ш. Моя идея абсолютно проста. И весьма логична.

С и л ь в а й. Я слушаю.

К и ш. Гашпара надо оставить там, где он находится. А именно — у профессора Йордана.

Ф р а н ц о. Ты серьезно? Но что он там будет делать, черт возьми?

К и ш. Да ничего! (*Он уже все детально продумал.*) Просто будет существовать. Как живое доказательство успехов профессора. Как свидетельство его хирургического триумфа. Своего рода наглядное пособие для демонстрации фантастических возможностей современной медицины.

С и л ь в а й. Так-так... Живое доказательство, говоришь? (*Одобрительно кивает.*) Ну и голова у тебя, доктор! И как гладко ты все излагаешь! Поучись, Францо.

Ф р а н ц о. А по-моему, тут что-то не того. (*Иронически.*) Даниэль Гашпар, наш старый служащий — и вдруг наглядное пособие! Покорно благодарю за такую должность.

К и ш. А чем ему будет плохо? Путешествия... слава... деньги... лучшие отели — и все задарма! Его будут показывать по всему свету! В прославленных университетах, академиях, научных институтах, на международных конгрессах... Даниэль Гашпар — это же символ! Единственный в своем роде! Уникум!

С и л ь в а й. Уникум, говоришь?..

К и ш (*с воодушевлением*). Де-факто, шеф, де-факто!

С и л ь в а й (*нерешительно*). Так, так... что же... Посмотрим, посмотрим... (*Вдруг резко.*) И ты полагаешь, доктор, что я отпущу из нашего бюро такую

знаменитость? Этот уникум? Ты полагаешь, милый доктор, что я идиот?

Киш (*испуганно*). Я... я вообще ничего не полагаю... Я только хотел малость додумать.

Сильвай. Додумать! Признаю — ты старался как мог. Но нельзя додумывать таким образом, что получается, де-факто, сущая белиберда!

Киш (*удрученно*). Сразу уж и белиберда...

Сильвай (*с треском опускает кулак на стол*). Что вы тут оба несете? Где ваша человечность?! (*Опять стучит по столу.*) Да никогда... понятно? Никогда я не допущу, чтобы моего референта показывали, как дрессированную обезьяну! Здесь он провел свои лучшие годы, здесь он получит и наилучшие условия для работы. Все. Я кончил. (*После паузы, неуверенно.*) Правда, если он сюда вернется...

Францо. Ушел один, а вернутся-то двое! (*Сердито.*) Может, ты дашь ему и два отпуска? Две надбавки по многодетности? И двойную премию?

Сильвай (*объективно*). Данё Гашпар, де-факто, всегда работал за двоих.

Францо. Но получал одно жалованье! А из каких фондов мы будем платить второе жалованье?

Сильвай. Не скули, Францо. Какое решение ты предлагаешь?

Францо. Решение возможно только одно. Каждый получает деньги в половинном размере.

Сильвай. Ага... Так, так...

Францо. Половину жалованья, половину премии, половину надбавки. Иной возможности я не вижу.

Киш. А как же с повышением?

Сильвай. С каким еще повышением?

Францо. Забыл? Ты же подписал приказ о его переводе на должность главного референта! (*Злорадно.*) Вот видишь! Ну как же?

Сильвай. Повысить обоих. А может, только одного?.. Но тогда — которого из двух? И почему именно его?

Францо. Вот и я спрашиваю, может ли Даниэль быть одновременно и начальником и подчиненным? Я, например, считаю — не может!

Сильвай молчит, беспокойно ерзает на стуле.

Францо. Кому из них ты станешь платить больше, а кому меньше? Иль повысишь обоих? Но тогда возникнут новые проблемы!

Сильвай. Проблемы... проблемы! (*Недовольно*). Уж если возникают проблемы, от вас толку не жди!

Францо. А сам-то ты знаешь, как поступить?

Сильвай. Разумеется! Потому я и директор!

Францо. Тогда отдай распоряжение...

Сильвай. Не будет вам распоряжения! Ибо... ибо...

Францо. Ибо ты и сам не знаешь, что делать.

Сильвай. ...ибо вообще ничего не надо делать! (*Наслаждаясь своим превосходством.*) Ничего, уважаемые!

Киш (*с облегчением*). Совсем ничего?

Францо (*иронически*). И как это мне не пришла в голову такая идея!

Сильвай (*со слабой улыбкой*). Где тебе, Францо! Между мной и тобой есть небольшая разница. Я обо всем информирован, а ты — нет. А знаешь почему?

Францо (*кисло*). Потому, что ты получаешь информацию.

Сильвай. Не только получаю, но и добываю! Вот и в нынешней трудной ситуации... Кто с утра до ночи названивает в клинику профессора Йордана? Я или ты? Кто часами сидит у телефона и ждет... ждет... ждет... (*Пауза.*) И вот сегодня ночью я наконец дождался.

Киш. Чего...

Сильвай. Краткого, но печального известия.

Францо. Умер?

Сильвай. Еще нет, еще нет. Но увы — конец неотвратим. Вчера вечером... неожиданный кризис... Оба пациента в бессознательном состоянии. (*Со сдержанной печалью.*) Эксперимент профессора Йордана, де-факто, постигла неудача...

Киш (*с облегчением*). Значит, все наши проблемы...

Сильвай (*пожимает плечами*). Никто не может безнаказанно нарушать неумолимые законы природы! Даже профессор Йордан.

Франц о. Мыльный пузырь лопнул! (*С плохо скрываемой радостью.*) Уважаемый профессор сел в лужу, а мы наконец обрели покой!

Сильвай (*укоризненно*). Не будь таким бескрылым эгоистом, Францо! Перед лицом смерти мы все должны склонить голову. Кризис продолжался всю ночь. Наш Данько Гашпар, наш дорогой коллега, друг и старейший сослуживец, возможно, уже... (*Растроганно сморкается.*) Боюсь, очень боюсь, что с минуты на минуту может прийти печальная весть... (*Неожиданно твердо.*) А потому самое лучшее — приготовиться к худшему.

Франц о (*с готовностью*). Устроим первоклассные похороны. Достойно проводим нашего коллегу в последний путь. Передайте всем служащим: явка строго обязательна.

Киш. Такова уж наша собачья должность!

Сильвай. Похороны провести на соответствующей высоте. Море цветов... Море венков... Ленты от каждого отдела... Приличный оркестр... смешанный хор. И лошади! Никаких машин, понятно? Даниэль любил лошадок. Прощальную речь произнесу лично я. Напиши ее, доктор.

Франц о. А как насчет гроба?

Сильвай. Ясное дело — с позолотой.

Франц о. Это само собой. Но... два или хватит одного?

Сильвай. Что за дурацкий вопрос, Францо! Раз у нас два покойника — значит, столько же и гробов!

Франц о. Будь по-твоему. А как с пенсией вдове? Две или одну?

Сильвай. И пенсии две. Эх ты, крохобор!

Франц о. Но вдова-то ведь только одна!

Сильвай (*начинает злиться*). Ну и плевать, что одна! О живом вы, де-факто, не заботились, пусть хоть мертвый порадуется. И не приставай ко мне со своей экономией! Доктор!

Киш. К вашим услугам!

Сильвай. Эта речь... надгробная речь... она должна быть... (*Жестами изображает нечто грандиозное.*) И никакого адвокатского умничанья, понятно? Чувства, доктор, побольше чувства! Чтобы слова были, точно... точно комья земли, падающие на

крышку гроба... Напишешь мне такую речь, чтобы живые завидовали покойнику, понятно?

Киш. Сухих глаз не останется. Ручаюсь.

Сильвай. Профессора надо официально поблагодарить. За все. И разумеется, выразить соболезнование. Бедняга уже рассчитывал на Нобелевскую премию и вот, на тебе... (*Пожимает плечами.*) Операция удалась, но, увы, пациенты... (*Не договорив, резко.*) Велите приготовить траурный флаг. Боюсь, как бы не пришлось его вывесить еще сегодня.

Францо. Один или два?

Сильвай. Похороны одни, значит, и флаг один. Ты, мудрец!

Громкий, настойчивый телефонный звонок.

Сильвай (*поспешно снимает трубку*). Изобретения и патенты. Ах, это вы, сестричка Беата? Алло, не понимаю... Повторите! (*Длительная пауза.*) Да, да... понимаю... (*Уныло.*) Спасибо... Спасибо... Конечно, мы рады... Ну как же. (*Вешает трубку. Длительная пауза.*)

Киш. Ради бога, что случилось?

Сильвай (*бесцветным голосом*). Сегодня утром они хорошо позавтракали. Первый... и второй. (*Трагически.*) Съели яичницу из восьми яиц! Со шкварками... И выпили по две кружки пива. Двенадцатиградусного.

Киш. Это значит... это значит...

Францо. ...что похорон не будет?!

Сильвай (*глухо*). Профессор Йордан передает всем сердечный привет. Его пациенты с честью выдержали испытание, перенесли тяжкий кризис и теперь вне опасности. Профессор убежден, что в недалеком будущем, сразу же после международного конгресса, они смогут приступить к работе...

Францо. Черт побери! Значит, все-таки эксперимент удался?

Сильвай. Да, эксперимент удался. (*Тихо, с горечью.*) А какие прекрасные могли быть похороны... (*Бьет кулаком по столу.*) На высшем уровне!

Занавес

Антракт

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

На заднем плане — строящийся дом: стены еще не облицованы, окна слепы, пусты. Около дома — хаотическое нагромождение стройматериалов, брошенные инструменты, словно все строители разом покинули площадку.

По просцениуму женщина, жена господина Гашпара, везет пустую тачку. Затем появляется Элиаш, все в том же синем пиджаке, в галстуке бантом и снова — с магнитофоном.

Явление первое

Женщина и Элиаш

Элиаш (*окликает ее*). Будьте добры, вы не скажете, где мне найти супругу господина Гашпара?

Женщина (*недоверчиво*). А что вам от нее надо?

Элиаш. Я принес ей добрую весть.

Женщина. Добрую? (*Колеблется.*) Я жена Гашпара. Но на разговоры у меня нет времени.

Элиаш. Позвольте... (*Кланяется.*) Элиаш, очень приятно. Свидетель, прошу прощения. Я видел, как вашего супруга... это самое... (*Отирает со лба пот.*) Очень сожалею, что не сумел вовремя прийти на помощь... Как это ни печально, я потерял сознание... Это было ужасно... ужасно!

Женщина равнодушно слушает.

Элиаш. Но теперь все уже в порядке! (*Торжественно.*) Госпожа Гашпар... сегодня вы можете увидеть своего супруга... то есть обоих своих супругов!

Женщина. Сегодня? Так это и есть ваша добрая весть?

Элиаш. Вы не рады? Неделю назад они перенесли тяжелый кризис, но теперь здоровы... как быки! Неделю назад профессор Йордан выставил меня

из клиники, а сегодня... сегодня он сам срочно вызвал меня! И знаете зачем?

Женщина. Это ваше дело.

Элиаш (*взволнованно*). Он разрешил мне взглянуть на пациентов! И вам, разумеется, тоже. Госпожа Гашпар, за углом меня ждет такси. Поедемте!

Женщина. Еще чего! А кто будет работать, достраивать дом? Разве вы не видите, что я занята?

Элиаш. Простите... неужели вы не рады?

Женщина. Вы что, решили посмеяться надо мной?

Элиаш. Я решил вас поздравить. Ваш муж вернется. Он избежал почти неминуемой смерти. И теперь к вам вернутся двое... Представьте себе — двое!

Женщина. Благодарю покорно. И я еще должна радоваться?

Элиаш (*в полной растерянности*). Мадам, я думал...

Женщина (*резко*). А знаете, что думала я? Что выхожу за нормального мужчину. А не за хлюпика... не за трясогузку поганую, тряпку... которая чуть что — рвется пополам! Тьфу!

Элиаш. Успокойтесь, мадам... ведь он не виноват!

Женщина. У нас и так уже четверо детей. А что будет теперь, когда они примутся за дело вдвоем?

Элиаш. Они оба — ваши законные мужья, мадам...

Женщина. Да я-то выходила только за одного! И не обязана заботиться о двоих! (*В ярости.*) Варить, обстирывать, убирать... Да еще прикажете обоим рожать детей? Ну уж нет! В сутках только двадцать четыре часа. Что ж, и мне прикажете разорваться, как этот недотепа?

Элиаш. Но поймите же, мадам... Это почти чудо! Уникум, какого нет во всем мире! И с точки зрения медицины...

Женщина. Хорошенький уникум, коли их двое! Да и какая мне от этого выгода? Стала для всех посмешищем, больше ничего. Вся улица смеется. Жена двух мужей! Жених старшей дочери вернул

обручальное кольцо, испугался, что у него будут сразу два тестя. Малыши возвращаются из школы в слезах.

Элиаш. Успокойтесь, мадам... Скоро все насмешки прекратятся. Люди станут вам завидовать!

Женщина. Вот уж есть чему!

Элиаш. Ведь ваш супруг... больше не принадлежит ни этой улице... ни этому городу... Теперь, прошу прощения, он принадлежит истории! Всему человечеству!

Женщина. Так пускай человечество о нем и заботится, а меня оставьте в покое!

Элиаш (*с энтузиазмом*). Ах, поймите, мадам... Даниэль Гашпар — первый человек на свете... который разорван на части не гранатой... не бомбой... и это не результат насилия! Это первый человек, разорвавшийся на части в результате мирного и плодотворного труда! Гордость человечества, мадам, историческая личность! Светоч прогресса... факел... освещающий людям путь... к миру и благоденствию!

Женщина. О господи... (*Презрительно.*) Факел! Кто прожил с ним двадцать лет, вы или я?

Элиаш. Ваш дом будут осаждать журналисты, врачи, кинооператоры... Сюда сойдутся специалисты со всей округи... съедутся ученые всего земного шара! Ваш дом станет средоточием...

Женщина. Только этого мне недоставало! Вы что, не видите? У дома еще нет крыши, нет облицовки... ни электричества, ни канализации, ни водопровода! И все сбежали. Каменщики, плотники, монтеры — все... Смылись, как только его разорвало! Испугались, что им не заплатят. Стройка остановлена... долги растут, а хозяин изволит валяться по больницам!

Элиаш. Зато господин Гашпар получит два жалованья! И гонорары, мадам, гонорары! Газеты будут платить за каждое его слово, за каждую фотографию... и медики тоже, лишь бы собственными глазами увидеть это живое чудо! Деньги так и посыплются в ваш дом! Вы разбогатеете, мадам...

Женщина (*кричит*). Не надо мне такой славы! Не надо таких денег. Мне нужен нормальный мужчина, а не такой, которого показывают людям, точ-

но телка о двух головах! Я не позволю превращать свой дом в цирк! Понимаете? Никогда! Пускай он вовсе не возвращается!

Элиаш. Не говорите так, прошу вас!

Женщина (*безапелляционно*). Или вернется один — или ни одного. Для двоих тут места нет!

Элиаш. Опомнитесь, мадам... неужели вы не понимаете...

Женщина. И оставьте меня в покое! У меня нет времени. (*Толкает тачку.*) Тарзан, Тарзан! Покажи господину дорогу!

За сценой раздается яростный лай. Элиаш, зачарованный, слушает. Затем поспешно достает свой магнитофон.

Элиаш (*блаженно*). Какой голос... Боже, какой голос! Такого я еще не записывал! Словно тур! (*С магнитофоном в руках подходит ближе. Собака как назло умолкает*). Ну-ка, еще... еще. Тарзанка, дорогой... Ну, пропой свою песенку! (*Снова захлебывающийся лай. Одновременно доносится злобный женский голос.*)

Женщина (*из-за сцены*). Вы зачем дразните пса? Убирайтесь, говорю вам! Или я спущу его с цепи! Ату, Тарзан! Ату!

Элиаш в страхе пускается наутек. Собака за сценой яростно лает.

Занавес

Полуминутный перерыв

КАРТИНА ПЯТАЯ

На сцене множество ламп, больших и малых: хромово-серебристые рефлекторы, изображающие горное солнце, инфракрасные лампы и т. п., — словно на киностудии или в инкубаторе. Лампы излучают слабый, трепетный свет различных оттенков: от молочно-белого до ядовито-зеленого. Все они направлены на ширму из какого-то синтетического материала. По обе стороны ширмы — две вешалки, на них висят два больничных халата. Ничего больше пока что не видно.

Все вместе — лампы, рефлекторы — создает атмосферу таинственности, странную и даже чуточку жуткую.

Явление первое

Профессор и Элиаш

Оба, стараясь не производить шума, на цыпочках крадутся по сцене.

Элиаш (*шепотом*). Где они?

Профессор (*показывает на ширму*). Там.

Элиаш. Оба?

Профессор. Конечно, оба!

Элиаш. Что они делают?

Профессор. Спят.

Элиаш (*разочарованно*). Значит, я не смогу с ними поговорить?

Профессор. Потерпите десять минут. Ровно через десять минут они проснутся. А пока я вам покажу их... Подойдите, не бойтесь. (*Ведет Элиаша между рефлекторами к ширме*). Даниэль Гашпар номер первый... Даниэль Гашпар номер второй!

Элиаш (*после паузы, пораженный*). И эти двое в самом деле... получились из одного?

Профессор. Да. Из сэкономленного материала.

Элиаш. А почему они такие бледные?

Профессор. Всякий выздоравливающий кажется немного бледным. Да еще из-за ламп. *(Показывает.)* Альфа-лучи... каппа-лучи в комбинации с дзета-лучами. Это уничтожает бактерий и ускоряет процесс адаптации пересаженных органов.

Элиаш (*шепотом*). Кажется, они не дышат...

Профессор. Им впрыснули препарат МП-икс-форте. Можете говорить громче. Они спят, как сурки.

Элиаш (*заглядывая за ширму*). Поразительно! Почти одинаковые...

Профессор. Я сделал, что мог. Конечности великолепно прижились. И не менее чувствительны, чем прежние...

Элиаш. Но лица, господин профессор... Лица у них не совсем одинаковые.

Профессор. Не хватало еще мне возиться с этой чепухой! *(Раздраженно.)* Здесь не косметический салон, уважаемый! Если они будут недовольны, пускай заказывают себе новые физиономии, я возражать не стану.

Отходит от ширмы. Элиаш следует за ним.

Элиаш. Господин профессор, неделю назад вы меня прогнали, а теперь...

Профессор (*резко*). Знаете, почему я вас позвал? Потому что вы были правы, уважаемый!

Элиаш. Я?!

Профессор. Вы предупредили, что возникнут проблемы. Они уже возникли.

Элиаш. Какие, господин профессор?

Профессор. Я-то думал, это будет прекраснейший день моей жизни! И вдруг... (*Не договорив, махнул рукой.*)

Элиаш (*сердечно*). И все равно это прекраснейший день вашей жизни! Самое трудное уже позади. Вас ждут Большой актовый зал... международный конгресс... Нобелевская премия...

Профессор (*перебивает*). Кто знает, как еще все обернется! (*Злобно в сторону ширмы.*) Ну и задали мне жару эти двое...

Элиаш. Но ведь кризис они перенесли благополучно. Прошла уже неделя.

Профессор. Физически они в полном порядке. Но со стороны психики... Здесь есть нечто такое, о чем я вообще не подумал... (*Нервно.*) Например, меня они просто не выносят!

Элиаш. Оба?

Профессор. Терпеть не могут! Не знаю почему, но мое присутствие их буквально бесит. Вчера они обозвали меня старым идиотом. А номер второй хотел в меня плюнуть!

Элиаш. Плюнуть?! В вас, господин профессор?

Профессор (*с горечью*). Совершенно верно, в меня. В того, кто их сотворил. Где-то вкралась ошибка. Боже мой, это была серия таких рискованных и сложных операций! А ведь достаточно малейшей ошибки... один-единственный крошечный недосмотр и... (*Не договаривает. От его обычной самоуверенности не осталось и следа.*)

Элиаш (*утешает*). Знаете, иной раз дети восстают против родителей. Вполне нормальное явление. А ведь это ваши дети, господин профессор.

Профессор. По-вашему, то, что они так меня ненавидят, нормально? И что постоянно спорят между собой...

Элиаш. Спорят?

Профессор. Неделю назад даже подрались! Совсем обессилели, дураки... сознание потеряли! Я уж думал — кончатся.

Элиаш. Так это и был кризис? Но из-за чего же они подрались?

Профессор. Откуда я знаю. Мне они ничего не говорят. Один кричал про какого-то жильца, а другой плакал.

Элиаш. Плакал?

Профессор. А потом звал какого-то Тарзана.

Элиаш. Это его пес!

Профессор. Какой еще пес?

Элиаш. Великолепная овчарка! А голос! Словно у оленя! Видите ли, я побывал у супруги господина Гашпара... (*Ударяет ладонью по портфелю.*) Ее голос у меня записан на ленту!

Профессор. Голос его супруги?

Элиаш. Нет, овчарки. (*Неожиданно.*) Господин профессор, а что, если включить магнитофон? Это напомнило бы им родной дом... И возможно...

Профессор. Не возражаю. Попробуйте. (*Апатично.*) Делайте что хотите. Мне уже все равно. (*Вдруг сразу оживляется.*) Но если бы вы и вправду как бы между прочим... невзначай...

Элиаш (*с готовностью*). Да, господин профессор?..

Профессор. Если бы вы могли выяснить, что они имеют против меня. За что они меня так ненавидят?!

Из-за ширмы доносятся звуки, свидетельствующие о пробуждении: громкие зевки, потягивание, скрип пружинного матраца. Профессор и Элиаш замирают.

Явление второе

Те же, Даниэль Гашпар первый и Даниэль Гашпар второй

Второй. Ну как, выспался?

Первый. Все тело ломит. Этот старый идиот всадил нам сегодня лошадиную дозу!

Профессор (*Элиашу*). Вы слышите?

Второй. Вроде бы его голос...

Первый. Что тебе снилось, Даниэль?

Второй. Мне? Мне уже ничего не снится, Даниэль.

Первый. А мне снится. И все время одно и то же. Как он нас режет, кромсает, вспарывает... каждую ночь вижу его окровавленные руки... и самодовольную, идиотскую улыбку...

Профессор (*не выдержав*). Я вас слышу, господа!

Второй. А вы не слушайте, заткните уши.

Первый. Убирайтесь вон! Или я огрею вас лампой!

Профессор. Ну знаете! Я не допущу... (*Подбежав, быстро раздвигает ширму.*) Номер первый! Номер второй! Еще раз требую, чтобы вы относились ко мне с уважением!

Второй. Вы все еще здесь?

Первый. Нет, я его все-таки огрею! Или оболью из ночного горшка!

Профессор (*отступая, с горечью — Элиашу*). Слыхали? Видели? (*Пациентам.*) Номер первый... номер второй! Стыдитесь! Вы... вы неблагодарные свиньи! (*Взволнованный уходит.*)

Первый показывает ему язык.

Явление третье

Те же, без профессора

Оба **Гашпара**, одинаково бледные, сидят на постелях, как два изваяния. В одинаковых пижамах, одинаково причесанные, с одинакового цвета волосами, усиками и бакенбардами. Но голоса и лица у них разные. Над постелями две таблички с именами и диаграммами температур, на ночных столиках одинаковые баночки и пузырьки с лекарствами.

Второй. А это кто? Новый доктор?

Первый. Убирайтесь-ка!

Элиаш. Я не доктор, прошу прощения. Я свидетель, очевидец. *(Кланяется.)* Элиаш, очень рад познакомиться.

Оба Гашпара, не реагируя, неподвижно сидят на кроватях.

Элиаш. Я был в парке, когда... когда случилось это несчастье.

Второй. Несчастье? Величайшее счастье, уважаемый!

Первый (*неприветливо*). Чего вам тут надо?

Элиаш (*в растерянности*). Я принес вам привет из дома...

Второй. Прицепите его себе вместо бантика.

Первый (*удивлен*). Привет?

Элиаш. Я заходил к вашей супруге. А вот тут... прошу вас... (*Вынимает магнитофон.*) Сию минуту...

Элиаш налаживает магнитофон. Оба Гашпара, которых играют актеры примерно одинакового роста и с похожими фигурами, поднимаются с постелей. Сначала их движения абсолютно синхронны: они одновременно встают, суют ноги в шлепанцы, снимают с вешалок халаты, надевают их. Словно все это делает одно тело, словно они — зеркальное отражение друг друга.

Элиаш. Один момент, прошу прощения... Сейчас вы услышите.

Элиаш включает магнитофон. Раздается яростный лай. Потом злобный женский голос: «Вы зачем дразните пса? Убирайтесь, говорю вам. Или я спущу его с цепи! Ату, Тарзан! Ату!»

Первый. Слыхал, Даниэль? (*С улыбкой.*) Этот голос я узнал бы среди сотен других.

Второй. Голос нашего пса? Или нашей жены? Трудно сказать, кто из них лает лучше...

Первый. За что она вас выгнала?

Второй. Наверное, пришел с каким-нибудь счетом.

Элиаш. С прекраснейшим известием, господа! Я сообщил, что ей разрешено вас навестить. Что вы уже вне опасности... И что скоро вернетесь домой!

Первый. И что же она — обрадовалась?

Второй (*саркастически*). От радости подскочила до небес!

Элиаш. Конечно, она немного нервничает, у нее много работы, но... (*лжет*) но обрадовалась, право же, обрадовалась...

Первый (*мягко*). Она хорошая, порядочная женщина. И все еще неплохо выглядит.

Второй. Злая, беспутная баба. Старая перечница и язва.

Первый. Ты не мог бы минутку помолчать?

Второй. Я имею такое же право говорить, как и ты!

Синхронность движений Гашпаров исчезает. С этого момента они становятся самостоятельными, независимыми, зеркальное отражение как бы раздваивается.

Первый. А дети? Вы не видели детей?

Элиаш. Кроме вашей супруги — никого.

Второй. Даже Игорька?

Элиаш. Игорька?

Первый. Нашего младшенького, уважаемый.

Второй. Все черноволосые. Только Игорек белобрысый. Чистейший блондин с голубыми глазами. Разве не любопытно?

Элиаш (*растерянно*). Это случается, прошу прощения...

Второй. Ясное дело. Особенно, если у вас в доме поселится жилец. И как раз...

Первый. Тебе не стыдно, Даниэль?

Второй (*спокойно*). ...блондин. С голубыми глазами. И с бородавкой на носу.

Первый. Перестань! Замолчи!

Второй. До сих пор удивляюсь, отчего у нас Игорек не родился с бородавкой...

Первый. У тебя нет никаких доказательств. Я тебе не верю!

Второй. Значит, ты не веришь самому себе?

Первый. Но ведь и мы не ангелы, Даниэль!

Второй. Ты собираешься мерить мужские и женские грехи одной меркой?

Первый. Все грехи надо мерить одной меркой.

Второй. Мои — нет. Мои грехи шиты по моей мерке. И я приспосабливаю ее, как мне удобно.

Первый. Мы перестали понимать друг друга! (*Беспомощно.*) Ты уже не тот, что прежде, Даниэль.

Второй (*насмешливо*). А какой я был прежде?

Первый. Даниэль Гашпар всегда был порядочным человеком.

Второй. Что это такое — порядочный человек? С чем это едят?

Первый. Порядочный человек... Словом, порядочный человек — это порядочный человек.

Элиаш. Вы абсолютно правы, прошу прощения... (*Колеблется, наконец решившись.*) Именно поэтому я к вам и пришел.

Второй. Я так и знал: ему от нас что-то нужно.

Элиаш. Видите ли... как я уже сказал... в парке никого не было, только вы да я... И естественно...

Второй. Естественно, подозрение пало на вас! Поздравляю! (*Доволен.*) На кого же как не на очевидца!

Элиаш. Прошу прощения, мне не до смеха. Я не имею права покинуть город. И каждый день отмечаюсь в полиции. (*Настойчиво.*) Но ведь вы-то знаете, что я не причинил вам никакого зла!

Второй. Кто? Я? (*С наигранным удивлением.*) Откуда же мне знать, уважаемый? Я ничего не помню.

Элиаш (*первому*). И вы?

Первый. Вы ни в чем не виноваты, дружище.

Элиаш. Так помогите мне, прошу вас. (*Робко.*) Достаточно сущей безделицы... простого подтверждения... что это случилось само собой... и...

Второй. Подтверждения?

Элиаш. С вашей собственноручной подписью, прошу прощения. Дело все еще не прекращено. И полиция меня...

Второй. Нет уж, любезный! (*С улыбкой.*) Никакого подтверждения не будет!

Первый. Но почему, Даниэль?

Второй. Даниэль Гашпар надорвался на работе, лопнул от усердия. Это мы должны подтвердить? Чтобы потом каждый над нами смеялся?

Первый. Боже мой... что же тут смешного?

Второй (*Элиашу, резко*). А вы что делали в парке?

Элиаш. Прошу прощения, я работал... (*Показывает на магнитофон.*) Записывал воркованье голубей...

Первый (*с упреком*). Вам следовало поспешить на помощь!

Элиаш. Простите, я не мог... *(С несчастным видом.)* Это меня больше всего и мучает... Но я не мог, потому что...

Второй. ...потому что не захотели!

Элиаш. Потому что я потерял сознание! Но потом сразу же вызвал «Скорую помощь». И полицию.

Второй. И полицию? (*Ехидно.*) Старый трюк!

Элиаш (*ужасается*). И вы... и вы меня подозреваете?!

Второй. А цифры на песке... вы их видели?

Элиаш. Видел.

Второй. Это были формулы нового изобретения.

Первый. Даниэль!

Второй. Вы успели их переписать! Вы украли идею!

Элиаш. Я?.. Формулы?.. (*Поражен.*) Прошу прощения, я за всю свою жизнь ни у кого ничего не украл. Даже ломаного гроша!

Второй. Но тут речь не о грошах! Тут пахло миллионами! Наше изобретение...

Первый. Перестань. *(Возмущенно.)* Зачем ты его мучаешь? Зачем обманываешь? *(Элиашу.)* Цифры на песке ровным счетом ничего не значили. Обыкновенные семейные расчеты... за газ, за электричество, за квартиру... Какое уж там изобретение!

Второй. Нет, это были расчеты нашего изобретения!

Первый. Неправда!

Второй. А что такое правда? (*С улыбкой Элиашу.*) Никакой справки вы не получите. И от души желаю, чтобы вас посадили.

Первый. Не слушайте его! Справку я подпишу сам.

Второй. Без моей подписи она не действительна.

Первый (*взволнованно*). Видите, что этот подлец из него сотворил? Это все дело рук профессора! Будь он проклят, старый идиот!

Элиаш. Профессор старался сделать все...

Первый. Ах, он старался!.. (*В бешенстве.*) Он превратил нас в подопытных кроликов! Да, в двух подопытных кроликов для какого-то дурацкого эксперимента!

Элиаш. Но ведь он спас вам жизнь! Сотворил чудо. Совершил невозможное!

Первый (*кричит*). А кому это нужно — совершать невозможное? Для чего?

Элиаш. Чтобы невозможное стало возможным. Вы живы... и живете теперь, как два брата...

Первый. Два сводных брата.

Второй. Две посмертные маски... (*С улыбкой.*) Два близнеца, задушенные одной пуповиной.

Первый. Разве вы не видите, какие у нас лица?

Элиаш. Ах да, вы не совсем похожи, но...

Второй. Лично я — доволен. У меня правильные черты лица, орлиный нос.

Первый. А голоса? Вы не обратили внимания на наши голоса?

Второй. Я и голосом своим доволен. Зычный, сильный. С таким голосом не пропадешь!

Первый. Он поделил на двоих даже голос! Он не имел на это права! Кто ему позволил? (*Кричит.*) Шарлатан, прохвост, жулик! Обыкновенный мясник!

Второй. Во всем мире нет второго такого авторитета!

Первый. Во всем мире нет такого болвана. Да подобной ошибки не сделал бы и деревенский лекарь!

Элиаш. Ради бога... о чем вы говорите?

Второй. Мало ли что забывают доктора... (*Как бы между прочим, с легкой усмешкой.*) Слыхали старый анекдот о докторе, который забыл свои очки... в животе пациента?

Элиаш. А профессор... (*Напряженно.*) Что он забыл?

Первый. Вы слепы, уважаемый? Или глухи... Разве вы не видите, что он с ним сделал? (*В бес-*

сильном отчаянии.) Зеркало разбилось! Никогда больше он не увидит своего лица! И ничего не почувствует... Он не может так жить!

Второй. Не мучай себя понапрасну, Даниэль. Я попробую.

Первый. Достаточно одного слова... одного-единственного слова. И ты спасен!

Второй. Спасен навеки! *(Улыбаясь.)* Жаль, что ты не миссионер, Даниэль!

Элиаш. О каком спасительном слове вы говорите?

Первый. Чтобы он сказал — да! Чтобы согласился!

Второй. Никогда ты этого от меня не дождешься! Никогда я не соглашусь!

Первый. Ты должен! Я обязан тебе помочь! Я спасу тебя! (*Подбегает к ночному столику, нажимает какую-то кнопку. Раздается оглушительный звонок, пронзительный и тревожный, как сирена. Бьет кулаками по столику, кричит.*) Профессор Йордан! Профессор Йордан! Про-фес-сор!..

Явление четвертое

Те же и профессор

Профессор (*прибегает встревоженный*). Что тут снова происходит? Номер первый, что вы ревете, как...

Первый. Профессор Йордан! Я требую новой операции! Немедленно!

Профессор. Новой операции?

Первый. Я должен его спасти! Нас необходимо соединить!

Профессор (*возмущен*). Да вы спятили! Чтобы я сам уничтожил дело всей своей жизни? Свою сбывшуюся мечту?! Этот единственный в своем роде шедевр? Никогда!

Первый. Что ж, я найду другого врача!

Профессор. Но я не вижу причин...

Первый. Ваш эксперимент не удался! Вот в чем главная причина, профессор Йордан!

Профессор. Что вы мелете чушь! Как это — не удался? Весь мир с восхищением следит за моей работой...

Первый. Чихал я на вашу работу! И на весь мир! Меня беспокоит только он...

Второй (*резко*). Заботься о себе.

Первый. Я и забочусь о себе. Ведь ты — это я, а я — это ты. Еще недавно так было. *(Упрямо.)* И когда-нибудь снова будет! Я заставлю тебя согласиться...

Второй. Я уже привык. Поздно, Даниэль.

Первый. Еще нет... еще нет! Если он мог нас разделить, может и соединить!

Профессор. Господа, господа, ради всего святого, опомнитесь! (*Хватается за голову.*) Зачем вы все так осложняете? Поймите, новая операция была бы крайне опасна.

Первый. Это уж ваше дело.

Профессор. Но и ваше тоже. Я ставлю на карту только свой престиж, а вы — свою жизнь! Собственно — две жизни!

Первый. Почему же вы до сих пор не боялись рисковать нашей жизнью?

Профессор. Я делал это ради науки, мой дорогой! Ради всего человечества!

Первый. Сказали бы — ради славы. Ради карьеры!

Второй. Ну и что же тут плохого? Обычное дело.

Первый. Вы одержимы манией величия! Убогий старый эгоист!

Второй. Это ты убогий дурак, Даниэль. На меня не рассчитывай. Для такой операции необходимо согласие пациента. А я его не дам.

Первый. Не дашь?!

Второй. Никогда ты меня не заставишь согласиться.

Первый. Тогда... тогда я лучше тебя убью!

В бешенстве кидается на него. Элиаш и профессор бросаются их разнимать. И это дается им не легко.

Профессор. Ужасно... ужасно! Отвратительно! (*Дрожит от гнева и возбуждения.*) Так слушайте же,

вы оба! Номер первый и номер второй! Через месяц в этом городе должен состояться международный конгресс. И я голову даю на отсечение, что он состоится. Оксфорд... Кембридж... Сорбонна... Упсала... Саламанка... Санта-Клара... Понимаете вы, что означают эти слова, вы... вы... (*С трудом овладевает собой.*) Через месяц... я вместе с вами предстану перед всем научным миром! Но если вы не исправитесь... если осрамите меня... (*хватает обоих за полы халатов*) оскандалите... испортите лучший день моей жизни... я вас уничтожу! (*Отпускает их халаты.*) Надену на вас смирительные рубашки... и упрячу в сумасшедший дом! Обоих! Это мое последнее слово! (*Уходит.*)

Явление пятое

Те же, без профессора

Элиаш (*ему вслед*). Господин профессор, постойте! (*Обоим Гашпарам.*) На вашем месте я бы... извинился. (*Пораженный.*) Неужели вы не чувствуете... ни малейшей благодарности?

Второй. Я? Благодарность? (*Смеется.*) Вы слишком добры, дружище!

Первый. Разве вы не понимаете? Он уже вообще ничего не чувствует!

Второй. Пошел ты ко всем чертям со своей жалостью! Я в ней не нуждаюсь! Мне лучше, чем тебе!

Первый. Опомнись, брат мой!

Второй. Какой я тебе брат! Никогда мы братьями не были. И не будем.

Первый. В таком случае ты погиб, Даниэль!

Второй. Профессор вовремя нас разделил. Вечно ты торчал у меня на пути, тянул ко дну. Висел на шее, точно мельничный жернов. Как мне стало без тебя легко... ничто больше не связывает, не тяготит, не давит... (*В упоении.*) Я ощущаю за плечами крылья! Я уже лечу... лечу, Даниэль!

Первый. Упадешь, братец!

Второй. И все равно ничего не почувствую — только ветер на разгоряченном лице!

Первый. Ну нет, боль... боль почувствуешь и ты!

Второй. Да что там, игра стоит свеч... стоит. (*В упоении.*) У меня будет все, чего я ни пожелаю...

Элиаш. Разве это так важно — иметь все?

Второй. Ага, уже завидуете! (*Первому.*) Мы снова будем жить среди людей. Кем ты тогда станешь?

Первый. Тем же, кем был. Порядочным человеком.

Второй. Значит, опять никем. Опять никем. Даже не заметишь, как пройдет жизнь. И на твоей могиле я напишу: «Здесь лежит Даниэль Гашпар, порядочный человек и усердный навозный жук. Всю жизнь он катал шарики из воска».

Первый. Шарики тоже небесполезная вещь. Людям они нужны. Я продаю им покой и тишину.

Второй (*смеется*). Восковые шарики для грязных ушей! Дубовая башка! Придумал бы что-нибудь получше! Восковые уши, например. Восковые глаза... Восковые физиономии...

Первый (*взволнованно, Элиашу*). Ради бога, помогите! Бегите за профессором! Он должен сделать нам операцию! Сегодня же! Эксперимент не удался! Мой брат безумен!

Второй. Я в здравом уме. И никогда не чувствовал себя лучше, чем сейчас!

Первый. Слышите?! (*В отчаянии.*) Вы хоть поняли, что произошло?! Поняли?

Элиаш. Он... у него, кажется, нет...

Первый. Ну да! У него нет совести! Профессор про нее забыл!

Элиаш. За-был?

Первый. Все разделил поровну, а про совесть забыл! Я получил ее целиком... сполна... а он...

Второй. Ничего... ничего... ничего! Только пустоту. (*Усмехается.*) Вот тут. Великолепно пристроенная... и великолепно зашитая пустота!

Элиаш (*в ужасе*). Пустота... и больше ничего?

Первый. Схалтурил! Испортил! Погубил!

Элиаш. Но ведь без совести нельзя жить!

Второй. Нельзя? Кто это вам сказал? А я вот докажу, что можно!

Элиаш (*потрясенный*). Нет, нет... вы не можете, прошу прощения! Так нельзя... Без совести... Это опасно! Очень опасно! Ведь любого бациллоносителя изолируют от людей... А жить без совести... возможно, это даже наказуемо... это преследуется законом, прошу прощения! (*В испуге пятится от Второго.*) У каждого должна быть хоть крупица... хоть крошечная частичка совести.... Хотя бы столько, сколько бензина в самой малюсенькой зажигалке, чтобы... чтобы какой-то огонек горел в человеке... пусть самый крохотный... чтобы каждый знал, что он человек! (*Уже в дверях.*) Нет, нет, без совести, прошу прощения, нельзя! Тут необходимо помочь... Это нельзя так оставить! (*Убегает.*)

Явление шестое

Те же, без Элиаша

Второй (*кричит ему вслед*). Не нуждаюсь я в вашей помощи! Ничего мне не нужно! (*Первому.*) Когда же вы наконец поймете! Мне хорошо... очень хорошо... Это удивительное чувство — не иметь в душе ничего... только пустоту! (*С нетерпением.*) Я просто не могу дождаться, когда эта пустота начнет действовать в полную силу!

Первый (*после паузы, грустно*). А как мы прежде понимали друг друга! Все делали вместе... столько славных и полезных вещей...

Второй. Ха, славных! Да еще и полезных! Что-то не припомню.

Первый. Дом... большой новый дом мы начали строить вместе. Наш дом, Даниэль!

Второй. Ну да, тюрьму, где с утра до ночи верещала изменница-жена да вечно путался под ногами сопливый выводок?

Первый. Но ты все это любил, брат мой. Как ты можешь оплевывать теперь то, чем мы прежде жили. Неужели ты хочешь, чтобы я тебя возненавидел?!

Второй. Это твое дело. Только имей в виду — ты возненавидишь лучшее, что было в нас!

Первый. Худшее, Даниэль, худшее!

Второй. У тебя нет за душой ничего, кроме совести. И той тебя наделили по ошибке. Ты мягок... как нарыв... как тряпка... и этой тряпкой я буду вытирать свои ботинки!

Первый. Скажи лучше — как слезы, брат мой.

Второй. Настало мое время. Теперь я знаю свою силу и свои возможности! Они грандиозны... (*Упоен, с победоносным видом.*) Я выиграл, мой милый! Этот старый идиот дал мне крылья! Эксперимент удался!

Явление седьмое

Те же и сестра Беата

Беата. К вам гости. Трое сослуживцев.

Первый. Сослуживцы? (*Пугается.*) Нет, нет, не пускайте их!

Второй. Отчего же? Если профессор разрешил!

Беата. Профессор сказал, что ему наплевать. Что вы ему осточертели. Оба!

Первый. Никаких визитов, сестричка. (*Показывает на второго.*) Он... он сегодня нездоров!

Второй. Не слушайте его! (*С галантным жестом.*) Просите, сестра Беата!

Беата, пожав плечами, выходит.

Первый. Обещай мне хотя бы...

Второй. Ничего я тебе не обещаю, Даниэль!

Первый. Ради бога! Они не должны узнать, что случилось...

Второй. Я им ничего не скажу. Но пустота во мне уже рвется наружу! (*С леденящей кровь ухмылкой.*) Если позволишь... я сделаю пробу, посмотрю, как она действует.

Явление восьмое

Те же, Сильвай, доктор Киш и Францо

На пороге появляется празднично одетая троица — в черных костюмах, с цветами и подарками. Однако при виде пациентов профессора Йордана у посетителей перехватывает дыхание: все трое замирают, не в силах что-нибудь произнести или двинуться с места.

Первый. Здравствуйте, здравствуйте! Проходите!

Ошарашенные гости не двигаются с места. Только изумленно разглядывают обоих Даниэлей Гашпаров.

Первый (*сердечно*). Какая приятная неожиданность!

Второй. Вот уж не думали, что вы сюда притащитесь!

Сильвай (*опомнившись, весело*). Хо-хо, а вы не утратили чувство юмора, ребята! Ей-ей, не утратили... (*С раскрытыми объятиями кидается к ним.*) Данько... Даниэль... Дорогой наш Даниэлько! (*Запнувшись.*) Но... кто из вас кто? Как вас различать, черт возьми?

Первый. Я номер первый... он номер второй.

Сильвай. Номер первый и номер второй! (*Весело.*) Но ведь это, де-факто, все равно! Каждому по букету — и дело с концом! (*Сует им в руки цветы.*) Из моего сада, ребятки. Собственноручно вырастил... доктор, чего стоишь? Преподноси!

Киш (*разворачивает две всем хорошо знакомые пепельницы с белыми медведями*). Одна пепельница для номера первого... другая для номера второго. В память о вашем счастливом исцелении.

Первый. Ах, это совсем не обязательно... (*Растроганно.*) Я вам так благодарен! Только мы не курим.

Сильвай. Вот видишь, Францо! Что я говорил? Пепельницы не подойдут. Мне ли не знать, что Данё Гашпар не курит... то есть, что они не курят...

Францо. Большинством голосов прошли пепельницы. Подарочный фонд уже исчерпан.

Второй. Опять все растранжирили. А нам, извольте радоваться,— пепельницы! (*Швыряет свою пепельницу на пол.*)

Первый (*испуганно*). Что ты делаешь, Даниэль!

Сильвай (*бодро*). Ничего, ничего... осколки — это к счастью! (*Грозит пальцем.*) Ах, разбойники, наделали же вы нам хлопот! Сколько мы из-за вас переволновались...

Второй (*сухо*). Ну, с вами-то ничего не станется. Насколько мне известно, ни один из вас не лопнет от усердия.

Сильвай (*весело*). Ну что я сказал?! Они не утратили чувство юмора! Как поживаете, ребята? Как делишки? Небось уже здоровехоньки, разбойники?!

Первый. Благодарим за заботу, господин директор. Слава богу, худшее уже позади.

Второй. С чего это ты величаешь его директором?

Первый. А как же иначе?

Второй. Зови его лучше так, как все у нас называют за глаза.

Сильвай. О, это любопытно... право, любопытно!

Первый. Замолчи, Даниэль!

Сильвай. Смелей, Данько! Ну, как же меня зовут?

Второй. Старый пузан.

Сильвай. Пузан? (*Кисло.*) Да еще старый?

Францо. Я бы себе такого не позволил! Лично я никогда...

Киш. И я тоже!

Второй. Вы-то нет! Вы зовете его иначе.

Францо (*шипит*). Придержи язык!

Второй. Наш боров.

Сильвай. Боров? (*Вопит.*) Да на каком основании?!

Киш. Это вы уж слишком, друзья. (*Раздраженно, обоим Гашпарам.*) Мы учитываем ваше состояние и ваше... так сказать... особое положение. Но уважать начальство надо при любых обстоятельствах! Даже в больнице!

Франдо. Я вам... я объявляю вам выговор!

Первый. Но ведь я ничего не сказал! Ни словечка!

Сильвай. Какой выговор! Что ты мелешь, Франдо! (*Играет в великодушие.*) Если подчиненные подшучивают над шефом... что ж тут особенного? Это даже своего рода признак популярности! (*Пытается улыбнуться.*) Пожалуйста, пузан так пузан!

Второй (*сухо*). А разве ты не пузан?

Первый. Даниэль! Не смей тыкать своему начальству!

Второй. А почему бы и нет?

Сильвай. И верно... почему бы и нет? (*Пытается спасти положение.*) Давайте выпьем на брудершафт! Франдо, открывай шампанское!

Франдо. К черту! (*Швыряет на постель две бутылки шампанского.*) Я с хамами не пью!

Второй (*Сильваю*). Да ведь мы с тобой уже пили на «ты». Не помнишь?

Сильвай. Право же, не помню.

Второй. Раза три. Ты всегда надирался как свинья. И в тот раз, когда устраивал стриптиз.

Сильвай. Кто? Я? (*Начинает нервничать.*) Какой стриптиз, черт возьми?

Второй. Да в прошлом году, на даче. Разделся... стал плясать на столе... а потом качался на люстре.

Сильвай. На люстре? Честное слово, не помню!

Второй. И того, что было потом, тоже не помнишь? (*Треплет его по щеке.*) С той маленькой лохматой чертежницей?

Первый, сидя на постели, в ужасе затыкает уши.

Второй. Еще и осмотреться толком не успела— уже получила повышение!

Сильвай. Нет, ты ошибаешься! Свой персонал я никогда не трогаю.

Второй. Если бы только персонал! (*Усмехаясь, как бы между прочим.*) Любопытно, что одна только жена ни о чем не догадывается.

Сильвай. Оставь в покое мою жену, пентюх! (*Подавленно.*) Это уж, де-факто, слишком!

Франццо (*энергично*). Пошли отсюда, шеф! Нам здесь нечего делать!

Второй. Куда ты заторопился, Франццо? (*Загораживает путь.*) Это все пока детали. К главному я еще не подошел.

Сильвай (*стонет*). К какому главному?!

Первый (*вскакивает с места*). Идите, прошу вас, идите! Не слушайте его! Он... он сегодня...

Второй. Заткнись! (*Посетителям.*) Я хотел бы знать, что нас ждет по возвращении на службу.

Франццо. Получите выговор. Сразу же, так сказать — вместо приветствия.

Сильвай (*сдержанно*). Это мы решим позже.

Киш. В точном соответствии с инструкцией.

Франццо. И по принципу: что посеешь, то и пожнешь.

Второй (*агрессивно*). Нет, мы решим все здесь, и сейчас же! Референт Даниэль Гашпар разорвался на части от служебного рвения, а не вы! Вы только...

Первый. Не слушайте его, уходите...

Второй. ...вы только отращивали брюхо да протирали штаны!

Киш. Еще одно слово — и...

Франццо. Мы подадим в суд за оскорбление! (*Сильваю.*) На то есть статья уголовного кодекса!

Второй. Уж не ты ли собираешься подавать на меня в суд, Франццо? (*Насмешливо.*) А как у тебя работает эскалатор?

Франццо (*испуганно*). Какой эскалатор?

Второй. Да тот самый. (*Спокойно объясняет.*) Малый эскалатор, который доставили прямо из цеха в твою квартиру.

Франццо. Это был опытный образец. Он проходит у меня испытания.

Второй. И надувной гараж тоже?

Франццо. Гараж я вернул! Он ни к черту не годится. Только надуешь — уже спускает...

Второй. А как насчет портативного надувного бассейна — четыре на семь? Это был наш последний патент... Верно, стоит у тебя в саду? И не спускает?

Франццо (*неожиданно*). Что молчишь, доктор? Скажи ему что-нибудь! Бассейн ведь есть и у тебя.

Киш (*Сильваю*). Прошу учесть, все это только

образцы, полученные во временное пользование в точном соответствии с действующей инструкцией.

Второй. Уж молчал бы ты про инструкции, доктор. (*Вскользь.*) А как насчет аквариума?

Киш. Как тебе сказать... (*Мнется.*) Аквариум разбила уборщица. Его списали...

Второй. Но рыбок ты успел собрать и унес в пивной кружке. Теперь они преспокойно плавают у тебя дома. В точном соответствии с инструкцией. (*Сильваю.*) И маленькие рыбы — тоже рыбы, не так ли?

Первый. Прошу тебя, замолчи! Ты сам не ведаешь, что говоришь!

Второй. Знаю. Я-то отлично знаю, что говорю.

Киш. В конце концов, это низко... просто низко! (*Сильваю.*) Подумаешь, взял несколько рыбешек... (*Второму.*) Между прочим, им у меня гораздо лучше, чем в канцелярии!

Второй (*Сильваю*). А ты все знаешь и молчишь, старый пузан! Ясное дело: рука руку моет! Но теперь — баста. Конец!

Франццо. И верно — пора кончать. (*Сильваю.*) Сегодня же надо написать приказ об увольнении!

Сильвай. Ты полагаешь — уволить?

Франццо. И немедленно.

Первый. Видишь, что ты натворил! (*Яростно Второму.*) Я бы тебя...

Сильвай (*кричит*). Спокойно! Без суеты! Все решаю я... (*Пауза. Размышляет. Затем как ни в чем не бывало.*) А что, собственно, произошло? Ведь, де-факто, он в общем и целом прав!

Франццо. То есть как это прав? Да это же обыкновенный...

Сильвай. Спокойно, Франццо! Немного критики... немного здоровой критики никому, де-факто, не повредит!

Киш. Какая это критика! Это извините...

Франццо. Свинство! Хамство!

Сильвай. Молчите! (*Строго.*) Ты вернешь этих рыб, доктор. А ты — все образцы, Франццо.

Киш и Франццо удивленно смотрят на своего шефа.

И ни слова больше!

Второй. А сам-то ты, пузан, как вернешь невинность... маленькой лохматой чертежнице?

Сильвай (*бодро*). Ну, ну, Данько... мы же мужчины! Зачем вспоминать... Вернемся к основному вопросу. Мне нужен новый начальник личного стола. Ты бы не взялся?

Второй. Нет.

Сильвай. Отчего же?

Второй. Мало.

Первый. Соглашайся! Там ставка выше!

Второй. Я отвечаю за себя, а не за тебя.

Сильвай. Ну а начальником производства? Что скажешь?

Второй. Всех отделений?

Сильвай. Разумеется! (*Заискивающе.*) Это тебя устроит?

Второй. Нет. Не согласен.

Франц о (*доктору*). Он спятил! Того и гляди — предложит ему собственное кресло!

Сильвай. Этого вы не дождетесь. (*Колеблется, неожиданно.*) Ну а заместителем... если я предложу тебе место своего заместителя?

Второй. Вот это уже получше.

Франц о (*кричит*). Да ведь я заместитель!

Сильвай. Я тебя понижаю в должности, Франц о.

Франц о. За что? На каком основании?!

Сильвай. Еще не знаю. Но ты уже не заместитель. (*Второму.*) Ну как, согласен?

Второй. Вот высплюсь и утром дам ответ.

Сильвай. В котором часу, Данько?

Второй (*непринужденно*). Приходи часиков в десять. Если я еще буду спать, обожди в коридоре.

Франц о (*в ярости*). Но это же несерьезно! Он... и вдруг заместитель!

Сильвай. А почему бы и нет?

Киш (*удрученный*). Значит... значит, он станет нашим начальником? Благодарю покорно!

Сильвай. А что такого? Я люблю честных и мужественных людей. Правда, наш Данько чуточку резковат... ох, резковат, разбойник! Но зато он же свой в доску! Что на уме, то и на языке! Я таких

людей, де-факто, уважаю! Для них прежде всего дело, а не личная карьера. Наш Данько — он такой! Ну, не будем ему больше мешать. Уходим, уходим... (*Шутливо машет рукой.*) Всего наилучшего, зам! Завтра увидимся... Часиков около десяти!

Отирает пот и довольный, удаляется. Францо и Киш, онемев от изумления, следуют за ним.

Явление девятое

Первый и Второй

Второй (*торжествующе глядит им вслед*). Видал? Уже действует! Действует!

Первый. Это было отвратительно... Стыдись!

Второй. Игра началась. И это только первые шаги.

Первый. Возможно, ты и добьешься, чего хочешь. Возможно, добьешься многого! Но ведь все... все будут тебя ненавидеть!

Второй. Значит, меня будут бояться. А мне этого достаточно. Вполне!

Первый. Прощай, братец мой... (*Махнув на все рукой, укладывается в постель.*) Ты уже дошел до точки.

Второй. Что ты! Это лишь начало, Даниэль! Только начало!

Первый. Прощай. Мы больше никогда не встретимся.

Второй. Ошибаешься. Мы будем встречаться ежедневно. Но как чужие. И смотри, не пытайся встать у меня на пути... (*Тихо, с угрозой.*) Я тебя уничтожу, Данё!

Явление десятое

Те же, инспектор Фрикс, Макси, полицейские чиновники, которых ведет взволнованный Элиаш

Элиаш (*показывает на обоих Гашпаров*). Вот он!

Макси. Который?

Элиаш (*колеблется*). Думаю, этот...

Макси. Что значит — думаю? Этот или тот?

Элиаш (*показывает на Второго*). Этот.

Фрикс. Вы Даниэль Гашпар?

Второй. Да. Я Даниэль Гашпар.

Макси. А вы?

Первый. Даниэль Гашпар.

Макси. Родственники?

Второй (*вежливо*). Извините, нет.

Первый. Он лжет! Это неправда!

Макси. Извольте договориться между собой. (*Резко.*) Да или нет?

Второй. Кроме имени, я не имею с ним ничего общего.

Первый. Опять ложь! Он и я... мы одно целое. То есть... мы были единым целым... Одним человеком!

Макси. Так, так. Одним. Но я вижу двух! (*Энергично.*) Вы хотите сказать, что я пьян? Или дурачите меня? Не советую!

Первый. Я говорю правду. Мы были одним человеком, пока... пока... (*Колеблется.*)

Фрикс. Пока что?

Первый. Пока я не разорвался от усердия на работе.

Макси. Как? Где?

Первый. Извините — на работе.

Макси таращит глаза на Первого.

Первый. Ну да. Что вы так на меня смотрите?

Макси. Шеф, я бы забрал этого. (*Показывает на Первого.*) Не люблю, когда мне заливают... Разорвался от усердия! (*Переходит на крик.*) Это вы рассказывайте своей бабушке, а не мне!

Фрикс. Спокойно, Макси, спокойно. Я уже начинаю кое-что понимать!..

Элиаш (*указывая на Первого*). Он сказал вам чистую правду! Даниэль Гашпар был один. А то, что вы видите... это конструкция профессора Йордана, неудавшийся эксперимент, господин инспектор!

Второй. Господа из полиции? (*Учтиво.*) Извините, в чем, собственно, дело?

М а к с и (*ворчливо*). Вопросы задаем мы!

Ф р и к с. Макси, нужна очная ставка.

М а к с и (*ставит Элиаша перед Вторым*). Ну! Что он вам сделал? Конкретно, Элиаш. И смотреть в глаза!

Э л и а ш. Мне... Мне, прошу прощения, конкретно ничего. Речь идет вообще не обо мне.

Ф р и к с. Так почему вы нас вызвали?

Э л и а ш. Он... он может причинить вред кому угодно. Любому человеку! И очень большой вред, прошу прощения...

Ф р и к с. Он говорил вам что-нибудь? Угрожал?

П е р в ы й. Да, угрожал!

М а к с и. Молчите. Вас не спрашивают. (*Второму, указывая на Элиаша.*) Вы причинили ему какой-либо вред?

В т о р о й. Ничего я ему не сделал. Он меня, верно, с кем-то путает!

П е р в ы й. Опять ложь! Даже справку не хотел ему дать!

М а к с и. Что еще за справка? (*Возмущенно.*) И ради такой ерунды вы осмелились беспокоить инспектора Фрикса?

Ф р и к с. Погоди, Макси. (*Элиашу.*) Какая справка?

Э л и а ш. О моей невиновности... Та история в парке, прошу прощения...

Ф р и к с. Послушайте, Элиаш, это дело еще не прекращено. И с вас еще не снято подозрение!

М а к с и. Никакая справка вам не поможет. На нас такие штучки не действуют, уважаемый.

П е р в ы й. Но господин Элиаш и в самом деле невиновен. Я готов это засвидетельствовать...

В т о р о й. А я нет. (*Полицейским.*) Вы ведь не поверите, что человек может ни с того ни с сего разорваться... от усердия на работе?

М а к с и. Конечно, нет. Такого еще не бывало! Следовательно, и не может быть!

Э л и а ш (*взволнован*). А знаете, почему он не хочет подтвердить мою невиновность? Хотя он в ней уверен...

Ф р и к с. Очевидно, на то у него есть причины.

Элиаш. Нет у него никаких причин! Просто... просто это человек без совести!

Макси. Без... чего?!

Элиаш. Без совести! Профессор забыл пересадить ее... Вот почему я вас...

Макси. Как вы сказали... пересадить совесть? Совесть?! А вам самому, Элиаш, случаем не забыли пересадить мозги?

Фрикс. Погоди, Макси! Спокойно! Я уже кое-что...

Макси (*возмущенно*). А я понимаю, что нас вызвали в сумасшедший дом!

Элиаш. Господин инспектор! *(Показывает.)* Вон тот получил полную порцию совести... а Второй ничего. В этом вся трагедия, прошу прощения.

Первый. Профессор забыл про него! У него ничего нет... вот тут... одна пустота! Ничего... никакой совести!

Макси. И что такого? Нет так нет. Это его частное дело. *(Фриксу.)* Ведь это его частное дело, верно, шеф?!

Элиаш. Ради всего святого, что вы говорите?! Жить без совести. Ведь это опасно! Это преследуется законом!

Макси. Назовите мне соответствующую статью, Элиаш! Если бы мы загребали всех, у кого нет совести,— ого-го! Нам тогда самим пришлось бы разорваться на части!

Второй (*сердечно*). Разве я похож на преступника, господин комиссар?

Фрикс. Всего лишь инспектор. Пока что... (*Меряет его взглядом.*) А у вас вид довольно респектабельного и приличного человека.

Макси. Хотя это еще ничего не значит. Недавно один такой респектабельный человек раскроил садовыми ножницами собственную тещу.

Второй. Господин главный комиссар! Я и цыпленка не способен обидеть!

Первый. Не верьте, он способен уничтожить всякого, кто станет на его пути. И меня тоже! Он сам это сказал!

Ф р и к с. Уничтожить? То есть как... физически?

Э л и а ш. Прошу прощения, человека можно уничтожить сотней разных способов...

П е р в ы й. И уж он-то сумеет! Он сумеет! Станет лгать... клеветать... интриговать...

Ф р и к с. Интриговать. Ну а дальше?

П е р в ы й. Такие, как он, способны на все что угодно! Написать анонимное письмо... ложный донос... обвинить невинного, лишь бы...

М а к с и. Шеф, да они спятили! *(Кричит.)* Доносы, анонимные письма! Тогда вызывайте участкового! Перед вами инспектор Фрикс, специалист по загадочным преступлениям! А вы заставляете его заниматься всякой чепухой!

Э л и а ш. Но это очень важно! Чрезвычайно важно, прошу прощения!

Ф р и к с. И что же? Прикажете посадить его в кутузку? Только за то, что у него нет совести?

П е р в ы й (*поспешно*). В тюрьму не нужно, но хотя бы...

Э л и а ш. Хотя бы изолировать! Как изолируют всякого бациллоносителя. Чтобы зараза...

П е р в ы й. Да, да, изолировать! В каком-нибудь специальном заведении... по крайней мере до тех пор, пока он не согласится на новую операцию... Пока не поймет...

Ф р и к с. Постойте, на какую операцию?

П е р в ы й. Чтобы профессор вернул ему совесть! (*Показывая на Второго.*) Но он не хочет! Ему это понравилось! Он хочет остаться получеловеком...

М а к с и. Опять вы за свое? Что за чушь — получеловеком!..

Э л и а ш. Но ведь он создан из сэкономленного материала!

М а к с и. Из... чего? (*Ему уже все это порядком надоело.*) Шеф, мне это начинает действовать на нервы. И на мозги.

Ф р и к с. Мне тоже, Макси. (*Резко, всем.*) Никакой материал меня не интересует! Ни сэкономленный, ни украденный! Я инспектор уголовного розыска, а не ревизор! *(Возмущенно Элиашу.)* Вы слишком много себе позволяете, уважаемый! Дело о преступлении в парке еще не прекращено... а меня

уже ожидает дело об изумрудном ожерелье. Работы выше головы! А вы... (*Кричит.*) Зачем вы нас вызвали? Это вам так не пройдет!

Второй. Вот видите, господин комиссар, какие тут люди!

Фрикс. Извините. (*Кланяется.*) Я составил о вас наилучшее мнение. Прошу вас, забудьте этот инцидент.

Второй (*приветливо*). Ничего, бывает. Надеюсь, господин главный комиссар в другой раз будет осмотрительней. (*С саркастической усмешкой.*) В противном случае мне пришлось бы жаловаться.

Явление одиннадцатое

Те же и профессор

Профессор. Да, да, жаловаться... жаловаться! Это как раз то, что я хотел сказать! (*Вопит, точно взбесившийся слон.*) Я не позволю! Я протестую! От своего имени и от имени науки! Господа из полиции слишком много на себя берут! Это больница, а не матросская таверна! Это экспериментальное отделение, свободная территория науки, и я...

Макси. Чего вы разбушевались? (*Резко.*) И вообще, кто вы такой?

Второй. Как? (*С подчеркнутым уважением.*) Вы не знаете профессора Йордана? Знаменитого хирурга? Кандидата на Нобелевскую премию?

Профессор (*трясясь от злости, Макси*). Да известно ли вам, что достаточно одного моего слова...

Фрикс. Извинись перед профессором, Макси. Сейчас же!

Макси. Перед этим? (*Неохотно бурчит.*) Прошу извинить, господин профессор. Забудем этот инцидент.

Профессор (*уже спокойнее*). Господа, я этого не потерплю! Почему без разрешения, без моего ведома? Что вы хотите и по какому праву вы здесь?

Фрикс. Срочный вызов по телефону, господин профессор. Нам сообщили, что в вашей клинике появился опасный субъект.

Профессор. Опасный субъект?

Второй (*выступая вперед, скромно*). Я стал жертвой ложного доноса.

Профессор. Вы? (*Озадачен.*) Кто вызвал полицию?

Элиаш (*твердо*). Я, господин профессор.

Профессор. Господин Элиаш?! Так, значит, господин Элиаш! (*Грозно, Элиашу*). Что это вам вдруг взбрело, господин Элиаш?

Элиаш (*собрав всю свою отвагу*). Ваш эксперимент не удался. Ваша анатомо-биохимическая конструкция, прошу прощения, — абсолютная ошибка...

Профессор. Вы смеете судить о моем эксперименте? Моя конструкция — ошибка? (*Кажется, его вот-вот хватит удар.*) И это вы говорите мне? Профессору Йордану? Ах вы недотепа несчастный... ноль без палочки, духовное убожество... недоучка, не способный отличить кости шимпанзе от человеческих! И вы говорите мне, что мой эксперимент не удался? (*Хватается за сердце.*) Мне плохо, господа...

Первый. Да, не удался! (*Кричит.*) И ты это прекрасно знаешь, старый идиот!

Профессор. Номер первый, прошу не выражаться! И не «тыкать» мне!

Первый. Одного из нас ты обкарнал! Не дал ему ни грана совести!

Профессор. Я дал ему жизнь! Не мог же я дать ему все!

Элиаш. Но без совести... без совести он не может жить!

Второй (*делает жест в сторону Элиаша*). Это у Элиаша нет совести, господин профессор! Вызвал полицию! Он, видите ли, хотел меня изолировать!

Первый. Он хотел тебе помочь, Даниэль.

Профессор. Изолировать?!

Второй. Устранить... А возможно... возможно, силой заставить меня согласиться на новую операцию.

Профессор. На новую операцию?!

Второй. Он хотел провалить ваш гениальный эксперимент. Только благодаря проницательности господина главного комиссара удалось предотвратить это злодеяние.

П р о ф е с с о р. Ах вот как! Благодарю, господин комиссар.

Ф р и к с *(скромно)*. Всего лишь инспектор, господин профессор.

П р о ф е с с о р. Я сообщу о ваших заслугах в соответствующие инстанции. *(Овладевает собой, начинает говорить спокойно.)* Через месяц в этом городе состоится международный конгресс. Весь научный мир съедется сюда, чтобы познакомиться с моим экспериментом. Но к т о - т о хочет мне помешать! *(Повышает голос.)* Саботировать... вызвать скандал... поставить под угрозу не только мой личный успех, но и величайшую победу всей нашей науки! *(Драматический жест.)* Вот он, этот человек, господа!

Э л и а ш. Это неправда! Я ничего плохого не сделал! *(Яростно защищается.)* Я только не хотел, чтобы среди нас жил человек без...

П р о ф е с с о р. Замолчите, вы, жулик! *(Фриксу.)* Он обманул меня, инспектор, выдал себя за брата Даниэля Гашпара. Но теперь-то мне все ясно! Тут замышлялась крупная афера! Покушение на международный конгресс! Это он — опасная личность, а не мой пациент!

М а к с и. Покушение? Этого достаточно. *(Фриксу.)* Я начинаю кое-что понимать, шеф.

Ф р и к с. И ты тоже, Макси?

М а к с и. Арестуем этого типа — и дело с концом.

Э л и а ш. Меня? *(Изумленно.)* Вы что, прошу прощения, с ума сошли?

М а к с и. Выбирайте выражения, Элиаш!

Ф р и к с *(резко)*. С самого начала вы показались мне подозрительным. А обвинения, выдвинутые профессором, весьма серьезны.

М а к с и. Кстати, сегодня вы еще не отмечались! А как вам хорошо известно, вы обязаны отмечаться каждый день.

Ф р и к с. Вы трижды тайком покидали город. Вопреки запрету!

Э л и а ш. Я больше не мог выдержать, прошу прощения. Меня тянуло в лес. Там теперь столько птичьих голосов!

М а к с и. Да вы и сами хорошая птица, Элиаш! *(Вынимает наручники.)* Только от нас не улетишь!

Элиаш. Неужели вы... меня? *(Указывая на Второго.)* А его... его оставляете на свободе? Вы слепы, прошу прощения... или просто глупы!..

Фрикс. Довольно. Вы арестованы! За оскорбление должностных лиц при исполнении служебных обязанностей. Макси, защелкни! *(Макси с профессиональной сноровкой надевает наручники и уводит оторопевшего от неожиданности Элиаша.)*

Элиаш *(деревянным голосом)*. Боже праведный... Весь лес поет и благоухает... А меня ведут в тюрьму!

Макси грубо выталкивает его за дверь.

Второй. Счастливого пути, Элиаш!

Первый *(в отчаянии кричит)*. Господин Элиаш! Господин Элиаш! Инспектор, ради всего святого... что вы сделали?

Фрикс. Выполнили свой долг.

Первый. А он... он... Разве вы не видите, что он над вами смеется?

Второй. Я не смеюсь. *(С улыбкой.)* Я вовсе не смеюсь, Даниэль!

Фрикс. Еще раз прошу извинить нас, господин профессор. И заранее от души поздравляю с Нобелевской премией! *(Кланяется и выходит.)*

Явление двенадцатое

Первый, второй и профессор

Второй. Позвольте присоединиться к поздравлениям, господин профессор! Да здравствует профессор Йордан!

Профессор. Благодарю... благодарю... Этого я, признаться, от вас не ожидал. *(Тронут.)* Хм, кажется, ваше отношение ко мне, номер второй, наконец-то изменилось... в лучшую сторону... И это весьма похвально!

Второй. Кстати, о Нобелевской премии... *(Учтиво.)* Надеюсь, господин профессор, вы поделитесь со мной...

Профессор. С вами? Чего ради?

Второй *(неожиданно резко)*. Думаете, нам было очень приятно, когда вы нас кромсали?

Профессор. Ну ладно... ладно... *(Нерешительно.)* Кое-что... небольшую сумму... возможно...

Первый *(набрасывается на профессора)*. Ах ты шарлатан! Ах старый пройдоха! За решетку тебя засадить, а не Нобелевскую премию давать! У тебя у самого нет совести! Видно, ты тоже от нее избавился!

Профессор. Придержите язык, номер первый! Я еще выведу вас на чистую воду! *(Вскипает.)* И вообще — мне вовсе не обязательно показывать на международном конгрессе обоих! Хватит и одного! Того, который лучше удался. *(Взволнованный убегает.)*

Второй *(торжествуя)*. А это, безусловно, я.

Первый молчит. Кажется, он плачет.

(Хватает бутылку шампанского.) Такое дело надо отметить! Пустота действует... уже действует! Ах, просто великолепно действует!

Из бутылки с резким звуком вылетает пробка. Человек без совести, смеясь, пьет.

Занавес

Минутный перерыв

КАРТИНА ШЕСТАЯ

В парке год спустя. (Декорация, как в первой картине.) Кругом тишина. Птицы еще не поют. На памятной желтой скамейке сидит Сильвай, листает иллюстрированный журнал.

Появляется сестра Беата. Она везет инвалидную коляску, в которой сидит бессильный, апатичный мужчина. Это профессор Йордан. На постаревшем лице темные очки.

Явление первое

Сильвай, профессор и сестра Беата

Сильвай *(вежливо приподнимается)*. Добрый день, господин профессор!

Профессор. Я с вами не знаком. Не припоминаю. Извините.

Беата *(останавливая коляску)*. Это директор предприятия, где служат ваши пациенты.

Сильвай. Бывший директор. Даниэль Гашпар меня уволил. Год назад.

Профессор *(безучастно)*. Номер второй?

Сильвай. Совершенно верно. И сам занял пост директора.

Профессор. А номер первый?

Сильвай. Номер второй и его уволил. Теперь номер первый служит у номера второго дворником. Де-факто, в его собственном доме!

Профессор. Идемте, сестра Беата.

Сильвай *(удерживает коляску)*. Да еще заставил его жить с госпожой Гашпар. Правда, сам он с ней жить не захотел... *(Завистливо.)* Ох, этот номер второй! Вот кто умеет устраиваться! Девчонок... что пальцев на руке! Да, этот вам удался, господин профессор!

Профессор *(горько)*. Он уничтожил меня... разорил! Видите, до чего он меня довел? Как говорят в народе — кондрашка хватила!

Беата *(энергично)*. Господин профессор! Второй инфаркт может оказаться последним.

Профессор *(не обращает на нее внимания)*. Представьте... сначала он потребовал половину. А потом все! Всю Нобелевскую премию!

Сильвай. Всю?! Подумать только!

Профессор. Пятьдесят тысяч шведских крон, уважаемый! Заявил, будто все это принадлежит ему. Это он-де разорвался на работе, а не я!

Сильвай. Простите, господин профессор, но... *(осторожно)*. Если я не ошибаюсь, вы Нобелевскую премию вообще не получили...

Профессор. Не ошибаетесь. Но он потребовал деньги вперед!

Сильвай. Кажется, и международный конгресс...

Профессор. Конгресса тоже не было. Ничего не было! *(Безнадежно махнув рукой.)* Сами знаете...

соперники, зависть, интриги... Мой эксперимент начали осуждать. Сочли его довольно интересным, но не безупречным с этической стороны. И даже аморальным! Посыпались протесты... Якобы в защиту свободы совести... Меня обвинили в том, что я создал абсолютно бессовестного человека... *(Возмущенно.)* Свобода совести! Эта совесть молчала, когда миллионы солдат посылали на бойню!

Беата. Вам строжайше запрещено думать о...

Профессор. А я ни о чем ином думать не могу, сестра Беата! Мой метод... моя виртуозная техника... моя анатомо-биохимическая конструкция... все было выверено на сто процентов! Это была хирургическая симфония, уважаемый! И Нобелевскую премию я заслужил! *(Внезапно сникнув, уныло.)* А может... не заслужил? Я уже ничего не знаю... Может, я и правда допустил ошибку?..

Сильвай. Не говорите так, господин профессор!

Профессор. Очевидно... человека нельзя... разделить... Человек неделим. В каждом частичка черта и частичка ангела... Клок дьявольской шерсти и горсть перьев из ангельского крыла...

Сильвай. О да, вы, де-факто, еще и поэт?

Профессор. Поэт? Всего лишь пенсионер, уважаемый. Глупый наивный старик. Который забыл об одной малости. Что добро и зло... должно оставаться вместе, в одной человеческой оболочке! Это была моя величайшая ошибка!

Сильвай. Но гениальная. *(Запальчиво.)* Если это и была ошибка, то почти божественная!

Профессор *(оживает, обрадованно)*. Благодарю вас, благодарю... Значит, вы думаете, что...

Сильвай. Знаете, что я думаю? Господин профессор! Попробуйте еще разок!

Профессор. Еще раз? *(Секунду колеблется.)* Ах, оставьте! Я ведь больше не работаю! *(Но ему уже трудно расстаться с этой идеей.)* И вообще... где сейчас найдешь человека, который разорвался бы от усердия на работе?

Сильвай. А если найдется доброволец?

Профессор. Вы полагаете... это возможно?

Сильвай. Ну, например... например, я!

Профессор. Вы?

Сильвай. Ваш эксперимент не прошел зря! По-моему, он вообще не был ошибкой... У него... великое будущее!

Профессор. Вот так же когда-то думал и я.

Сильвай. Ошибка заключалась вовсе не в эксперименте. А в выборе пациента.

Профессор. Как прикажете вас понимать?

Сильвай. Даниэль Гашпар, де-факто, — человек посредственного интеллекта. И потому использовал результат вашего эксперимента в соответствии со своим уровнем. Весьма посредственным уровнем, господин профессор!

Профессор *(заинтересованный, бормочет)*. Интересно... интересно... Продолжайте!

Сильвай. Человек, обладающий бо́льшим объемом серого мозгового вещества, мог бы... *(Колеблется.)*

Профессор *(напряженно)*. Ну, ну!

Сильвай. Господин профессор! *(Он явно уже все продумал и взвесил.)* Подчас жизнь ставит нас в весьма сложные и деликатные ситуации. Когда необходимо сказать: да или нет! И это всегда, де-факто, большой риск. *(Взволнован.)* Но если бы некто... предположим, я... мог существовать в двух подобиях... Он бы в любой ситуации мог сказать одновременно и «да» и «нет»!

Профессор *(с грустью)*. И всегда был бы прав. И никакого риска, верно?

Сильвай. Совершенно верно! Он бы никогда не ошибался! Был бы застрахован вдвойне! Ну как, возьмете меня?

Профессор *(в раздумье)*. Где вы теперь работаете?

Сильвай. В настоящий момент — на поприще филуменистики.

Профессор. А это что за штука?

Сильвай. Научно-исследовательский институт этикеток для спичечных коробков. *(Кланяется.)* Я его директор.

Профессор. И там директор? Вы и в этом разбираетесь?

Сильвай. В филуменистике? Кто же в ней может разобраться! *(Пожимает плечами.)* А посему,

де-факто, абсолютно безразлично, кто возглавляет этот институт. *(Настойчиво.)* Так что же, по рукам?

Профессор. У меня больше нет клиники, уважаемый...

Сильвай. Неважно, сделайте операцию на дому. Частным образом. Выгодное дельце!

Профессор. Посмотрите, у меня руки дрожат... Даже если бы я захотел, силы уже не те!

Сильвай. Я хорошо заплачу, господин профессор!

Профессор. Разве о деньгах речь! Суть в том, что это должен быть естественный процесс, понимаете? Это основное условие моей конструкции. Пациент должен сам разорваться от трудового усердия. Понимаете, сам по себе...

Сильвай. Сам... по себе? *(Разочарованно.)* И непременно от усердия?

Профессор. Вот именно. А вы, я полагаю, на этом вашем филуменистическом поприще... не разорветесь.

Сильвай *(огорченно)*. Значит, ничего не выйдет?

Профессор. Увы, нет. Простите, я тороплюсь. В этот час сюда приходит Элиаш. Я бы не хотел его встретить.

Сильвай. Тот самый свидетель? Очевидец?

Профессор. Теперь он одержим навязчивой идеей, что это случилось по его вине. Из-за того, что он потерял сознание и не сумел предотвратить несчастье.

Сильвай *(задумчиво)*. У каждого какая-нибудь навязчивая идея, господин профессор.

Профессор. Только этот совсем уже свихнулся. Каждый день его тянет сюда. Как преступника на место преступления...

Сильвай. Да ведь и вы сюда приходите, господин профессор! Де-факто, каждый день.

Профессор. И я, и я... Но встречаться с ним не хочу. *(Колеблется.)* Этот Элиаш дороже всех заплатил за мой эксперимент.

Сильвай. Он... и правда сошел с ума?

Профессор. Да, хотя это тихая и безопасная форма помешательства. Он даже симпатичен. Бед-

няга не вынес мысли, что по земле ходит человек без совести. *(Бессильно пожимает плечами.)*

Беата *(шепотом)*. Господин профессор, идет!

Все поспешно отходят от скамейки.

Явление второе

Те же и Элиаш

Элиаш *(появляется в своей старой одежде, но с новым выражением лица: с добродушной улыбкой умалишенного. Вежливо раскланивается на все стороны)*. Веселый и счастливый добрый день!

Никто не отвечает; все притворяются, что не видят его.

Вы заметили сегодня радугу? Она переливалась всеми семью цветами... Но не пила воду из реки и не опиралась на землю. *(Делает какие-то загадочные жесты.)* Она была... обращена к звездам... И пила из Млечного пути!

Кругом тихо. Все молчат.

Сколько времени может сиять радуга? И почему она вдруг исчезает?

Снова никто не отвечает. Тишина.

Почему ее краски не остаются с нами? *(Робко улыбается.)* На свете всего семь чистых, ясных цветов! *(Вынимает из портфеля магнитофон, ставит на желтую скамейку. Неожиданно строгим голосом.)* А теперь тихо, прошу прощения! Тш-ш-ш! Ни звука! Ни движения!

Троица застывает на заднем плане.

(Взволнованно шепчет.) Опять уже воркуют голуби. Как год назад... Слышите?..

В парке гробовая тишина. Птиц не слышно.

Вы слышите, как чудесно они воркуют? Они-то знают, что пришла новая весна... Они точнее календаря!

Профессор, сестра Беата и Сильвай смотрят на сумасшедшего.

Ах, какая красота... Слышите?.. *(Пускает магнитофон. И сам начинает ворковать, записывая собственный голос.)* Цурру... цурру... цурру... *(Закидывает голову, крутит ею во все стороны.)* Цурру... цуурррyy... цууурррyyy... *(Неожиданно смолкает, с таинственным видом прислушивается.)* Ага, вот уже и дятел выстукивает свою телеграмму...

В парке по-прежнему гробовая тишина.

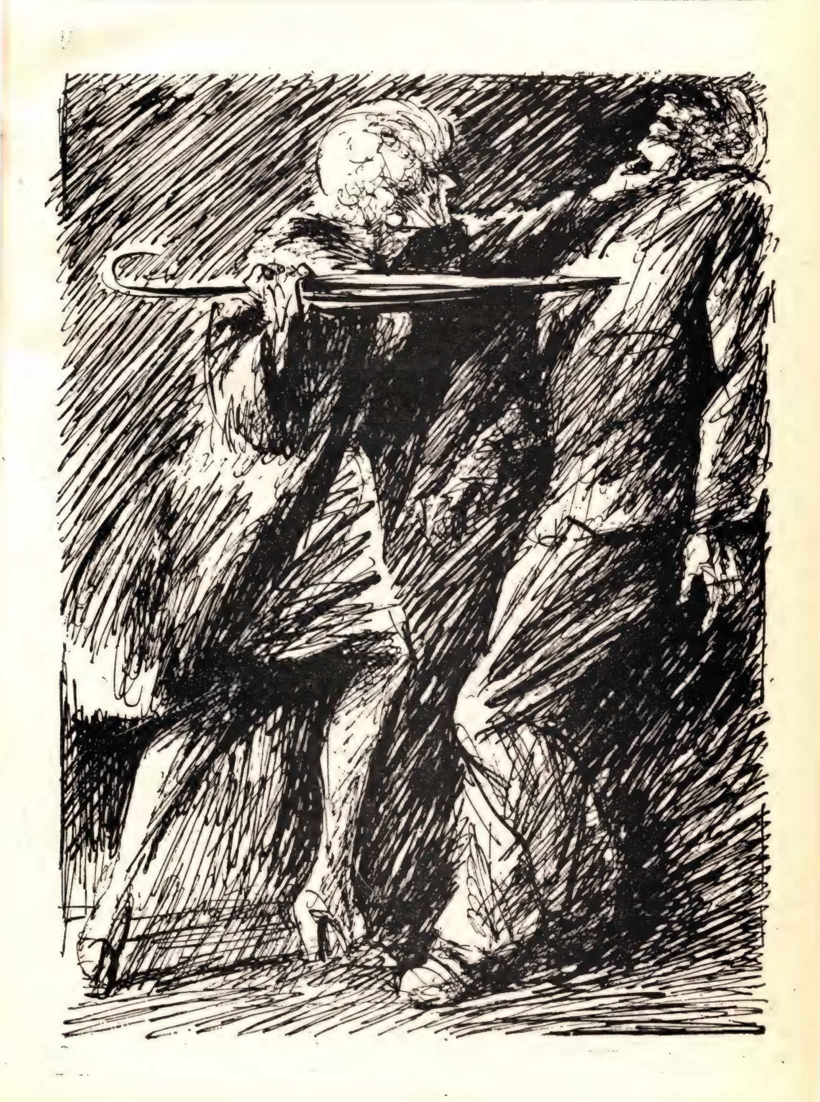
Тюк-тюк... тюки-тюк... *(Взволнованно шепчет.)* Важное сообщение, очень важное! Для каждого человека! Для всех людей! Тюк-тюк... тюки-тюк...

Магнитофон, на котором нет ленты, крутится вхолостую.

Вы слышите?.. Вы понимаете?..

Занавес

Сердце Луиджи

Перевод Л. Лерер
Редактор М. Финогенова

Американская буффонада

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Луиджи Ломбарди — гангстер, 45 лет.

Бенни Маклауд — его адвокат, 45 лет.

Митчелл — тюремный надзиратель, 60 лет.

Майор Джеймс Аппельгейт, 50 лет.

Донья Долорес, 36 лет.

Диана — ее дочь, 18 лет.

Фрэнк Моррис, 45 лет.

Изабель, 25 лет.

Голоса: Первый, Второй, Третий.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Перед занавесом появляется Бенни Маклауд в сопровождении старика надзирателя, в руках у которого связка ключей.

Явление первое

Маклауд и надзиратель

Маклауд *(останавливается)*. Куда вы меня ведете, Митчелл?

Надзиратель. В камеру смерти, мистер Маклауд.

Маклауд. Куда? *(Непонимающе.)* Но ведь мы идем к Луиджи.

Надзиратель *(деловито)*. Он уже там.

Маклуад *(ошеломлен)*. В камере смерти?! Это против правил. Ему там пока нечего делать!

Надзиратель. Он сам просил перевести его туда.

Маклауд. Сам?!

Надзиратель. Вот именно. Начальник тюрьмы пошел ему навстречу и, учитывая примерное поведение, разрешил...

Маклауд. Луиджи, видно, рехнулся. Вместе с вашим начальником!

Надзиратель. Я этого не думаю, мистер Маклауд. По-моему, Луиджи прав.

Маклауд. Значит, и вы рехнулись, Митчелл.

Надзиратель. Луиджи считает, что ему надо сперва немного привыкнуть к электрическому стулу. Он хочет там обжиться, что ли. Ну, как бы акклиматизироваться.

Маклауд. Обжиться?.. *(Потрясен.)* В камере смерти?!

Надзиратель. Вот именно. Он убежден, что тогда ожидание казни будет меньше действовать ему на нервы.

Маклауд. Беспрецедентно!.. Еще ни один из моих клиентов не спешил отправиться на тот свет!

Надзиратель. Луиджи не такой, как все, мистер Маклауд... Совсем не такой. *(Вдохновенно.)* Когда он начинает петь, вся тюрьма замирает... Убийцы, гангстеры, контрабандисты, шулера, наркоманы, эротоманы... ну, словом, все со слезами на глазах слушают, как он поет. У Луиджи золотое горло! Какая жалость, что такой голос навсегда замолкнет, когда наш Луиджи сядет на электрический стул и включат ток...

Маклауд. Что поделаешь, Митчелл. Если бы не было преступников, мы с вами оказались бы без дела...

Надзиратель. Не говорите так, пожалуйста. Ведь вы же его адвокат, мистер Маклауд!

Маклауд. Я сделал все, что мог. Десять дней я боролся за его жизнь. Моя речь на суде получила самую высокую оценку специалистов. *(С гордостью.)* Должен вам сказать... она... убедила всех!

Надзиратель. Кроме присяжных...

Маклауд. Плевать мне на присяжных. Я подал просьбу о помиловании!

Надзиратель. А результат?..

Маклауд. Еще не все потеряно, Митчелл. *(Помолчав, неопределенно.)* Многое сейчас зависит от Луиджи. Вы сказали: у него золотое горло. Посмотрим, какая у него голова... Будем надеяться, она набита не макаронами... Ну, пошли! *(Быстро уходит за занавес.)*

Растерянный надзиратель следует за ним.

Занавес поднимается

Явление второе

Луиджи

Сцена представляет нечто среднее между обычной тюремной камерой и камерой смерти: столик, стул, койка и т. д. и здесь

же стоит электрический стул, массивный, сделанный из какого-то темного дерева. Он стоит в центре камеры на возвышении, как королевский трон, и оснащен множеством ремешков, лямок; возле него кожаный шлем для приговоренных, на белой кафельной стене за стулом рубильники и выключатели. Луиджи, остриженный «ежиком», сидит на электрическом стуле; закатав арестантские штаны, он парит ноги в деревянном ушате и самозабвенно поет неаполитанскую песенку «Санта Лючия». С пронзительным скрипом открываются невидимые двери, входят адвокат и надзиратель.

Явление третье

Луиджи, Бенни Маклауд, надзиратель

Луиджи. Почему так скрипит дверь? *(С легким упреком.)* Неужели во всей тюрьме не найдется капли масла?

Надзиратель. Извини, Луиджи... Но таково правило. Дверь в камере смерти должна скрипеть пронзительно.

Маклауд *(ироническим взглядом обводит камеру)*. Роскошно! Не понимаю, почему ты не попросился прямо на кладбище.

Луиджи. Я не жалею, что перебрался сюда. Здесь намного спокойнее, чем в моей камере. Да и акустика лучше — я это заметил, как только запел.

Надзиратель *(предупредительно)*. Не сменить ли тебе воду? Я принесу!..

Луиджи. Спасибо, старик, на сегодня хватит. *(Поднимает ногу и принимается вытирать ее.)*

Надзиратель. Господи! Нет, вы поглядите! *(В ужасе, к Маклауду.)* Он уже и волосы на икрах сбрил!

Луиджи. Все как положено, Митчелл. Ведь здесь должны прикрепить электроды. *(Спокойно показывает.)* Здесь... и здесь, и здесь.

Надзиратель. Не сходи с ума! Губернатор тебя помилует... Вот увидишь!

Маклауд *(резко)*. Ступайте, Митчелл. Я хочу поговорить со своим клиентом!

Надзиратель *(направляется к двери, унося ушат, и ободряюще бубнит)*. Никогда не бывает настолько плохо, чтоб не могло быть еще хуже... Ты непременно выкрутишься! Не падай духом, Луиджи!

Явление четвертое

Луиджи и Бенни Маклауд

Маклауд *(дождавшись ухода надзирателя)*. Луиджи, сегодня утром губернатор принял решение... Он отказал в нашей просьбе... не дал...

Луиджи, сидя на стуле, сосредоточенно вытирает ноги.

Маклауд. Тебя это не интересует?

Луиджи. Мне за всю мою жизнь никто никогда ничего не давал. Я и не рассчитывал, что губернатор...

Маклауд *(прерывает его, беспомощно разводя руками)*. Нет, это просто невезение, Луиджи... невезение, и все!

Луиджи. Я знал, что так будет.

Маклауд *(взрывается)*. Да не торчи ты на этом стуле как идиот! И не делай вид, что тебе на все наплевать!

Луиджи. Когда это произойдет? *(Обувает шлепанцы.)* Ну... казнь?

Маклауд. В семь утра. *(Нерешительно.)* Первого апреля.

Луиджи. Только первого апреля?

Маклауд. Ровно через месяц, Луиджи.

Луиджи. Ждать целый месяц? Тридцать дней... *(Хмурится.)* У нас на Сицилии говорят: не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня...

Маклауд. Ради бога, возьми себя в руки! Надо бороться. Знаешь, почему ты не получил помилования?

Луиджи *(серьезно)*. Потому, что мне его не дали.

М а к л а у д. Потому что губернатор хочет победить на выборах. Губернатор хочет остаться губернатором. Он обещает ликвидировать растущую в штате преступность. *(Беспомощно.)* Лучший в мире адвокат в такой ситуации не мог бы...

Л у и д ж и *(перебивает адвоката).* Лучше вас и не может быть! Речь ваша была просто великолепна... я даже прослезился, слушая ее... Вы очень много для меня сделали, Бенни Маклауд!

М а к л а у д. Я сделаю еще больше!

Л у и д ж и. До самой смерти не забуду. *(Серьезно.)* Точнее говоря... до первого апреля.

М а к л а у д. Еще не все потеряно, Луиджи. По предварительным данным ЭВМ, губернатор потерпит поражение на выборах. У нас будет новый губернатор... новая ситуация... новые возможности! *(Убедительно.)* Надо выиграть время. Надо оттянуть исполнение приговора. Любой ценой, Луиджи!

Л у и д ж и. Первого апреля все уже будет позади... *(Задумчиво.)* Меня это устраивает, Бенни.

М а к л а у д. О боже! *(Вытирает лоб.)* Ты просто ненормальный.

Л у и д ж и. Любая определенность лучше, чем неопределенность. Один мой приятель ждал казни полтора года. Ее все откладывали да откладывали, пока он от ожидания сам...

М а к л а у д. Отложить казнь — только первый шаг. За ним последует второй. *(Драматическая пауза.)* Я спасу тебе жизнь, Луиджи Ломбарди!

Л у и д ж и. Конечно, это было бы совсем неплохо... *(Задумывается.)* Но как, Бенни... как?

М а к л а у д. Надо добиться пересмотра дела. И отмены смертного приговора. Но для этого необходимо время! И новый губернатор!

Л у и д ж и *(скептически).* А может, это пустая затея, Бенни?

М а к л а у д. Боже правый! Ты самый тупой из всех гангстеров, каких я только знал. *(Взрывается.)* Я же всеми правдами и неправдами борюсь за твою жизнь, чудак человек! А ты восседаешь на электрическом стуле, как... как... как на горшке, и...

Л у и д ж и. Ладно, не кричите, Бенни... Я не знал, что есть еще шанс. *(Энергично соскакивает со*

стула.) Я же не знал, что еще есть какой-то шанс. Я сделаю все, что хотите!

Маклауд. Я хочу, чтобы ты, во-первых, слушался меня. Во всем... обещаешь?

Луиджи. Обещаю.

Маклауд. Во-вторых, я хочу, чтобы ты не думал. За тебя думаю я. Обещаешь?!

Луиджи. С радостью, Бенни! Что еще?

Маклауд. Все. Тогда, пожалуй, я смогу тебя, дурня, спасти.

Луиджи. Даю слово! Буду во всем вас слушаться, Бенни Маклауд, и не буду думать...

Маклауд. Теперь слушай внимательно. *(Переводит дух, вытирает пот.)* Ты знаешь, что такое «Санта Моника»?

Луиджи. Вы имеете в виду маленький бар... или большую больницу?

Маклауд. Больницу. Там теперь пересаживают сердца прямо как на конвейере. *(Пауза.)* Им всегда нужен свежий материал.

Луиджи. Какой материал?

Маклауд. Ну, сердца. Человеческие сердца. *(Вытирает пот.)* Здоровые, крепкие. Что называется, неизношенные.

Луиджи *(настораживаясь).* А почему вы мне это говорите, Бенни?

Маклауд *(не обращая внимания, продолжает).* В «Санта Монике» вообще напридумали много всякой всячины... Это, конечно, не нашего ума дело... *(Пауза.)* Так вот, если бы они еще знали точное время смерти донора...

Луиджи. Точное время?

Маклауд. Да. *(Глядя на Луиджи.)* День и час, когда донор умрет.

Луиджи *(понимая).* Понятно, значит, если бы они знали, что донор умрет, скажем... скажем, первого апреля... в семь утра...

Маклауд. Да, например, первого апреля. Это было бы идеально. Ведь такое сердце можно было бы сразу...

Луиджи *(прерывает).* Значит, вы про мое сердце говорите, Бенни?

Маклауд. Да. *(Спокойно.)* Про твое.

Луиджи *(растерян)*. Но ведь вы сказали, что спасете мне жизнь?..

Маклауд. Я это сделаю, иначе не быть мне Бенджаменом Маклаудом!

Луиджи. Но жить без сердца я не могу. Если его из меня вынут...

Маклауд. Кто тебе сказал, что его вынут? *(Теряя терпение.)* Да пошевели же ты наконец мозгами, сицилийский ишак!

Луиджи. Изо всех сил стараюсь, Бенни, но никак не...

Маклауд. Мы не дадим им твое сердце, понимаешь?.. Мы им только его пообещаем. Ну, понял наконец, макаронная душа?

Луиджи *(совсем сбит с толку)*. Пообещаем?.. Как это — пообещаем?

Маклауд. А вот как. *(Вынимает лист бумаги.)* Я тут все уже написал. Ты отдаешь свое сердце больнице «Санта Моника». И не возьмешь у них за это ни гроша.

Луиджи. Ни гроша?..

Маклауд. Да. Отдаешь его даром. Так ты завоюешь симпатии... Представляешь себе заголовки в газетах: «Луиджи Ломбарди отдал свое сердце американской науке!», «Последний жест Ломбарди», «Благородный жест дважды убийцы».

Луиджи *(сдержанно)*. Я не дважды убийца, Бенни...

Маклауд. Так мы выиграем время. Для этого достаточно твоей подписи, а остальное предоставь мне. *(Кладет бумагу на стол.)* Подпишись вот здесь, Луиджи.

Луиджи подходит и подписывает дарственную, не читая.

Маклауд. Я люблю, когда мои клиенты читают то, что я им предлагаю подписать.

Луиджи. «Я, Луиджи Ломбарди, приговоренный к смертной казни на электрическом стуле за совершенные мною два убийства...» *(С упреком.)* Бенни, не два убийства, не два!

Маклауд. По приговору — два. Но сейчас на это плевать. Читай.

Л у и д ж и. «...заявляю, что после моей смерти в результате казни первого апреля сего года...» *(Испуганно.)* Так меня все же казнят? Первого апреля?

М а к л а у д. Боже правый. Ну а что я должен был написать? Что тебя не казнят?.. И сердце вынут у тебя заживо, да?

Л у и д ж и. Ах, вот оно что!

М а к л а у д. А еще говорят, что человек произошел от обезьяны... Ты, мне кажется, развиваешься в обратном направлении.

Л у и д ж и. Нет, нет, я уже вроде смекнул, Бенни. *(Взмахнув листком.)* Все это просто так... для вида. *(Бодро хлопнув адвоката по плечу.)* Адвокатский трюк, да?

М а к л а у д. Этот трюк спасет тебе жизнь. Читай дальше.

Л у и д ж и. «Мое решение принято добровольно, без какого бы то ни было воздействия сторонних лиц. Этот дар — моя последняя воля и духовное завещание». *(Растроганно смотрит на листок.)* Ох, Бенни, здорово написано, очень здорово... Даже если это только трюк.

М а к л а у д. Ну дочитай же до конца!

Л у и д ж и. Тут больше нечего читать. *(Возвращает листок.)* Только подпись.

М а к л а у д. Там есть еще одна фраза.

Л у и д ж и. Последняя?

М а к л а у д. Да, последняя. Прочти и ее.

Л у и д ж и *(небрежно).* «Обязуюсь выполнить условия, установленные специальным отделением больницы «Санта Моника»». *(Возвращая листок.)* Отчего же не выполнить. В каждой больнице свои порядки.

М а к л а у д. Их всего два. *(Берет листок.)* Но об этих условиях нельзя написать.

Л у и д ж и. Нельзя?

М а к л а у д. Видишь ли, специальное отделение... *(Понизив голос.)* Собственно, это ведь не просто больница... мало ли чем они там занимаются... *(Таинственно.)* Ты должен быть нем как могила — это первое условие. Нам обоим надо держать язык за зубами.

Луиджи *(кивает)*. А второе?

Маклауд. Смерть должна наступить не от электрического тока.

Луиджи. Почему? Странно. По-моему, казнь на электрическом стуле — вполне солидный и современный способ...

Маклауд *(прерывает его)*. Да, но электрический ток погубит сердце. Вероятно, поэтому они и настаивают на ином, новом виде казни.

Луиджи *(с интересом)*. Новом?

Маклауд. Собственно говоря, способ-то старый... очень старый. Но в Америке его никогда еще не применяли.

Луиджи. Интересно, что же это может быть?!

Маклауд. Казнь мечом, Луиджи.

Луиджи. Мечом?! *(Не верит своим ушам.)* Вы говорите — казнь мечом?

Маклауд. Да, таково второе условие.

Луиджи. Но это... это страшное условие. *(Задыхаясь.)* Каким мечом?.. И почему мечом?

Маклауд *(пожимая плечами)*. Этого я не знаю.

Луиджи. А я знаю! *(Потрясенный, с ужасом.)* Тупым мечом!

Маклауд. Тупым? Откуда ты это взял? *(Деловито.)* Я думаю, наоборот — самым острым.

Луиджи. Я слыхал от контрабандистов, которые переправляют к нам гашиш, что у них в Азии так делают: казнят тупым мечом! *(В ужасе.)* Чтобы подольше не наступала смерть, чтобы человек больше мучился!

Маклауд. Послушай... что ты выдумываешь? И почему так всполошился?

Луиджи. Ведь это я подписал бумагу, а не вы. Но мучить себя я не дам!

Маклауд. Ну какие могут быть мучения, балда ты? *(Убедительно.)* Врачи из «Санта Моники» знают свое дело. Они заинтересованы в здоровом, крепком сердце донора, а не в том, чтобы он мучился!

Луиджи *(кричит)*. Но этот донор — я! И на такое условие не соглашусь! Я не желаю, чтобы какие-то докторишки отрубили мне голову... это уж слишком!..

Маклауд. Человека, которого доставят в «Санта Монику», уже убил закон... правосудие. Врачи получат лишь его тело!

Луиджи. К чертям ваши адвокатские штучки! Я предпочитаю умереть вот тут. *(Указывает на стул.)* Солидно!.. Верните мне эту бумагу, Бенни!

Маклауд. Она спасет тебе жизнь!

Луиджи. Нет... нет! Я не хочу рисковать! *(Вспотев от страха.)* Я не заслужил такой смерти и ни на какой меч не соглашусь!

Маклауд. И никто не согласится! В том-то и вся штука, понял? *(Торопливо перечисляет.)* Министры... верховный суд... правительство... конгресс... президент... никто не захочет обжечься на таком деле... все станут перебрасывать его друг другу, как горячий каштан. Вот так мы выиграем время... а время будет работать на нас. «Санта Моника» не получит разрешения — ручаюсь!

Луиджи. А что если получит... что, если...

Маклауд. Никогда! Это создало бы опасный прецедент.

Луиджи. Не знаю, что такое прецедент, но знаю, что́ я подписал!

Маклауд. Ты живешь в прекрасной стране, Луиджи. У нас замечательное правительство. Мы — первые на Земле... и первые на Луне. *(С непоколебимой уверенностью.)* Такое правительство не допустит, чтобы американскому гражданину отрубили голову... А ты ведь уже американский гражданин, Луиджи Ломбарди!

Луиджи *(отчаявшись, измученно)*. Может, вы и правы... Может, ваш план и в самом деле хорош, но... *(Резко.)* Отдайте мне бумагу, Бенни!

Маклауд. Ты что — рехнулся?

Луиджи. Не отдадите?

Маклауд. Ты же обещал слушаться меня во всем.

Луиджи. Я не обещал, что дам отрубить себе голову.

Маклауд. Никто тебе ее не отрубит, дурень!

Луиджи. Нет, я больше не верю! Ничему не верю!

Маклауд. Чему ты не веришь, черт побери?

Луиджи. Вашему замечательному правительству, например...

Маклауд. Это и твое правительство, Луиджи Ломбарди!

Луиджи. Почему же оно ни разу меня не спросило, согласен ли я на эту гнусную войну, которую оно ведет уже восемь лет?

Маклауд *(пожав плечами)*. Все войны гнусные.

Луиджи. Нет, наша — самая гнусная, самая грязная из всех! *(Угрожающе.)* Отдай мою бумагу, Бенни Маклауд!

Маклауд. Не отдам.

Луиджи. Моя подпись принадлежит мне.

Маклауд. Зачем она тебе, ненормальный ты тип!

Луиджи. Я ее уничтожу.

Маклауд. Тем самым уничтожишь и себя!

Луиджи. В последний раз говорю, Бенни... Верни бумагу...

Маклауд. Не верну! Я спасу тебя даже против твоей воли!

Луиджи *(хватает табуретку, в отчаянии)*. Бенни, пожалуйста...

Маклауд. Ты что?! Ты что задумал?

Луиджи *(приближаясь, угрожающе)*. Положи бумагу на стол!

Маклауд *(испуган)*. Луиджи... Не дури!

Луиджи *(тихо)*. Не положишь — убью.

Маклауд. Ах ты, тупой сицилийский баран! *(Старается подавить в себе страх.)* Ты решил убить меня?! Двоих уже убил — тебе мало?..

Луиджи. Одного. Только одного!

Маклауд. Я спасаю твою жизнь. Поставь табуретку, идиот!

Луиджи. Сперва отдай бумагу. Ну, живо! *(Поднимает табуретку.)* Не отдашь — пожалеешь.

Маклауд. На вот! Изволь — бери! *(Бросает бумагу на стол.)* Жри ее, делай с ней, что хочешь! Убивай сам себя!

Луиджи ставит табуретку, медленно и аккуратно рвет листок в клочки.

Маклауд. Дурак! Выродок несчастный! Осел сицилийский!

Луиджи *(сдержанно)*. Я не хотел вас обидеть, Бенни. Я только хотел уничтожить свою подпись.

Маклауд. Ты уничтожил свой единственный шанс. Мое почтенье, Луиджи Ломбарди! Бенджамен Маклауд не желает быть адвокатом идиота!

Луиджи. Я не могу рисковать... Я должен быть уверен. *(Кивнув на электрический стул.)* Вот это по крайней мере определенно, Бенни.

Маклауд. Бог мой, я все так хорошо продумал! Каждый шаг... Каждый ход в этой игре... Это была бы моя лучшая партия... *(Разочарованно.)* И вдруг пешка — была бы хоть какая-то фигура, — а то простая пешка все погубила!

Луиджи *(мирно)*. Попробуйте-ка проделать это с другой фигурой, Бенни.

Маклауд. Это была бы бомба. Бомба замедленного действия. И она сработала бы в точно определенный час. *(Поддает ногами обрывки бумаги.)* А эта пешка выбила ее у меня из рук!

Луиджи *(непонимающе)*. Какая бомба?!

Маклауд. Ее взрыв услышал бы весь мир! Всему миру стало бы известно, что такое «Санта Моника» и ее специальное отделение. Бенни Маклауд молчал лишь до поры до времени. *(Показывает на пол.)* Мне недоставало только твоей подписи, чтобы я мог во весь голос заговорить об этом.

Луиджи. Но ведь молчание — это первое условие!

Маклауд. Когда жизнь моего клиента в опасности, я не могу молчать. А ты лишил меня главного козыря в игре! *(Собрав в горсть обрывки, подбрасывает их в воздух.)* Растрезвонить обо всем газетам... вызвать скандал... сделать из этого дела сенсацию... а из тебя — национального героя, осел... вот что я хотел... Да, это я хотел сделать!

Луиджи. Что-что?! *(В изумлении.)* Героя?!

Маклауд. Из убийцы — жертву, из гангстера — мученика! Это был прекрасный план... Да что там, к чему метать бисер перед свиньями!

Луиджи *(совершенно подавлен)*. Ты думаешь, что... что это удалось бы?

Маклауд. Твоя мерзкая рожа красовалась бы в каждой газете! И общественное мнение горой стояло бы за эту рожу! И не только у нас, но и за границей. И первым бы запротестовал Ватикан.

Луиджи *(на одном дыхании)*. Так ты считаешь, что даже сам папа?

Маклауд. Уж они-то своего соотечественника не оставят в беде. Пусть даже он гангстер и дважды убийца.

Луиджи. Не дважды, Бенни, не дважды...

Маклауд. Да хоть бы и трижды! Но ведь Луиджи Ломбарди человек, а не подопытный кролик!

Луиджи *(задумывается)*. Это факт.

Маклауд. А теперь представь: ты подписал дарственную и не порвал ее. *(Указывая на клочки.)* Сенсационная новость мгновенно облетает мир... Луиджи Ломбарди угрожает смерть от меча... Это известие...

Луиджи *(бормочет)*. И хорошо, что порвал!

Маклауд. Это страшное известие потрясает всех. Каждый с ужасом думает, что и с ним такое может случиться. Все на твоей стороне!

Луиджи *(сдаваясь)*. Возможно, ты и прав, люди, вероятно...

Маклауд *(прерывает его)*. Тебя жалеют, тебе завидуют...

Луиджи. Завидуют?!

Маклауд. Ты знаменитость, ты словно кинозвезда! Твои фотографии, автографы нарасхват. Все идет в ход! Прядь твоих волос... пуговка — на счастье... Люди ведь способны на всякие глупости...

Луиджи *(подавлен)*. Мои волосы... пуговки?

Маклауд. И твое сердце, Луиджи Ломбарди! Тебя засыпают письмами, телеграммами, к тебе рвутся посетители — все хотят заполучить твое сердце...

Луиджи. Но у меня всего одно сердце, Бенни!

Маклауд. Обещать можно всем. *(Пожав плечами.)* Почему бы нет?

Луиджи *(помолчав)*. Об этом ты не говорил мне, Бенни.

Маклауд. Но я говорил, что у меня есть план. И что я спасу тебе жизнь!

Луиджи. Но ты же не сказал мне сразу, что *(неуверенно)*... что я стану знаменитостью.

Маклауд. Будешь знаменитостью, пока тебе не надоест. Главное — выиграть время.

Луиджи *(почесывается)*. Эх, знал бы я наверняка, что так будет...

Маклауд. Ручаюсь — имя твое облетит весь мир, его услышат во всех уголках нашей планеты.

Луиджи *(возбужденно)*. Ты думаешь... и в Фулминии тоже?

Маклауд. В какой Фулминии?

Луиджи. Той, что на Сицилии. *(Скромно и гордо.)* Я там родился, Бенни.

Маклауд. Ну конечно же, и в Фулминии!

Луиджи. Вот видишь, а у нас никто не верил, что из меня будет толк. Мачеха вечно колотила меня скалкой. А однажды, когда мы с сестренкой рассыпали сахарный песок, она заставила нас языком слизать его с глиняного пола.

Маклауд. Ты прославишься, Луиджи Ломбарди, и пусть твоя мачеха удавится от злости!

Луиджи *(трет лоб)*. До сих пор помню ее скалку. Когда мачеха начинала орать, я трясся, как швейная машинка. Видишь, как далеко я от нее удрал — за океан, в Америку.

Маклауд. Когда-нибудь ты вернешься на родину и тебя будет встречать вся Фулминия.

Луиджи *(помолчав)*. Я уже никогда туда не вернусь. И никто меня не будет встречать... *(Грустно смотрит на клочки бумаги.)*

Маклауд. Вот видишь... вот видишь, если бы ты не порвал...

Луиджи *(несчастным голосом)*. Почему я ее разорвал, Бенни?

Маклауд *(спокойно)*. Потому что ты дурак.

Тишина.

Луиджи. Бенни...

Маклауд отворачивается.

Луиджи. Бенни!

Маклауд. Чего тебе?

Луиджи (*виновато*). А это нельзя... склеить?

Маклауд. Что?

Луиджи. Ну это. (*Показывает на клочки.*) Дарственную.

Маклауд. Совсем опалел! Склеенную бумагу нести в «Санта Монику»? (*Стучит по лбу.*) В специальное отделение?

Луиджи. Бенни...

Маклауд с безразличным видом принимается насвистывать.

Луиджи. А нельзя ли...

Маклауд. Нет!

Луиджи. Новый листочек, Бенни. (*Сокрушенно.*) Если бы ты еще разок отстукал...

Маклауд. А ты опять разорвешь!

Луиджи. Подпишу — и уже ни за что не разорву.

Маклауд. Я тебе не верю. И вообще, оставь меня в покое! Я уже не твой адвокат.

Луиджи. Клянусь, не разорву. Если бы завтра... или еще сегодня ты ее принес...

Маклауд (*неподкупно*). Ни сегодня, ни завтра...

Луиджи (*покорно*). Бенни, ну прошу тебя...

Маклауд. Не принесу!

Луиджи. Почему?

Маклауд. Потому, что уже принес. (*Вынимает из портфеля еще один экземпляр дарственной.*) К такому клиенту, как ты, лучше ходить с дубликатом.

Луиджи. Madonna mia! (*В полном восторге.*) Ну и голова же у тебя, Бенни!

Маклауд (*пожимая плечами*). Меня ведь не колотили по ней скалкой!

Луиджи (*медленно, торжественно подписывает, от усердия высунув кончик языка*). Луиджи Ломбарди... родом из Фулминии... Сицилия.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление первое

Луиджи и голоса — первый, второй, третий

Луиджи, в трусах и майке, делает гимнастические упражнения.
Он полон сил и бодрости.
Голоса, с одинаковой профессионально-зазывной интонацией, но отличающиеся один от другого, звучат отовсюду в зале и сливаются в многоголосый хор.

Слышится уличный шум большого города.

Первый голос. Специальный выпуск... специальный выпуск! Сенсационная история гангстера Ломбарди!

Второй голос. Последнее желание приговоренного к смерти гангстера!

Третий голос. Благородный поступок убийцы!

Первый голос. Луиджи Ломбарди подарил свое сердце американской науке!

Луиджи сосредоточенно продолжает делать гимнастику.
Доносится шум поездов метро.

Первый голос. Сенсационное разоблачение! Тайна одной больницы!

Второй голос. «Санта Моника» — без маски!

Третий голос. Адвокат Бенджамен Маклауд разоблачает чудовищный эксперимент!

Второй голос. Луиджи Ломбарди угрожает смерть от меча! На Америку надвигается призрак средневековья!

Третий голос. К чему нам тогда электрический стул?.. Нет, американского гражданина нельзя убивать мечом!

Второй голос. А что, если можно?! Это вопрос дня!

Движения Луиджи постепенно замедляются. Слышится звук стартующего самолета.

Первый голос. Бурные протесты! Америка болеет за Луиджи!

Третий голос. Его сердце стало сердцем страны!

Второй голос. И ее больной совестью!

Первый голос. Резкий протест Ватикана!

Второй голос. Нападение на «Санта Монику». Демонстрации перед больницей!

Третий голос. Полиция разгоняет демонстрантов! Резиденцию губернатора забросали гнилыми помидорами!

Первый голос. Электронно-вычислительные машины подсчитывают шансы Луиджи!

Второй голос. Кардинал Риццини молится за спасение души гангстера!

Откуда-то издалека доносится гулкий звон церковных колоколов. Затем неожиданная тишина. Луиджи, тяжело дыша, весь потный, продолжает упражнения. Видимо, решил во что бы то ни стало выполнить свою норму.

Явление второе

Луиджи и надзиратель

Скрипит дверь, входит надзиратель.

Луиджи *(запыхавшись)*. Сорок четыре, Митчелл!

Надзиратель. Луиджи! К тебе посетитель!

Луиджи. Сейчас? Ты же видишь — я занимаюсь...

Надзиратель. Можно сказать — первая ласточка.

Луиджи. Какая ласточка? *(Приседая.)* Сорок шесть...

Надзиратель что-то шепчет ему, невольно повторяя его движения.

Не знаю такого. *(Останавливается.)* Разрешение у него есть?

Надзиратель *(значительно)*. Ему оно не требуется, Луиджи!

Луиджи *(мягко).* Ну что ж — проси его, Митчелл!

Надзиратель уходит. Луиджи надевает арестантскую куртку. Потом, спохватившись, быстро заканчивает свои упражнения.

Сорок восемь... сорок девять... пятьдесят... *(Выпрямляется.)* Ну вот, теперь порядок.

Явление третье

Луиджи и майор Аппельгейт

Входит худощавый седеющий мужчина с военной выправкой; на мундире орденские планки.

Майор *(лаконично).* Майор Аппельгейт. Джеймс Аппельгейт. Через два «п».

Луиджи. Очень приятно! Луиджи Ломбарди... Два «л»... *(Рукавом вытирает табуретку.)* Присаживайтесь. Чувствуйте себя как дома, майор.

Майор. Благодарю. *(Садится, с опаской поглядывая на электрический стул.)* Ну как... как дела, Ломбарди?

Ломбарди *(сердечно).* Спасибо, все в порядке. Сегодня я сделал пятьдесят приседаний.

Майор. Вы поступаете правильно, Ломбарди. Гимнастика укрепляет организм человека и повышает его боеспособность.

Луиджи *(с готовностью).* Завтра я сделаю пятьдесят пять приседаний!

Майор. Я делаю шестьдесят. *(Пауза.)* И ежедневно плаваю. Кролем и на спине... *(Долгая пауза.)* И конечно, верховая езда в парке.

Луиджи *(с интересом).* Лошадь своя или казенная?

Майор. Разумеется, своя. *(Пауза.)* И парк собственный.

Луиджи *(робкий жест).* Эти знаки отличия тоже, конечно, ваши собственные?

Майор. Естественно. *(Небрежно указывает на орденские знаки.)* Ближний Восток... Средний Восток... Дальний Восток... И так далее...

Луиджи. И вы всюду воевали?

Майор. Я не воюю. У меня... несколько иная специализация. *(Значительно.)* Вам понятно, что я имею в виду?

Луиджи *(скромно)*. Я всего лишь простой гангстер, но, надеюсь, мы поймем друг друга.

Майор. Совершенно верно, Ломбарди. *(Колеблется.)* Не скрою, моя сегодняшняя миссия немного смущает меня. Не скрою также, что я рассчитываю на вашу помощь.

Луиджи *(охотно)*. Я к вашим услугам, майор Аппельгейт!

Майор. Вы знаете, первое апреля, как говорится, уже не за горами... Видимо, это будет для вас... *(ищет подходящие слова)* гм... несколько неприятный день.

Луиджи *(усевшись на электрический стул)*. Боюсь, что вы правы.

Майор. Тогда приступим к делу. Поговорим, как мужчина с мужчиной. *(Замолкает, неподвижно уставившись в одну точку.)*

Луиджи *(с любопытством смотрит в том же направлении)*. Что с вами?

Майор. Сосредоточиваюсь. *(Взяв себя в руки.)* Как я уже сказал... день вашей... гм, казни у нас... то есть... точнее говоря... у вас... уже скоро... и поэтому... именно поэтому. *(Снова умолкает, уставившись в одну точку.)*

Луиджи. Вы все еще сосредоточиваетесь?

Майор. Да, трудное дело, Ломбарди. *(Утирает со лба пот.)* Я не предполагал, что оно окажется таким трудным!

Луиджи. Не такое уж оно трудное, майор Аппельгейт. Я, кажется, знаю, что вам надо. *(Постучав пальцем себе в грудь.)* Вот это, да?

Майор *(поражен)*. Откуда вы знаете?

Луиджи *(сходит с электрического стула)*. Сегодня я видел чудесный сон...

Как бы вне времени и пространства звучит баркарола. Несколько аккордов гитары. Оффенбах.

Я — маленький мальчишка — пасу коз. На зеленом склоне за Фулминией. А рядом в оливковой роще

дремлет одинокий фавн. Вдруг он проснулся и заиграл на свирели... и мои козочки пошли в пляс. *(Обернувшись к майору.)* Это вещий сон — ведь козочки были белые. А белый цвет означает успех в делах.

Майор *(с облегчением)*. Так вы... вы согласны?

Луиджи. Почему бы нет? *(Деловито.)* Для кого вам нужно сердце? Для вас?

Майор. Ни в коем случае. Я никогда не ношу ничего чужого. *(Значительная пауза.)* Оно необходимо Генеральному штабу.

Луиджи *(разочарованно)*. Генеральному штабу?

Майор. Это огромная честь для вас, Ломбарди!

Луиджи. Очень сожалею, но я предпочитаю иметь дело с частными лицами. У вас в штабе оно будет валяться где-нибудь в канцелярии.

Майор. Напротив, мы обязуемся образцово заботиться о вашем сердце.

Луиджи. И все-таки частное лицо позаботится о нем лучше. Да и у меня самого будет ощущение, что хоть что-то еще осталось... что сердце мое бьется где-то...

Майор. Боюсь, что после первого апреля у вас не будет никаких ощущений.

Луиджи. Неизвестно, майор Аппельгейт. *(Указывая вверх.)* Оттуда еще никто не возвращался.

Майор *(настойчиво)*. Ваше сердце мы будем хранить в специальном сейфе. А сейф — в специальном холодильнике.

Луиджи *(иронически)*. Как бутылку пива. Или кока-колы. *(Резко.)* Не дам!

Майор. Это эксперимент огромной важности, Ломбарди!

Луиджи. Какой эксперимент?

Майор *(понизив голос)*. Генеральный штаб хочет знать, что и сколько времени может выдержать человеческое сердце.

Луиджи *(удивлен)*. Неужели Генеральный штаб еще не знает этого? Нет, не дам!

Майор. Не упрямьтесь и не чините мне препятствий, Ломбарди. Ваше сердце будет использовано также и в качестве резерва. На случай тяжелого заболевания...

Луиджи. Частного лица?

Майор. Моих коллег высшего ранга.

Луиджи. Вот это другое дело.

Майор *(облегченно вздохнув)*. Так сколько?

Луиджи. Чего... сколько?

Майор. Долларов?

Луиджи *(холодно)*. Майор Аппельгейт. Это непристойно!

Майор *(испытующе)*. Тысяч долларов... Десять тысяч?

Луиджи. Что?!

Майор. Ну... пятнадцать?

Луиджи *(возмущенно)*. Вы шутите, майор!

Майор. Последнее слово — двадцать тысяч наличными. *(Вытирает лоб.)* Больше я дать не могу!

Луиджи. Да и не надо. Мне и десяти тысяч хватит. Куда там!

Майор *(с облегчением)*. Всего десять тысяч?

Луиджи. Да. А может, даже столько и не потребуется... Хотя... Минутку. Я сейчас... *(Умолкает, неподвижно глядя в ту же точку, куда раньше смотрел майор.)*

Майор *(обеспокоенно)*. Что с вами?

Луиджи. Сосредоточиваюсь... Знаете, я не был там больше тридцати лет.

Майор. Где?

Луиджи. В Фулминии, на родине. *(Что-то бормочет, прикидывает, считая на пальцах.)* Не знаю, не знаю... Тогда там не было ни электричества, ни... *(Сокрушенно.)* Очень жаль, но десяти тысяч не хватит.

Майор. О'кей. Значит, пятнадцать, Ломбарди.

Луиджи *(задумчиво)*. Школа там есть, это верно... Но она такая старая. Ее даже туристам показывают. Как древние развалины времен Веспасиана.

Майор. Может быть, уже построили новую?

Луиджи. В Фулминии?! Там никогда ничего не построят.

Майор. Даю двадцать. И ни доллара больше!

Луиджи. Двадцать... двадцать. (*С легким упреком.*) Тогда не хватит на мостик.

Майор. Какой мостик, черт побери?!

Луиджи. Который ведет к апельсиновым садам. Он еще при мне два раза обрушивался. Там вулканическая почва.

Майор. Больше двадцати тысяч не имею права. Необходимо специальное разрешение.

Луиджи (*не слушая его, озабоченно*). А если принять во внимание, что там нет телефона...

Майор. Разве в Фулминии непременно должен быть телефон?

Луиджи. Да и водопровод не в порядке...

Майор (*взрывается*). Не могу же я построить вам новую Фулминию! На деньги американской армии!

Луиджи. А почему бы и нет, майор? (*С приветливой улыбкой.*) Это же вы ее разрушили в войну?!

Майор. Двадцать пять тысяч — и точка! Ведь сперва вы хотели всего десять!

Луиджи. Хорошо. По рукам... Так вы сказали, тридцать пять?

Майор. Я сказал: двадцать пять тысяч. Больше вам из меня не вытянуть ни цента, милейший!

Луиджи. Не хотите — не берите. Пусть Генеральный штаб ищет другое сердце.

Майор. Черт бы вас побрал! Ладно. Тридцать пять!

Луиджи. А не лучше ли округлить эту сумму?

Майор (*стонет*). Округлить?!

Луиджи. Подумаешь — всего сорок тысяч! И ни цента больше!

Майор. Это же вымогательство, Ломбарди!

Луиджи. Майор Аппельгейт. (*Задумчиво, не глядя на него.*) У человека всего лишь одно сердце. И лишь одна Фулминия.

Майор (*утирая лоб*). Деньги я передам вашему адвокату.

Луиджи. Переведите их прямо в Фулминию. И пожалуйста — телеграфом. (*Пауза.*) Пусть там выпьют за мое здоровье, когда меня будут... (*Резким жестом показывает, как ему отсекут голову.*)

Майор. Ну, ну! Выше голову, Ломбарди! (*Бодро похлопывает его по плечу.*) Если мы не увидимся... ну... так... всего наилучшего. Армия вас не за-

будет! (*В дверях.*) Да, кстати, какое у вас звание?

Луиджи. Никакого, майор.

Майор. Я подам рапорт о присвоении вам... (*Смешавшись.*) Конечно, это... так сказать, «ин мемориам» — на память.

Луиджи (*вытянувшись, отдает честь*). Рядовой Ломбарди благодарит вас!

Майор. Держитесь, сержант Ломбарди! Всего хорошего! (*Отдает честь и торжественно выходит.*)

Явление четвертое

Луиджи и надзиратель

Надзиратель. Поздравляю, Луиджи!

Луиджи. Опять подслушивал под дверью? (*Ворчливо.*) Сержант... ин мемориам. (*Сплевывает.*)

Надзиратель. Луиджи... Еще ласточки!

Луиджи. Тоже в мундирах?

Надзиратель. Береги глаза — не то ослепнешь! (*Почтительно вводит двух дам.*) Прошу! Мистер Ломбарди ждет вас. (*Исчезает.*)

Явление пятое

Луиджи, донья Долорес, Диана

Донья Долорес — темпераментная, даже экзальтированная мексиканская креолка. Диана, ее дочь, безмолвная, застывшая, производит впечатление красивой куклы.

Донья Долорес (*осматриваясь*). О боже! Какой ужас!

Луиджи (*учтиво*). Что, простите?

Донья Долорес. Камера смерти... боже мой! (*Испуганно.*) А это?.. Это же...

Луиджи. Электрический стульчик.

Донья Долорес. Уж-жасно! Кош-шмарно!

Луиджи. Все относительно, мадам! (*Показывает наверх.*) Каждый приходит туда своей дорогой.

Донья Долорес. О, простите, я так взволно-

ванна, что даже... *(С грациозным жестом.)* Донья Долорес Люция Сальтамонтес. А это моя дочь — Диана Грациела Сальтамонтес.

Луиджи. О! О! Ваши имена, прекрасные дамы, звучат, как музыка! Как райская музыка, которую я, к сожалению, скоро услышу собственными ушами.

Донья Долорес. Не говорите так, мистер Ломбарди. Герои не умирают! (*Театрально, обращаясь к дочери.*) Диана — вот один из них!

Луиджи. Кого вы имеете в виду? Кто герой?

Донья Долорес. Вы, Луиджи Ломбарди! Мужчина, совершивший убийство во имя любви.

Диана молчит с равнодушным видом.

Донья Долорес. Он не позволил, чтобы его честь и имя...

Луиджи (*затыкает уши*). Я десять дней слушал все это в зале суда!

Донья Долорес. Суд вас не понял, а я вас понимаю. Вы поступили, как настоящий мужчина. Я горжусь вами, Луиджи! (*Кокетливо.*) Ведь я могу так называть вас?

Луиджи. Почему бы нет, мадам!

Донья Долорес. А для вас я просто Долорес. (*Подталкивает к нему дочь.*) Не бойся. Это не убийца, это достойный человек. И настоящий мужчина!

Луиджи. Спасибо, Долорес. Человек в моем положении так рад доброму слову. (*Осклабившись, глядит на Диану.*) Ей действительно не следует бояться.

Донья Долорес (*дочери*). Ну скажи что-нибудь. Улыбнись хотя бы! (*На лице Дианы появляется деланная улыбка.*)

Луиджи. А я ее где-то видел... Когда в большом цветочном магазине на...

Донья Долорес. Она... и в цветочном магазине?! Что вы! (*Самодовольно.*) Диана, покажи-ка Луиджи, кто ты.

Диана не реагирует.

Донья Долорес (*резко*). Ты слышишь?!

Диана неохотно делает несколько профессиональных движений манекенщицы и распахивает пальто. Под ним только купальный костюм и через плечо — широкая лента с надписью золотыми буквами «Miss World».

Луиджи. Madonna mia! Это вы одолжили или она вправду...

Донья Долорес. Королева красоты! Самая красивая девушка в мире! Признана единогласно, Луиджи!

Диана снова застывает.

Луиджи (*с удивлением*). Единогласно?

Донья Долорес. В Майами-Бич жюри очень строгое, и все же...

Луиджи (*прервав ее*). Это я знаю. Судьи у нас очень строгие... Могут присудить и это. (*Показывает на электрический стул.*) Меня вот тоже единогласно!

Донья Долорес. Ах, не говорите об этом, Луиджи!

Луиджи. Теперь уже ждать недолго, Долорес! Времени у меня осталось совсем мало... (*Любезно.*) Чему я обязан, что вижу вас здесь?

Донья Долорес (*волнуясь*). О, как об этом сказать... как выразить...

Луиджи. Коротко и ясно.

Донья Долорес. Несчастье, Луиджи! Трагедия! Катастрофа! (*Вынимает платочек.*) Только вы поймете меня, дорогой друг! Только вы — ведь вы знаете, что такое любовь. (*Страстно.*) Я люблю... люблю не на жизнь, а на смерть!.. Своего собственного мужа, Луиджи.

Луиджи. Собственного мужа?! (*Удивлен.*) Ну да, бывает ведь и такое... Но это же еще не трагедия.

Донья Долорес. Это было не супружество, Луиджи, а феерический двадцатилетний сон! И божественное созданье, которое сейчас перед вами, — наш с Рамоном шедевр.

Диана закатывает глаза, ей мучительно скучно.

Донья Долорес. Это была поэма... мелодия... супружеская симфония... и вдруг... как гром... ее отец... мой обожаемый Рамон вдруг как-то сразу... (*Заливается слезами.*)

Луиджи (*очень мягко*). Выражаю вам свое искреннее соболезнование, Долорес!

Донья Долорес. Спасибо, спасибо... Но дело в том, что он еще жив, хотя и болен... очень болен, бедняжка.

Луиджи (*заинтересованно*). Что с ним — болезнь сердца?

Донья Долорес. К сожалению, к сожалению...

Луиджи. Почему же вы сразу не сказали?

Донья Долорес (*утирая слезы*). Что, дорогой друг?

Луиджи. Ну, что вам нужно мое сердце. Для вашего супруга.

Донья Долорес (*потрясена этой неожиданной готовностью*). Вы... вы бы его нам...

Луиджи. А отчего ж не пообещать?

Донья Долорес. Ах, Луиджи! (*Всхлипывает.*) Но у нас нет денег...

Луиджи. При чем здесь деньги? Больница получит сердце даром, но того, кому оно достанется, того я выберу сам!

Донья Долорес. Молю вас, выберите Рамона! А я отдам вам самое драгоценное, что есть у меня! (*Мелодраматический жест в сторону Дианы.*) Вот это, Луиджи!

Луиджи. Это? (*Переводя взгляд на Диану.*) А зачем мне это?

Донья Долорес (*с удивлением*). Как зачем?

Луиджи. После первого апреля мне уж ничего не будет нужно. (*В сторону Дианы.*) Даже это.

Донья Долорес. Но до первого апреля еще далеко! Вам будут предлагать деньги... много денег. И я тоже не хочу получить ваше сердце даром. (*Берет дочь за руку.*) Я даю вам больше, чем деньги,— и сразу, сейчас!

Луиджи. Вы серьезно? (*Совершенно растерян.*) Жениться сейчас? Перед казнью?

Донья Долорес. Ах, я имела в виду совсем не это, дорогой друг. (*Вкрадчиво.*) Разве вам здесь не бывает порой грустно? Одному?

Луиджи. Конечно, здесь грустно... (*Оживляясь.*) Но если мне очень грустно, я пою. Да и заходят ко мне...

Донья Долорес (*прервав его, твердо*). Сколько вам давал майор?

Луиджи. Я не взял у него ни гроша.

Донья Долорес. Слава богу! Любовь дороже самых больших денег! Деньги—это грязь. А Диана—самая красивая девушка в мире. (*С восторгом.*) Только взгляните — божественные волосы... ангельская кожа... глаза, как озера... уста, как огонь...

Луиджи (*разглядывает девушку*). Но ведь она еще не произнесла ни звука.

Донья Долорес. Диана собирается в Европу и сейчас учит языки. Она боится, как бы все не перепуталось у нее в голове, вот и молчит.

Луиджи. Она говорит и по-итальянски? (*Диане.*) Parlate italiano, signorina? [1]

Диана молчит.

Донья Долорес. Она ведь еще только начинает учить... Ну скажи что-нибудь, Диана!

Диана упорно молчит.

Ну говори же... Говори... (*Шипит и подталкивает ее.*)

Диана (*уступая, произносит французский текст из учебника*). Quand on va en voyage, on prend avec soi la bagage, qui consiste d'un étui á chapeau, une malle, une valise...

Луиджи (*недоуменно*). Что она сказала?

Донья Долорес. Она сказала, что, отправляясь путешествовать, мы берем с собой багаж, который состоит из шляпной картонки, дорожного чемодана и...

Луиджи (*прерывает*). Но ведь это не по-итальянски.

---

[1] Говорите по-итальянски, синьорина? (*итал.*)

Донья Долорес. Вот видите! Так и есть — спутала. Я ей все время твержу: не учи все сразу. (*Расстегивает пальто.*) Боже, как здесь жарко. Сними пальто, Диана.

Диана не реагирует.

Выйдешь на улицу — простудишься и не сможешь поехать в Европу.

Диана зло сбрасывает с себя пальто и остается в купальном костюме с лентой «Miss World».

И держись прямо. Не сутулься!

Диана неохотно принимает заученную позу. Луиджи посвистывает с видом знатока.

Девяносто один сантиметр... шестьдесят два... Девяносто три... *(Водит пальцем по фигуре Дианы, называя цифры, обозначающие объем груди, талии, бедер.)* Да, и еще вот это. (*Вынимает из сумки небольшую золотую корону.*) Ну вот, теперь полный комплект. Я отдаю вам королеву, Луиджи!

Диана, дернув головой, сбрасывает корону. Луиджи поднимает ее, подает Диане, гладит ее по щеке. Диана, что-то буркнув, кусает его руку.

Луиджи. Ай!.. Королева не хочет меня. Еще и укусила, вот чертенок!

Донья Долорес. Испугалась, бедняжка. Она робкая у меня. (*Горячо.*) Но она согласна, конечно, согласна... Она не пришла бы сюда, если бы...

Луиджи. Тогда пусть сама об этом скажет... И по-итальянски!

Диана молчит.

Донья Долорес. Разве ты не слышишь, что тебя спрашивают? Отвечай!

Диана (*зло барабанит по-французски текст из учебника*). Un froid rigoureux force par fois les gens de garder la chambre, c'est alors qu'assis prés de cheminée.

Донья Долорес. Прекрати! Замолчи!

Луиджи. Что она говорит? Она насмехается!

Донья Долорес. Упаси боже! Просто так, ничего! Ничего... она перепутала... *(Угрожающе дочери.)* Ты что, белены объелась?

Диана *(яростно)* ... ils regadent le tourbillons de neige et rejouissent de la chaleur bienfaisante!

Луиджи. Что такое... она ругается? Я хочу знать, что она говорит!

Донья Долорес. Она не ругается. Она выучила все точно по учебнику.

Луиджи. Сейчас же переведите! Все до единого слова! Сейчас же!

Донья Долорес. Пожалуйста. *(Обиженно, явно нервничая.)* «Сильный холод иногда заставляет людей оставаться дома... и тогда они, сидя возле пылающего очага и глядя, как кружат снежинки, радуются блаженному теплу». Видите, она вовсе не ругается!

Луиджи. Чему радуются?

Донья Долорес. Блаженному теплу. Так написано в той книжке. Диана еще не умеет сама составлять фразы.

Диана *(с ненавистью).* La tête est couverte de cheveux!..

Луиджи. Ну, это уже не по книжке. Она явно ругается. Перевести!

Донья Долорес *(с отчаянием).* «Голова покрыта волосами».

Диана. Sous le front se trouvent les yeux...

Донья Долорес. «Подо лбом находятся глаза».

Диана *(кричит).* Et entre les yeux—le grand nez!

Донья Долорес. «Между глаз большой нос».

Луиджи. Тихо! Замолчите обе! *(Кричит.)* Большой нос! Да она смеется надо мной!

Донья Долорес. Напротив, она вас очень уважает. Вы ей очень нравитесь, Луиджи!

Луиджи. Хватит ее расхваливать, мамаша! Я не желаю... отказываюсь. *(Бросает Диане пальто.)* Одевайся! Это тюрьма, а не пляж!

Донья Долорес. Вы не отдаете себе отчета в том, что говорите. Ведь это самая красивая девушка в мире, она одна-единственная!

Луиджи. Бу-бу-бу!

Донья Долорес. А какая у нее горячая креольская кровь! Такой ночи вы в жизни...

Луиджи *(затыкает уши)*. Бу-бу-бу!

Донья Долорес. Другой бы осыпал ее золотом. За каждую минуту!

Луиджи. Прощайте, дамы. Время посещения истекло!

Донья Долорес. Вы глупец, Луиджи!

Луиджи *(резко командует)*. Королева. И королева-мать... Кругом! Шагом марш.

Донья Долорес. Ну нет, мистер Ломбарди! Вы меня еще не знаете. *(С трудом сдерживая ярость.)* Сперва пообещали... а теперь гоните, да? Знаете, что я о вас могу подумать, Ломбарди?

Луиджи *(холодно)*. А знаете, мадам, что я о вас думаю?..

Донья Долорес *(резко)*. Я обожаю своего мужа! И ради него готова на любую жертву!

Луиджи. Но принести эту жертву должна она. *(Указывает на дочь.)* А не вы.

Донья Долорес *(с достоинством)*. Если нужно... я к вашим услугам...

Луиджи. Смотрите не передеритесь из-за меня, девочки. *(Зло бурчит.)* Вы что думаете — у меня здесь гарем?

Донья Долорес. Но я сюда не на прогулку приехала... и в Мексику с пустыми руками не вернусь! *(Категорично.)* Что мне сказать мужу? Вы обещаете или...

Луиджи. Обещаю... обещаю, конечно, обещаю! Только оставьте меня в покое! Я вам уже пообещал, что обещаю!

Донья Долорес (*недоверчиво*). И просто так... даром? Без всякого вознаграждения?..

Луиджи. Да, просто так!

Донья Долорес. И не хотите даже... *(В сторону дочери.)* Даже это?

Луиджи. Благодарю... даже это.

Донья Долорес *(потрясена, растерянна)*. Но почему, Луиджи, почему?

Луиджи *(галантно)*. Королева красоты принадлежит всему миру — но не мне!

Донья Долорес. Все-таки я не ошиблась в вас! *(Отвернувшись.)* О, как мне стыдно, Луиджи...

Диана *(вдруг подходит к Луиджи)*. Gracias, señor. *(Нежно его целует.)* Mucissimas gracias! *(И уходит — грациозно и с достоинством, как не проданная на рынке рабыня.)*

Луиджи *(смотрит ей вслед)*. Что она сказала?

Донья Долорес *(тихо)*. Она тысячу раз благодарит вас, мистер Ломбарди. *(Опустив голову, уходит вслед за дочерью.)*

Явление шестое

Луиджи и надзиратель

Луиджи ложится навзничь на койку. Беззвучно, словно привидение, входит старый надзиратель.

Луиджи *(смотрит в потолок)*. Собственную дочь привела мне в постель.

Надзиратель. Знаю. Слушал за дверью.

Луиджи. Видишь, мог заполучить королеву красоты... *(Бормочет.)* Вместе с мамашей.

Надзиратель. Моя старуха тоже как-то получила первый приз... За ванильный пудинг. *(Пожимая плечами.)* Должен признаться, мне он не понравился...

Луиджи *(помолчав)*. Люди считают, что все можно продать и все можно купить... Почему они так считают, Митчелл?

Надзиратель *(задумчиво)*. Я об этом что-то никогда не думал. Когда разберусь — скажу.

Луиджи. Оставь меня. *(Поворачивается на бок.)* Спать хочется.

Надзиратель. Не выйдет. К тебе еще посетители.

Луиджи. Еще?! *(Вскакивает.)* Кого там еще черт принес?

Надзиратель *(пожимая плечами)*. Какой-то с портфелем.

Луиджи. Ладно, давай! Пусть только войдет — сразу вышвырну вон, вместе с портфелем.

Надзиратель уходит.

Явление седьмое

Луиджи и Фрэнк Моррис

Тихо появляется человек в черном костюме, у него несколько бледное лицо, в руке черный портфель; с ним словно входит что-то безликое и роковое.

Луиджи *(разъяренно)*. Уже ничего нет! Все роздал! Сердце продано!

Моррис *(учтиво)*. Добрый день. Вы всех так встречаете?

Луиджи. Что вам надо? Катитесь отсюда!

Моррис. Я хочу познакомиться с вами, Ломбарди.

Луиджи. Все хотят со мной познакомиться. Вдруг сразу всем стало невтерпеж... Убирайтесь все к чертовой матери! Все!

Моррис *(спокойно)*. Но не все могут написать о вас книгу.

Луиджи. Какую книгу, черт возьми?

Моррис. Историю вашей жизни, Луиджи Ломбарди. Меня зовут Фрэнк Моррис. Я хочу написать хорошую книгу.

Луиджи. Меня это не интересует. Пишите хоть телефонный справочник.

Моррис *(не обращая на него внимания)*. Я ничего не утаю. Ни хорошего, ни плохого. Я просто опишу вашу жизнь — как она началась... и как кончится...

Луиджи *(насмешливо)*. Так вам уже известен и конец?

Моррис *(колеблется)*. А вам... нет?

Луиджи. Не пишите. Конец ее будет совсем не такой, как вы думаете.

Моррис. История жизни пишется сама собой. Мое перо ничего не может в ней изменить.

Луиджи. Ну и выкиньте его тогда в нужник. И потом, что, собственно, вы собираетесь писать? Вы же меня совсем не знаете!

Моррис. Здесь, у меня в портфеле, уже почти все о вас. *(Вынимает пачку исписанных листков.)* О том, как некий Луиджи Ломбарди открыл Америку... Ему пятнадцать лет, он юнга... помощник кока... потом — ночной сторож... уличный певец... вышибала... мусорщик и так далее... Вы почти двадцать раз меняли работу...

Луиджи. Чаще у меня вообще не было никакой работы!

Моррис. А кончили как гангстер. И дважды убийца.

Луиджи. Убийство не имеет отношения к моей работе. Это мое личное дело! *(Угрожающе.)* И потом, было одно убийство! Слышите — одно! Зарубите это себе на носу!

Моррис. С вашей точки зрения — одно. А с точки зрения закона — два.

Луиджи. Плевать мне на его точку зрения. Я такой, каков есть. У меня свой закон... и свои муки! Я родился и вырос под сицилийским солнцем, мистер Моррис. Оно светило над моей колыбелькой. Я такой, какой есть, и другим быть не могу!

Моррис. Тогда почему же вы не остались на Сицилии? Под ее солнцем?

Луиджи *(враждебно)*. А вам какое дело? Оставьте меня в покое!

Моррис *(спокойно листает бумаги)*. Я хочу рассказать о вашем детстве. Начать с вашей сицилийской колыбели.

Луиджи. Но вы же ни черта об этом не знаете!

Моррис. Кое-что знаю. Я уже побывал в Фулминии.

Луиджи. Вы? *(Поражен.)* В Фулминии?! На моей родине?!

Моррис. Вернулся неделю назад.

Луиджи. Подумать только — он был в Фулминии! Что же вы сразу не сказали?! *(Фулминия — это*

магическое слово, ключ к сердцу Луиджи. Он улыбается, горячо пожимает руку Моррису.) Зовите меня просто Луиджи... Фрэнк! Что там нового? Рассказывайте скорее! Господи! Я не был там тридцать лет!

Моррис. Я не уверен, что Фулминия принадлежит к числу тех мест, где может произойти что-то из ряда вон выходящее.

Луиджи *(горячо)*. Это лучшее место на свете! Она мне снится по ночам... И сегодня я видел Фулминию во сне.

Звучат тихие аккорды гитары. Баркарола.

В голубом заливе, окруженном стеной белых скал... там, куда не ступала нога человека... умывалось на заре солнце. Одинокий фавн еще дремал в оливковой роще...

Моррис. Фавнов я там не видел. И оливковых рощ тоже. Их вырубили в войну.

Луиджи *(помолчав, тихо)*. Знаю. Но они остались в моей памяти. *(Прикрыв глаза.)* Даже сейчас я слышу, как шелестит под знойным ветром листва олив.

Баркарола затихает. Моррис делает какие-то пометки на своих листках.

Луиджи *(живо, самодовольно)*. Ну а что говорят обо мне мои земляки?

Моррис *(нерешительно)*. Боюсь, что...

Луиджи. Что-что?..

Моррис. Они вряд ли интересуются такими...

Луиджи. Вы хотите сказать, что я их не интересую? *(Уязвлен.)* Но газеты же они читают?

Моррис. Кажется, им хватает других забот... Жизнь там нелегкая...

Луиджи. Я не верю, что они обо мне не думают! Ясное дело, чужому они этого не покажут... наши не верят чужакам. *(Несколько успокоившись и повеселев.)* Madonna mia! Вся Фулминия перевернется вверх дном, когда туда придут деньги! Как жаль, что я не увижу этого!

Моррис. Какие деньги?

Луиджи *(улыбаясь во весь рот)*. Ну, не обязательно же обо всем писать в вашей книге, Фрэнк.

Моррис. Я хочу, чтобы это была хорошая, правдивая книга. И вы должны мне помочь, Луиджи.

Луиджи. Кто знает Фулминию — тот мой друг. Спрашивайте, что хотите.

Моррис *(поколебавшись)*. Скажите, что в самом деле была... такая большая любовь? И действительно, с первого взгляда?

Луиджи. Да, так оно и было. *(Хмурится. Ворчливо.)* Надеюсь, у вас есть и более приятные вопросы.

Моррис. Газеты утверждают, будто ваше знакомство произошло в сомнительном ночном клубе. Это правда?

Луиджи. Чушь! Мы встретились случайно, в магазине. В руках у нее были черные тюльпаны. А у меня — зеленый салат.

Моррис *(пишет что-то)*. Значит, она не занималась стриптизом? В ночном клубе?

Луиджи. Она? Что вы! Для такого занятия фигура у нее совсем неподходящая. *(Равнодушно.)* Ноги кривоватые — дугой. И глаза косят малость... Иной раз и не поймешь, куда она глядит.

Моррис. И все же вы в нее так...

Луиджи. Эх вы, умник! Ну покажите-ка мне хоть одного мужика, который сумеет объяснить, почему он втюрился именно в эту бабу, а не в ту!..

Моррис. Но я покажу вам уйму мужчин, которые никого не убивали из-за женщины!

Луиджи. Вполне возможно. Особенно если у них в жилах простокваша, а не сицилийская кровь.

Моррис *(делает пометку)*. Так. Теперь — ваш первый подарок... Это были те самые черные тюльпаны?

Луиджи. Нет, зонтик. Я купил ей самый дорогой, какой только был. С серебряной ручкой.

Моррис. Почему именно зонтик?

Луиджи. Потому что как раз пошел дождь.

Моррис. Так. А вот на этот вопрос вы, возможно, не ответите. *(Отложив блокнот.)* Что вы чувствуете к ней сейчас? После всего, что произошло?

Л у и д ж и *(без колебаний).* Вероятно, то же, что и к вашим ботинкам.

М о р р и с *(помолчав немного).* Я десять дней просидел в зале суда. Это было жестоко... и смешно. *(Задумчиво.)* И все же в вашей истории неумолимо действует какая-то скрытая сила.

Л у и д ж и. Вам, конечно, об этом писать просто. А каково было мне пережить все это?

М о р р и с. Когда я примусь писать о вас, я буду уже не Фрэнк Моррис... а Луиджи Ломбарди. Мне все это надо пережить самому.

Л у и д ж и *(серьезно).* Но казнь грозит мне, а не вам.

М о р р и с *(сосредоточенно).* Я буду думать вашей головой... и чувствовать вашим сердцем. Одного только я никогда не пойму — как вы могли допустить такую чудовищную ошибку! *(Переводит взгляд на Луиджи.)* Тот, кто решил убить, не имеет права ошибиться, поймите!

Л у и д ж и. Вам легко говорить! *(С горечью и злостью.)* Господи боже мой! У них же были не только совершенно одинаковые рожи, но и фигуры... походка, жесты, движения... совершенно одинаковые голоса, ну просто все! Джимми Брайан выглядел как Джонни Брайан, а Джонни Брайан как Джимми Брайан!

М о р р и с. Но в этом их нельзя винить. Такими они родились!

Л у и д ж и. А одинаковые костюмы... шляпы... туфли, галстуки? Даже запонки! Так что нечего молоть чепуху, будто они такими родились!

М о р р и с. Все это я знаю, но...

Л у и д ж и. Ничего вы не знаете! Оба эти подонка так делали н а р о ч н о! Им доставляло удовольствие, что их не могут отличить. Как не отличают друг от друга клоунов в цирке! *(Он явно не чувствует за собой вины.)* Ну вот, один за это и поплатился.

М о р р и с. Оба, Луиджи, оба!

Л у и д ж и *(твердо).* Только один... Только Джимми Брайан.

М о р р и с. Но ведь вы и Джонни...

Л у и д ж и *(резко).* Джонни получил по заслугам. *(Вспыхивая.)* Послушайте, Моррис... если бы вы

отправились в свадебное путешествие... С женщиной, которую безумно любите... И вдруг выясняется, что это свадебное путешествие вы совершаете не вдвоем, а втроем, так... *(Пытается подавить свое волнение.)* Не знаю, как вы... Но я не признаю свадебного путешествия втроем!

Моррис. Ваша жена вас обманывала с одним — с Джонни!

Луиджи *(ворчливо)*. Верно, с Джонни!

Моррис. А вы сперва застрелили Джимми. Который был невиновен!

Луиджи. Ну и что вы хотите этим сказать? Что в Джонни уже не надо было стрелять? Значит, виновного не наказывать?! Я же не идиот!

Моррис *(капитулируя перед такой логикой)*. Тогда признайте хотя бы, что совершили два убийства.

Луиджи. Никогда не признаю. Джимми Брайан — это ошибка... неумышленное кровопролитие... ну все равно, что при автомобильной катастрофе. А Джонни, повторяю, получил поделом. У нас в Сицилии так поступил бы каждый... Каждый порядочный человек.

Моррис. Мы не в Сицилии, Луиджи.

Луиджи. Знаю, мистер Моррис. Мы живем в высокоразвитой стране. Лучшей в мире. *(Смотрит на Морриса.)* Здесь не убивают из-за чести. Здесь убивают лишь ради долларов.

Моррис. Я не это имел в виду, простите. Но у вас в Сицилии в таких случаях наказывают, насколько мне известно, и женщину?

Луиджи. Знаете, что я сделал? *(Изображает.)* Схватил ее... открыл окно... сорвал обручальное кольцо... И выбросил!

Моррис *(помолчав)*. Кольцо, разумеется?

Луиджи. Конечно, кольцо. А что, по-вашему, я должен был выбросить?..

Моррис. Ну а потом?

Луиджи. Что потом? *(Пожимая плечами.)* Позвонил в полицию, чтобы пришли за мной.

Моррис *(ошеломлен)*. Так что же получается? Вы убиваете двоих... любовника и его брата, а эта женщина... остается совершенно безнаказанной?!

Л у и д ж и. Ошибаетесь. Я наказал ее. *(Тихо, с горечью.)* Заставил ее умереть. Она больше не живет... здесь... в моем сердце...

М о р р и с. Вы думаете?.. Это не всегда удается, Луиджи.

Л у и д ж и. Она превратилась в ничто. *(Твердо.)* Она для меня не существует.

М о р р и с. Этого не может быть. Эта женщина довела вас до камеры смертника, она — ваша судьба...

Л у и д ж и. Послушайте, Моррис... Если вы еще раз напомните мне о ней, получите по зубам!

М о р р и с *(спокойно)*. Не делайте этого. Ведь с выбитыми зубами пишешь хуже. *(Задумывается.)* Теперь я уже знаю, что книга у меня получится... И она будет называться... «Сердце Луиджи».

Л у и д ж и *(разочарованно)*. Сердце Луиджи?..

М о р р и с. Вам не нравится?

Л у и д ж и. А не лучше ли было бы назвать ее, например... *(В замешательстве.)* Например... «Фулминия»?

М о р р и с. Фулминия? *(Удивленно.)* Почему «Фулминия»?

Л у и д ж и *(просто)*. Ведь там родилось это сердце, Фрэнк.

М о р р и с. Верно. Но такое название не вызовет интереса к книге. *(Деловым, профессиональным тоном.)* Ведь никто не знает, что означает это слово. Зато с е р д ц е Л у и д ж и знает вся Америка. Книга с таким названием будет нарасхват!

Л у и д ж и. А сердце мое уже нарасхват! *(Прикладывает руку к груди.)* За него мне предлагают все что угодно. Деньги... славу... красивых женщин — все! Я даже не представлял себе, что сердце убийцы ценится так высоко! *(С горькой иронией.)* Жаль только, что оно у меня одно.

М о р р и с *(немного помолчав)*. В вашей истории есть что-то фаустианское... За свое сердце вы можете получить все... Но лишь до определенного дня... дня вашей казни, Луиджи.

Л у и д ж и. Но ведь я еще... живу! И каждому, кто хочет заполучить его, обещаю... Впрочем, они

этого вполне заслуживают!.. *(Ударяет себя в грудь.)* А сердце мое все же останется тут, при мне!

Моррис. Могу вам только пожелать, как говорится, ни пуха ни пера, Луиджи!

Луиджи. Чем я хуже тех, которые не убивали? Таких, как вы, как любой из вас?

Моррис. Сейчас симпатии на вашей стороне... Но знаете, общественное мнение переменчиво, как апрельская погода...

Луиджи. Не беспокойтесь... я буду жить! *(Резко, страстно.)* Я хочу... я должен!..

Моррис *(тихо)*. Понять вас можно...

Луиджи. Каждый хочет жить! Моя история закончится хорошо. У вашей книги будет счастливый конец!

Моррис *(медленно, без иронии)*. Она вернется к вам... покается... и вы снова будете вместе... Вы так себе представляете будущее?

Луиджи *(изумленно)*. О ком вы говорите, Фрэнк?

Моррис. О вашей жене, Луиджи.

Луиджи *(в ярости)*. Я же запретил... запретил вам!

Моррис *(спокойно)*. Только поэтому вы и хотите жить. Потому что вы все еще ее любите.

Луиджи. Заткнитесь!.. Еще слово, и я... *(В бешенстве хватает табуретку.)* Убирайтесь, не то я вас...

Моррис. Желаю вам счастья, Луиджи... Во всем. *(Спокойно уходит.)*

Тотчас же входит старик Митчелл.

Явление восьмое

Луиджи и надзиратель

Луиджи. Нет, хватит. Больше никого не впускай. *(Валится на койку.)* Да оставьте меня наконец в покое!

Надзиратель. Да, тут еще...

Луиджи. Нет, больше никого, прошу тебя!

Надзиратель. Знаешь, она ждет тут с раннего утра...

Луиджи. Кто?..

Надзиратель. Как тебе сказать... *(Боязливо.)* Ну... она... Твоя жена.

Луиджи. Изабель?.. *(Вскакивает.)* С утра?..

Надзиратель. Она очень хочет видеть тебя, Луиджи...

Луиджи. А я не хочу!

Надзиратель. Хоть на минутку... сказать лишь два слова...

Луиджи затыкает уши.

Она так плакала... Что ей сказать?

Луиджи. Что она для меня умерла. А с мертвыми я не разговариваю!

Надзиратель *(не двигаясь с места).* И все же... что мне делать?

Луиджи. Выставить ее! *(Снова ложится на койку.)*

В камеру проскальзывает элегантная дама в черной вуали; Митчелл тотчас же исчезает.

Явление девятое

Луиджи и Изабель

Жена Луиджи вся в черном — она уже в трауре, как вдова. На первый взгляд Изабель как будто принадлежит к типу внешне инфантильных, изо всех сил молодящихся женщин, однако это — беспощадное существо, она превосходно знает себе цену и свою силу.

Изабель. Хэлло, Луиджи!

Луиджи *(не глядя на нее, шипит с койки).* Убирайся!

Изабель. Я так рада, что наконец вижу тебя.

Луиджи *(сквозь зубы).* Пош-шла вон!

Изабель. Ты все еще сердишься?

Луиджи. Выметайся!

Изабель. Так-то встречаешь ты свою девочку?

Луиджи *(орет).* Убирайся!

Изабель. Не уберусь.

Луиджи. Я раздавлю тебя, как жабу!

Изабель. Ну раздави! *(Кокетливо приподнимает черную вуаль.)*

Л у и д ж и *(вскакивает с койки)*. Считаю до трех... *(Зажмуривает глаза.)* Раз... два...

И з а б е л ь. Не считай. И не кричи. *(Снимает пальто.)* Изабель не выносит, когда Луиджи кричит на нее!

Л у и д ж и. Ты еще тут?.. *(Открывает глаза.)* Ах ты мерзавка!

И з а б е л ь *(садится, закуривает сигарету)*. Возьми себя в руки. Ты же знаешь, что я терпеть не могу все эти непристойные слова.

Л у и д ж и. Слова — да. Ты предпочитаешь непристойные поступки!

И з а б е л ь. Как ты мелочен. И вечно оскорбляешь меня!

Л у и д ж и. Я... тебя?! *(Яростно.)* Когда это я тебя оскорбил?..

И з а б е л ь. Я любила только тебя, дурачок!

Л у и д ж и. И потому спала с другим! Даже во время нашего свадебного путешествия!..

И з а б е л ь *(деловито)*. Я вынуждена была так поступить. Это был мой долг, Луиджи.

Л у и д ж и *(остолбенев)*. Долг?!

И з а б е л ь. Вот как раз это ты и не даешь мне объяснить. И сразу же стреляешь. Ведь у бедняги Джимми Брайана со мной ничего не было.

Л у и д ж и *(с угрозой)*. И с Джонни тоже?.. И с Джонни?!

И з а б е л ь *(с достоинством)*. С Джонни — да.

Л у и д ж и. Здорово все это у тебя получилось: от алтаря — прямиком в чужую постель!

И з а б е л ь. Джонни не был мне чужим. Ты отлично знаешь — то была моя первая любовь... И я должна была выполнить свое обещание.

Л у и д ж и. Закрой свою пасть! Не верю ни одному твоему слову!

И з а б е л ь. Мне было пятнадцать лет, когда я поклялась Джонни, что никогда не забуду его. И если я все же выйду когда-нибудь замуж, то мы с ним должны встретиться... Чтобы проститься с нашей первой любовью!

Л у и д ж и. И ты решила сделать это как раз во время нашего свадебного путешествия!

Изабель. Мне очень неприятно, но так уж совпало. У Джонни ничего не получалось со временем. *(Пожимая плечами.)* И это все, что было. А ты сразу стрелять!

Луиджи *(на мгновенье утратив дар речи)*. Слушай... а ты вообще-то нормальная?..

Изабель. Абсолютно нормальная.

Луиджи. Но ведь нормальная женщина ничего подобного никогда не сделает!

Изабель. Так ведь это была клятва первой любви. *(С достоинством.)* А я никогда не буду клятвопреступницей.

Луиджи. Madonna mia! *(Хватается за голову.)* Она чиста, как лилия!

Изабель. У меня не было ни малейшего ощущения, что я тебе изменяю.

Луиджи. Плевать мне на твои ощущения! *(Показывает рукой на электрический стул.)* Вот до чего ты меня довела, лилия!..

Изабель. Я?.. Ну, извини, Луиджи! Кто стрелял как ненормальный?.. Я или ты?..

Луиджи *(кричит)*. Так, значит, у меня не было причины стрелять? Не было?!

Изабель. Конечно, нет. Между Джонни и мною все уже было кончено. Говорю тебе, мы встретились в последний раз!

Луиджи. Конечно, в последний раз... Потому что я его пристрелил.

Изабель. Исполнив свою клятву, я бы уже больше никогда тебе не изменила!

Луиджи. Болтай, болтай! Эти басни ты рассказывай знаешь кому?..

Изабель *(резко обрывает его)*. Но позволь! Что ты обо мне думаешь? Порядочная женщина любит только одного мужчину!

Луиджи *(сухо)*. А замуж выходит за другого.

Изабель. Я порядочная женщина, Луиджи. *(Независимо.)* Поэтому ты меня и любишь.

Луиджи. Тебя люблю?! Да ты совсем спятила!

Изабель. Ты еще немного сердишься, но я знаю, что... *(Пытается прижаться к нему.)* Ну скажи по-честному — ведь ты меня любишь?..

Л у и д ж и. Не выводи меня из терпения! *(Отталкивает ее.)* Это уже на меня не действует!..

И з а б е л ь *(сюсюкая, нараспев)*. Луиджи... Луиджино... Мой Луиджино...

Л у и д ж и. Ты для меня теперь ничто! Лопнувший пузырь... Пустое место! Воздух — и больше ничего!

И з а б е л ь. Без воздуха невозможно жить. А у мыльного пузырька такие чудесные краски...

Л у и д ж и. Я сказал — пузырь, а не пузырек!

И з а б е л ь. Ты сказал пузырек!

Л у и д ж и *(трагически)*. Ты теперь только пепел, который стряхнули с сигареты...

И з а б е л ь. А как тебе нравилась эта сигарета!

Л у и д ж и. Да у тебя ноги дугой! И к тому же косоглазая...

И з а б е л ь. Ах, до чего же ты меня любишь! Я едва только прикоснулась к тебе — и у тебя уже горят уши! И все потому, что ты так любишь меня, а я — тебя. И никого другого!

Л у и д ж и *(сухо)*. Жаль, что я этого не заметил. Во время нашего свадебного путешествия.

И з а б е л ь. Бедняжка, ты все еще ревнуешь! К несчастному Джонни. *(С добродушным упреком.)* Это просто неприлично, Луиджи,— ревновать к покойнику. *(Помолчав немного.)* Могу тебе сказать, что и ревновать-то не из-за чего.

Л у и д ж и. Мне не из-за чего было ревновать?..

И з а б е л ь. Он был красавчик — это факт. Элегантный, видный... всегда одет с иголочки... Джонни даже в гробу выглядел щеголем. И в кармане всегда полно долларов... ну, как у всех азартных игроков...

Л у и д ж и *(внушительно)*. Как у всех шулеров.

И з а б е л ь. Но как мужчина он... *(Не договаривает.)*

Л у и д ж и. Что как мужчина?..

И з а б е л ь. Как бы тебе это объяснить? *(Пожимает плечами.)* Трясогузка.

Л у и д ж и. Джонни?.. Джонни Брайан? Этот красавчик!

И з а б е л ь *(со знанием дела)*. Да, даже такой красавчик может быть трясогузкой.

Л у и д ж и *(немного помолчав, корректно).* Но о мертвых, кажется, говорят только хорошо.

И з а б е л ь. Джонни был только ветерок... безобидный, тихий ветерок, совсем не вихрь, как... как... *(Пристально глядя на Луиджи.)* Как ты.

Л у и д ж и. Как я?!

И з а б е л ь. Что я говорю—вихрь! Нет, не вихрь—тайфун... циклон... ураган!

Л у и д ж и. Я... я тайфун? *(Сбитый с толку.)* Ты это серьезно?

И з а б е л ь *(с мольбой сжимая руки).* Ну обними же меня! Обними свою милую женушку!..

Л у и д ж и *(опомнившись).* Я лучше дам отсечь себе руки.

И з а б е л ь *(страстно).* Ну обними... обними... обними!

Л у и д ж и *(рычит).* Я так обниму, что душа из тебя вон!

И з а б е л ь. Пускай, пускай!.. Ну поцелуй же свою девочку!

Л у и д ж и. Нет!

И з а б е л ь. Луиджино!.. Ну не ломайся!

Л у и д ж и *(слабея).* Нет... Нет! Никогда!

И з а б е л ь. Луиджи! *(Топнув ногой.)* Не упрямься! А то я рассержусь!

Л у и д ж и. Отстань! Ты мне противна!

И з а б е л ь *(страстно).* Ты еще раздумываешь?! Ну и балда!

Л у и д ж и. Оставь меня в покое! *(Он борется с собой из последних сил.)* Видеть тебя не хочу.

И з а б е л ь. Помнишь, как нравились тебе мои поцелуи?

Л у и д ж и. Ничего я не помню.

И з а б е л ь. Они как лесной мед, говорил ты мне!

Л у и д ж и. Как яд!.. Как настоящий яд!..

И з а б е л ь. Так попробуй! Вкуси этот яд! *(Подставляет губы.)* Пей свой сладкий яд!

Л у и д ж и. Ах ты... ты... Ты бестия! *(Стремительно притягивает ее к себе, и они замирают в долгом поцелуе.)*

И з а б е л ь. А теперь скажи: «Я все еще люблю тебя, Изабель».

Луиджи. Я все еще люблю тебя, Изабель!

Изабель. Страстно... безумно... отчаянно...

Луиджи *(как в дурмане, послушно повторяет)*. Страстно... безумно... отчаянно...

Изабель. Совершенно так же, как прежде...

Луиджи. Совершенно так же, как прежде...

Изабель. И мое сердце принадлежит только тебе, Изабель...

Луиджи *(произносит словно покаянную молитву)*. И мое сердце принадлежит только тебе, Изабель...

Изабель *(с легким нажимом)*. И никому другому!

Луиджи. И никому другому!

Изабель. И еще вот что. *(Строго.)* И ноги у Изабель не кривые...

Луиджи *(словно эхо)*. И ноги у Изабель не кривые...

Изабель. Они никогда не были у нее кривыми...

Луиджи. Они никогда не были у нее кривыми...

Изабель. И никогда глаза ее не косили!

Луиджи. И никогда глаза ее не косили!

В камере тихо, как в церкви.

Изабель *(бросив искоса взгляд на Луиджи)*. Что это ты так на меня смотришь, Луиджи?

Луиджи. Я?.. *(Униженный, но счастливый.)* Я... я вообще не смотрю...

Изабель. Нет, смотришь! И именно так, как глядел на меня, когда мы впервые встретились!

Луиджи *(вспоминает)*. Ты покупала тогда черные тюльпаны... А я — зеленый салат...

Изабель. Вот и сейчас у тебя тот же взгляд. Те же глаза!..

Луиджи. Какие глаза?

Изабель. Ну такие... постельные!.. Ты тогда так уставился на меня... а я стою и чувствую, как с меня словно спадает одежда... ты меня взглядом своим раздевал. И я заметила, как горели у тебя уши!

Луиджи *(мечтательно).* А за углом была маленькая гостиница...

Изабель *(деловито).* Третий этаж, комната сто четыре.

Луиджи. Зашли мы туда на часок, а вышли через три дня.

Изабель. Пошел дождь... И ты купил мне зонтик.

Луиджи. С серебряной ручкой... Мой первый подарок. А ты обиделась!

Изабель. Я думала, что это все... Как же — целых три дня и только один зонтик!

Луиджи. Эти три дня я не забуду до самой смерти.

Изабель. За те три дня все увяло: и мои тюльпаны, и твой салат... Но у тебя все время горели уши.

Луиджи. Они и сейчас горят! Madonna mia... этого я уж не выдержу! *(Направляется к электрическому стулу. И садится на него, как в спасательную лодку.)* Изабель!.. Привяжи!

Изабель. Что?..

Луиджи. Разве ты не слышишь?.. *(Кричит.)* Привяжи меня к стулу! Немедленно!..

Изабель. Не сходи с ума.

Луиджи. Привязывай... Потому что я за себя не ручаюсь!

Изабель. Успокойся... *(Ласково гладит его.)* Что с тобой?

Луиджи. Если не привяжешь — будет худо!.. Увидишь!

Изабель. Ты так сильно по мне истосковался?.. А ведь мы тут с тобой совсем одни, Луиджи...

Луиджи *(страдальчески).* Тут невозможно. Ведь это камера смерти, а не гостиница!

Изабель. Сюда никто не войдет!

Луиджи. Тюремщик смотрит в замочную скважину... На коленях молю тебя, привяжи! *(Он весь покрылся испариной, задыхается.)* Этот ремень сюда... этот туда... теперь руки... одна... другая... Нет, не тут! На запястье... А этот ремень через грудь... Скорей, скорей... поторапливайся!

Изабель. Я не умею это делать!.. Фу!.. Разве я палач?

Луиджи. Не разговаривай... делай, что тебе говорят! У тебя получается неплохо... Так. Хватит. Ноги, пожалуй, не надо... И не отвязывай, пока ты тут!

Изабель *(с отвращением берет капюшон смертника)*. Ты и это хочешь надеть?

Луиджи. Нет, не надо. Я хочу смотреть на тебя... *(Благоговейно.)* Только смотреть, Изабель.

Изабель. Смотреть... смотреть... Ну и смотри, балда! *(Сердито садится на койку.)* В другой раз принесу тебе бутылку брома.

Тишина. Изабель недовольна. Она закуривает сигарету. Луиджи, привязанный ремнями к электрическому стулу, словно прикованный к скале титан Прометей, завороженно глядит на жену.

Луиджи. Ты прекрасна, Изабель... Ты самая красивая, самая лучшая из всех женщин, которых я знал в своей жизни!

Изабель курит с равнодушным видом.

И такая... такая чистая!..

Изабель *(сухо)*. Ты немного преувеличиваешь, Луиджи.

Луиджи. Чистая, как утренний залив, когда в нем загорается первый солнечный...

Изабель. Нет, я не утренний залив. И тебе это известно!

Луиджи. Ты плохо знаешь себя. *(Горячо.)* Ты лучше, чем сама о себе думаешь!

Изабель. Перестань, иначе я расплачусь. И вступлю в Армию спасения... Буду ходить с кружкой...

Луиджи. Я никогда не переставал любить тебя, даже... даже когда больше всех ненавидел... *(Стыдливо.)* Достаточно мне только о тебе подумать... достаточно мне услышать твой голос и... и...

Изабель. И что же?

Луиджи. И... и у меня сразу начинают гореть уши.

Изабель вдруг от души рассмеялась.

(Он чувствует себя задетым.) Тебе смешно?

Изабель *(смеясь)*. Ты словно Пепел!.. Ну совсем как Пепел!

Луиджи. Как кто?

Изабель. Как шимпанзе Пепел... любимая обезьянка Эдди Райса!

Луиджи *(кисло)*. Того певца, что все время разводится?

Изабель. Когда он шестой раз женился, Пепел так рассвирепел, что искусал и исцарапал его всего!.. Представляешь, Эдди два месяца не мог выступать.

Луиджи. А я и не знал, что обезьяны ревнуют.

Изабель. Точно так же, как ты. Пришлось даже удалить у нее какие-то нервные центры... *(Как бы мимоходом.)* Операцию делали в «Санта Монике».

Луиджи *(замерев)*. В «Санта Монике»?..

Изабель *(с легкостью)*. Да. Ведь там самые лучшие врачи. И самых разных специальностей.

Луиджи *(мрачно)*. Да, самых разных...

Изабель. Операция, как всегда, прошла успешно, но обезьяна вскоре околела. Эдди Райс посвятил ей свою новую песенку, которую теперь поет вся Америка. *(Напевает.)* «Адье, адье, Пепел... прощай и прости... я не забуду тебя... Тра-ля-ля-ля, ля-ля-ля... ля-ля-ля... Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля...»

Луиджи. Перестань!

Изабель. Тебе не нравится?

Луиджи. Какое свинство! *(Возмущенно.)* Он не должен был делать ей эту операцию!

Изабель. Ну что ты говоришь?! Более комичной истории я еще не слыхала: обезьяна, обезумевшая от любви!

Луиджи. Что в этом смешного? Уничтожить у живого существа естественные инстинкты?

Изабель. Ах ты мой Пепел! А если бы это случилось с тобой?..

Луиджи. Не шути так! Ведь и меня ждет «Санта Моника»...

Изабель. С тобой обойдутся получше. Тебе отсекут только голову.

Луиджи. Изабель!..

Изабель. Ну что? Немного мрачного юмора тебя ведь не убьет... Не бойся, милый, ничего такого с тобой не случится... За тебя заступятся. *(Пауза.)* Вероятно, с тобой и в самом деле ничего не случится...

Луиджи. В любом случае меня ждет вот это. *(Указывает на электрический стул.)*

Изабель. Но у тебя же есть адвокат. Очень хороший. И очень дорогой. Так пусть он и покажет, на что способен!

Луиджи. Бенни делает все, что только можно.

Изабель. Но пока он тебя не избавил от этого стула. *(Немного помолчав.)* Уж лучше я тебя отвяжу, Луиджи. Уши уже почти не горят.

Луиджи. Нет! Так вернее. Пока ты здесь — не отвязывай!

Изабель. Как хочешь. *(Глядя на мужа, привязанного к электрическому стулу, и задумчиво попыхивая сигаретой.)* Знаешь, я тебе даже завидую, дорогой...

Луиджи. Завидуешь?..

Изабель. Да. О тебе все говорят, пишут в газетах... Тебе сочувствуют, протестуют против казни... Ты, можно сказать, стал знаменитостью, сделал, если хочешь знать, карьеру, мой милый... И в этом — не забывай — есть и моя заслуга.

Луиджи. Несомненно. *(Саркастически.)* Если бы ты не изменила мне с Джонни, я не сидел бы сейчас на этом стуле.

Изабель. Но здесь хоть заботятся о тебе. А обо мне никто не заботится. Я так одинока. Без тебя... без денег.

Луиджи. Я оставил тебе все, до последнего...

Изабель. Тут уж постарался твой адвокат... Ни нового автомобиля, ни... *(Показывая на свою норковую шубу.)* Вот в каком старье пришлось ходить мне всю зиму...

Луиджи. Да ведь эту шубу ты почти и не надевала. *(Сдержанно.)* Это же мой свадебный подарок.

Изабель. У меня нет денег даже на пару чулок... И если бы не папаша Мунд...

Луиджи. Какой Мунд?

Изабель. Сесил Кристофер Мунд... Тебе что-нибудь говорит это имя?

Луиджи. Это тот самый Мунд, что делает консервы для собак?

Изабель *(высокомерно)*. Папаша Мунд не делает ничего. В его распоряжении три тысячи человек. И я принадлежу к их числу.

Луиджи. Ты?! *(Вытаращив глаза.)* Ты хочешь сказать, что работаешь на фабрике? Делаешь собачьи консервы?..

Изабель. Ты что, спятил? Я у шефа для личных услуг. *(Важно.)* Я его правая рука.

Луиджи *(обеспокоенно)*. А что это значит?

Изабель. Ну, что-то вроде то ли медицинской сестры... то ли секретарши. Соединяю по телефону, приготовляю настои из трав... иногда выполняю обязанности шофера.

Луиджи. Надеюсь, что других обязанностей ты не выполняешь. Ведь старикашке, наверное, уже перевалило за семьдесят!

Изабель. Пока только шестьдесят девять. А ты думаешь, что такую уйму денег можно загрести за более короткое время?

Луиджи *(мрачно)*. Я думаю кое-что другое, Изабель...

Изабель. Думай что хочешь! Только живу я, как в аду! Они меня там все ненавидят... вся семья! Знаешь, что сказала мне его жена?.. Что она сделает из меня консервы.

Луиджи. Какие консервы?

Изабель. Ну те, что для собак... ты представляешь!

Луиджи. Возможно, у нее есть для этого основания, раз она так тебя...

Изабель. Конечно, есть! *(Агрессивно.)* И в этом повинен ты. Из-за тебя я все это терплю. Ты виноват в том, что я так живу!

Луиджи. Я?!

Изабель. Разве я не жена дважды убийцы? Осужденного на смертную казнь?.. Знаешь, какая каша заварилась, когда этот добрый старый человек привел меня к себе в дом?..

Луиджи. Так откажись. И уходи!

Изабель. А ты можешь мне сказать — куда?

Луиджи. Бенни подыщет тебе какую-нибудь работу!

Изабель. Плевать я хочу на вашу работу. *(Твердо, с победоносным видом.)* Я останусь в его доме. Выдержу этот ад. Я покажу всем, кто такая Изабель!

Луиджи *(тихо)*. Они, возможно, догадываются...

Изабель. Все ждут его смерти! И она, и дети... только я одна трепещу при мысли, что этот добрый старый человек умрет. Им бы только захватить его миллионы!

Луиджи. Плюнь лучше на все это. Что тебе до них!

Изабель. Как только он испустит дух, меня выгонят взашей. Но я позабочусь, чтоб это произошло не слишком скоро, им придется подождать... *(Властно.)* И ты мне в этом поможешь!

Луиджи. Я? *(В смятении.)* А как ты это себе представляешь?..

Изабель. Ты же все-таки мой муж. Мой законный супруг. А я твоя жена!

Луиджи. Из-за тебя я пошел на убийство. Ради тебя я готов сделать все. *(Преданно.)* Что я должен сделать, Изабель?

Изабель. Собственно... ничего. Нужен, собственно, не сам ты. *(Немного поколебавшись, решительно.)* Только твое сердце.

Луиджи. Мое сердце?!

Изабель *(быстро)*. Разумеется, если только ты...

Луиджи *(резко)*. Что если я... что если я?!

Изабель. Ну, если только с тобой что-нибудь...

Луиджи. Со мной ничего не случится! Останусь жить!..

Изабель *(пожимая плечами)*. Ну, тогда я, конечно, буду ждать, пока тебя не выпустят, и мы опять будем вместе...

Луиджи. Чего же ты хочешь... чего ты хочешь?.. *(Исступленно.)* Для чего тебе мое сердце?!

Изабель. Ну что ты визжишь? *(Спокойно.)* Это сердце нужно не мне. Оно необходимо одному хорошему старому человеку.

Луиджи. Одному старому человеку!.. *(Потрясенный, кричит.)* Одному старому бабнику!.. Развяжи меня! Немедленно!

Изабель *(не реагирует).* Я хочу, чтобы он еще долго жил. Пока старик жив, мне худо не будет. *(Укоризненно.)* Разве ты не хочешь, чтобы твоей Изабель было хорошо?

Луиджи *(беспомощно дергает ремни).* Ах ты... ты чудовище!

Изабель. Не ругай меня, не за что. *(С неумолимой логикой.)* Разве ты не сказал, что твое сердце принадлежит только мне? И никому другому?..

Луиджи. Только при жизни... только при жизни оно тебе принадлежало!

Изабель. При жизни или после смерти — не все ли равно? *(Быстро поправляется.)* После твоей возможной смерти, естественно. *(Очень деловито.)* Но я знаю, какой ты легкомысленный, и боюсь, чтобы свое сердце ты не пообещал кому-нибудь другому.

Луиджи. Отвяжи меня! *(Вне себя от ярости.)* Любой человек на свете может просить меня об этом... только не ты! Ты единственная не можешь!..

Изабель. Я удивляюсь тебе, Луиджи. *(Закуривает новую сигарету.)* Только что ты ползал передо мной на коленях и вдруг...

Луиджи. Заткнись!.. Твой старикашка не получит мое сердце! Никогда! Мало того, что он взял у меня жену, так еще и...

Изабель. А что у меня за жизнь? Ведь это ты так обо мне позаботился. Не кончать же мне из-за тебя свой век на улице.

Луиджи. Там тебе и место, миллионерская ты... *(Орет.)* Отвяжи!

Изабель. А сам-то ты кто такой?! *(Спокойно, сверля его взглядом.)* Паршивый сицилиец. Неудачливый гангстер. Дважды убийца.

Луиджи. Отвяжи меня! *(Яростно дергает ремни.)* Да я тебя сам, этими руками...

Изабель. Так вот она, твоя большая любовь! Ну и мразь же ты! *(Презрительно пускает дым прямо ему в лицо.)*

Луиджи. Раздавлю, как клопа... как клопа!..

Изабель. Ну, теперь уж я тебе скажу все начистоту... Джонни вовсе не был трясогузкой. Никогда. *(Снова пускает ему в лицо дым.)* Угадай-ка, кем он был.

Луиджи. Митчелл! Митчелл! Ради бога, развяжите меня!

Изабель. Мы еще увидимся, Луиджи. Ты мой муж. И у тебя есть супружеские обязанности. Ты должен позаботиться о моем будущем. *(Уходя.)* Я ведь только слабая женщина. И я надеюсь, что ты не разочаруешь меня. *(Спокойно выходит.)*

Связанный Луиджи остается в камере один. С поникшей головой сидит он на электрическом стуле. Словно распятый.

Явление десятое

Луиджи и надзиратель

Надзиратель. Ты звал меня? *(В ужасе.)* Бог мой! Что с тобой?.. Ты... ты плачешь, Луиджи?

Луиджи. Прошу тебя... очень прошу... *(Делает слабое движение головой.)* Включи ток... Ну включи же!

Надзиратель. Опомнись! *(Быстро освобождает Луиджи от ремней.)* Как это тебя угораздило? Господи, кто же это тебя так?..

Луиджи *(тихо)*. Меня добили, Митчелл... Постепенно, удар за ударом... Добили тупым мечом...

Надзиратель. Встань!.. Дать воды? *(Прикладывает руку к голове Луиджи.)* Какой горячий у тебя лоб!

Луиджи *(оцепенев на стуле)*. Я уже не живу, Митчелл. Меня доконали.

Надзиратель. Ты живешь, Луиджи... не сходи с ума! И будешь жить! Ты обязательно будешь жить!..

Луиджи *(немного погодя)*. Возможно, и буду... Но это уже буду не я.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Явление первое

Луиджи и голоса — первый, второй, третий

Луиджи лежит неподвижно на тюремной койке. Кажется, что он спит, а может быть, он уже мертв.

Первый голос. Специальный выпуск! Сенсационный скандал! Супермошенничество века!..

Второй голос. Луиджи Ломбарди продает сердце...

Третий голос. Обещает его каждому!

Первый голос. Устно... письменно... по телеграфу!

Второй голос. Не угодно ли вам сердце Луиджи?.. Вы можете его приобрести!

Третий голос. Он вышлет вам его по почте! Заказной бандеролью!

Второй голос. Сердце наложенным платежом! Сердце по заказу!..

Первый голос. Человеческое сердце! Новый товар на американском рынке!..

Слышится барабанная дробь сильного дождя.

Десятки людей стали жертвой мошенничества! Сотни обманутых... тысячи разочарованных!..

Второй голос. Фермер Смит продал на корню урожай, чтобы на эти деньги приобрести сердце Луиджи!..

Третий голос. Директор сиротского дома растратил казенные деньги!.. Хотел приобрести сердце Луиджи!

Второй голос. Трое стариков в масках ограбили табачную лавку! Они надеялись купить сердце Луиджи!

Первый голос. Америка смеется и сердится!..

Резкий стук дождя.
Луиджи, вытянувшись, продолжает лежать неподвижно.

П е р в ы й г о л о с. Гангстер забавляется своей циничной выходкой! Он смеется над нами!

В т о р о й г о л о с. Это смех человека-гиены!

Т р е т и й г о л о с. Мошенника!

П е р в ы й г о л о с. Дважды убийцы!

В т о р о й г о л о с. Это последний смех Луиджи Ломбарди!

Т р е т и й г о л о с. Вычислительные машины установили, что у Ломбарди уже нет никаких шансов!..

П е р в ы й г о л о с. Луиджи утратил симпатии американского общества! Луиджи утратил все!..

В т о р о й г о л о с. Возмущенная общественность требует ускорить казнь!..

Т р е т и й г о л о с. Что предпримет новый губернатор?.. Чего он ждет?!

Максимально усиленный шум дождя.
Луиджи вскакивает с койки, хватается за голову, кружит по камере словно одержимый. Внезапно воцаряется полная тишина.

Явление второе

Л у и д ж и и н а д з и р а т е л ь

Л у и д ж и. Ну наконец-то!.. Наконец! *(Сердито обращается к вошедшему.)* Когда же ты закроешь окно, черт побери!

Н а д з и р а т е л ь *(удивленно)*. Какое окно?

Л у и д ж и. У меня уже неделю разламывается голова... *(Страдальчески.)* Этот дождь сведет меня с ума!

Н а д з и р а т е л ь. Да, все льет и льет... *(Озабоченно глядит на Луиджи.)* Словно сейчас ноябрь, а не март.

Л у и д ж и. Каждая капля бьет меня по голове. *(Исступленно.)* Да закрой же ты это проклятое окно, идиот!

Н а д з и р а т е л ь *(сдержанно)*. Ты же хорошо знаешь, что в камере нет...

Л у и д ж и (*не слушая, кричит.*) Где чистое полотенце? Где новое одеяло?

Надзиратель. Вчера я все это принес тебе.

Луиджи. А твою гнусную жратву я выбросил в окошко!

Надзиратель. Что ты все твердишь про окно, Луиджи? Ведь в этой камере нет окон. *(Терпеливо.)* Когда смогу, я дам тебе домашней еды.

Луиджи. Дашь?.. Продашь! Ты обдираешь меня, разбойник!

Надзиратель *(печально)*. Как же ты переменился, Луиджи...

Луиджи. Заткнись! Я имею право на пристойную жратву. У убийц тоже есть желудок!

Надзиратель. Ладно, сегодня принесу тебе двойной бифштекс... И если хочешь, еще одно полотенце.

Луиджи. От тебя я уже ничего не хочу! Ни от кого уже ничего не хочу. Сыт по горло!

Надзиратель *(примирительно)*. А всему причиной — дрянная погода. Все стали такие нервные.

Луиджи. Все вы сволочи!

Надзиратель. Успокойся, Луиджи... *(Стараясь переменить тему.)* Право же, такого марта я не припомню... Даже первый день весны никуда не годился, а ведь не за горами апрель и...

Луиджи *(вспыхивает)*. Вот ты себя и выдал, подлая душа! Ты тоже не дождешься моей смерти...

Надзиратель. Луиджи!

Луиджи. Ты такой же, как все. Такая же свинья!..

Надзиратель *(потрясенный)*. Этого... этого я не заслужил... Мое доброе отношение к тебе не изменилось нисколько.

Луиджи. Когда я вижу ваши лживые рожи, меня просто с души воротит.

Надзиратель. Скажи мне, ради бога, что я тебе такого сделал? Я только...

Луиджи. Убирайся! Никто тебя сюда не звал!

Надзиратель. Звонил твой адвокат. Он велел передать тебе, что все идет хорошо и что сегодня он будет говорить с новым губернатором. Вот это я и пришел сказать тебе, Луиджи... *(Уходит обиженный.)*

Явление третье

Луиджи

Луиджи *(смотрит ему вслед)*. Прости, старик... Закрой окно. Уйми дождь.

Слышится на этот раз более спокойный, монотонный шум дождя.

Луиджи. В апреле, возможно, будет уже лучше... *(Прислушиваясь к дождю.)* А над Фулминией всегда яркое солнце... Даже когда оно не светит, над Фулминией всегда видно хоть кусочек голубого неба... пусть даже такой крошечный, как заплата на штанах у моряка...

Явление четвертое

Луиджи и майор Аппельгейт

Майор на этот раз в штатском: в темном фланелевом костюме, в темном непромокаемом плаще, с черным зонтом в руке.

Майор *(врывается, горланя по-солдафонски)*. Под суд отдам!.. В тюрьму упеку!.. Я вас!..

Луиджи. Вы, кажется, не заметили, что я уже в тюрьме.

Майор. Ты... ты мошенник! Я тебе покажу...

Луиджи. Не помню, когда это мы с вами перешли на «ты». *(Резко.)* Что вам угодно?

Майор. Он еще спрашивает! Я сполна уплатил ему за сердце, а он... он обещает его каждому, кто ни попросит!

Луиджи. Это мое дело.

Майор. А сорок тысяч долларов?! *(Его крик переходит в рев.)* Выходит они — фьють!.. Выброшены на ветер! Как же мне теперь быть!

Луиджи. Это уж ваше дело. *(Пожимает плечами.)* Я не получил от вас ничего.

Майор. Все было послано в вашу паршивую Фулминию!.. Как вы пожелали! По телеграфу! *(Раз-*

махивает листками бумаги.) Вот они — квитанции!..

Луиджи. Ну что вы так разволновались? Из-за каких-то несчастных сорока тысяч.

Майор. Вы меня обманули! И поплатитесь за это!

Луиджи *(мрачно)*. При нынешнем курсе доллара в Фулминии, вероятно, получили не больше чем... *(Невнятно бормочет, подсчитывая.)* Всего двадцать четыре миллиона итальянских лир.

Майор. А знаете... знаете, что они там с ними сделали? *(Вне себя от возмущения.)* Пропили и прожрали!.. Все двадцать четыре миллиона!

Луиджи. И хорошо сделали. По крайней мере хоть раз в жизни почувствовали себя людьми...

Майор. Вино рекой лилось по улицам... Они купались в шампанском... и каждый вечер... каждый вечер устраивали такое!.. Что там венецианские ночи! *(Он почти на грани нервного шока.)* Оргии... Вакханалии! Сатурналии!.. Содом и Гоморра!!!

Луиджи. Вы что — завидуете им? *(Ложится.)* Не приставайте больше ко мне!

Майор. Они и строить-то ничего не собирались! Никакой школы... никакого водопровода и телефона... Вообще ничего!

Луиджи *(зевая)*. Наверное, решили, что ваши бомбы опять все разрушат.

Майор. А вот о борделе они позаботились! Подумать только — публичный дом на деньги американской армии!..

Луиджи. На этом борделе будет когда-нибудь мемориальная доска... С вашим именем, майор Аппельгейт.

Майор. Вы погубили мою карьеру! Весь Генеральный штаб потешается надо мной. А те сорок тысяч отнесли на мой счет! *(Удрученно.)* Как мне теперь быть, скажите, мошенник вы этакий?!

Луиджи. Выньте шнурки из ботинок и вешайтесь.

Майор. Вот вам этого не избежать... И военного суда тоже... сержант Ломбарди! *(Кричит.)* Это жульничество!.. Саботаж!.. Государственная измена!

Луиджи *(передразнивая)*. Бу-бу-бу!

Майор. За это выносят смертный приговор!

Луиджи. Послушайте... Нет, вы просто ненормальный! *(Приподнимается на койке.)* Ведь я уже осужден на смерть. Сколько же раз вы хотели бы меня казнить?.. Дважды?

Майор. Теперь у вас уже нет никаких шансов. Все требуют вашей крови. *(Категорически.)* А я требую: деньги или сердце. Это мой ультиматум!

Луиджи *(флегматично)*. Денег у меня нет, а сердце не дам.

Майор. Не губите меня, бога ради, Ломбарди! У меня же семья! *(Умоляюще.)* Ведь это эксперимент огромной важности. Генеральный штаб желает знать, сколько может вынести человеческое сердце!

Луиджи. Я это уже знаю... *(Тихо.)* Скажите им, что оно может вынести очень много, даже такого, что совершенно невозможно вынести. Передайте им, что это излишний эксперимент!

Явление пятое

Донья Долорес, Диана и прежние действующие лица

Мать и дочь в одинаковых темных плащах и с одинаковыми зонтиками.

Донья Долорес. Нас опередили! *(Возмущенно дочери.)* Это тот, что и в прошлый раз прибежал раньше нас, но только тогда он был в мундире.

Майор *(холодно)*. Не прибежал. Я никогда не бегаю... *(Представляется.)* Майор Аппельгейт!

Донья Долорес. Донья Долорес Люция Сальтамонтес... Вам этого достаточно?

Майор. Недостаточно. Вашего имени я никогда...

Донья Долорес. Моя дочь Диана — королева красоты, майор! Самая красивая в мире! А я — ее мать!

Луиджи *(бормоча на койке)*. Не связывайтесь с ним. Он ведь не просто майор...

Донья Долорес. Самая красивая девушка в мире только одна. А таких вот майоров как маслят после дождика.

Майор *(уязвленный)*. Как вы сказали?.. «Маслят»?!

Донья Долорес. Да, маслят.

Майор. А я полагал, что имею дело с дамой.

Донья Долорес. Маслята вовсе не вульгарное слово. Оно означает съедобный гриб.

Майор. Но какое пошлое сравнение!

Донья Долорес. Послушайте, майор, в любом случае вам тут нечего околачиваться. Пропуск на десять часов выдан нам.

Майор. Мне тут нечего делать... *(Вспыхивает.)* Да вы отдаете себе отчет, с кем говорите?! Да мне ничего не стоит аннулировать ваш пропуск... я могу... вас...

Донья Долорес *(резко)*. Вот этого я не советовала бы вам делать!

Майор *(овладев собой)*. Ваше счастье, что вы имеете дело с джентльменом. Я вернусь через десять минут... *(Снова срывается.)* Но через десять минут я уже не буду джентльменом. *(Выходит с достоинством.)*

Явление шестое

Луиджи, донья Долорес и Диана

Донья Долорес *(поспешно)*. Луиджи, сын мой, как же ты мог так поступить с нами?

Луиджи *(холодно)*. Странно, почему это сегодня все со мной на «ты»?!

Донья Долорес. Мой бедный Рамон так обрадовался, что получит новое сердце!

Луиджи. Знаете, мадам, купите-ка ему лучше что-нибудь другое: почки, желчный пузырь или слепую кишку.

Донья Долорес. Его состояние ухудшилось — и в этом повинны вы, Луиджи!

Луиджи *(вскакивает с койки)*. Чего вам еще от меня надо, черт побери?!

Донья Долорес. Вы должны поклясться... что отдадите сердце только ему! И никому другому!

Луиджи. Почему именно вашему Рамону? *(Злорадно.)* Майор, например, уже выложил за него сорок тысяч долларов.

Донья Долорес *(растерянно)*. Сорок тысяч долларов?.. *(Пренебрежительно.)* Пустяки! Я дам сто тысяч!

Луиджи. А где вы их возьмете?

Донья Долорес *(указывая на дочь)*. Она стоит сто тысяч! Диана — самая красивая девушка в мире. *(Торжественно.)* И она ваша, Луиджи!

Диана *(протестующе)*. Но я... я не хочу! Я хочу в Европу, мамочка!

Донья Долорес. Сейчас я тебя туда не пущу! Сейчас ты должна помочь семье!

Диана *(упрямо)*. Но папочка сказал, что я могу ехать.

Донья Долорес. Никуда ты не поедешь. Я не пущу тебя в эту грязь!

Луиджи *(вдруг заинтересовавшись.)* В какую грязь?

Донья Долорес. В Париже опять бастуют мусорщики... Весь город пропитался смрадом... И вообще, говорят, вся Европа смердит.

Луиджи *(тихо)*. Вы считаете, что и Сицилия тоже?

Донья Долорес. Сицилия?.. *(Что-то смутно припоминая.)* Это там, где едят лягушек и улиток? Фу!

Диана. Ах, мама, их едят французы.

Луиджи. Я уроженец Сицилии, мадам! *(Оскорбленно.)* Я никогда не ел ни лягушек, ни улиток!

Донья Долорес *(поняв свою ошибку)*. Я не хотела вас обидеть! Я вовсе не вас имела в виду, Луиджи!

Луиджи. И моя мать... моя покойная мать никогда не торговала собственной дочерью!

Донья Долорес. Бога ради, Луиджи, успокойтесь!

Луиджи. А таких вот дам в нашей грязной Европе называют *(впивается взглядом в Долорес)* ...бордельмама!

Донья Долорес. Бордельмама?! *(Растерянно бормочет.)* Это... это говорите вы мне?.. Женщине из рода Сальтамонтес?! Да знаете ли вы, что конкистадор Эскамильо Леон Сальтамонтес сражался в Мексике плечом к плечу с самим Кортесом! *(Бессильно, трагическим тоном.)* Ах, если бы мой Рамон был в силах... Оскорбление нашего славного имени всегда смывалось кровью!

Луиджи. Одного моего знакомого гангстера звали Эль Сальтамонтес. *(Ехидно.)* Он вам случайно не родня?

Донья Долорес *(задыхаясь от гнева)*. Это уж слишком, милейший!

Луиджи. Я знаю, что означает слово «сальтамонтес» — это кузнечик, самый обыкновенный кузнечик. Его еще называют кобылкой. А тех, что покрупнее, — саранчой. *(С нескрываемой радостью.)* Значит, вы попросту мадам Кузнечик... Или мадам Кобылка! А скорее всего, мадам Саранча.

Донья Долорес *(сохраняя достоинство)*. Наше славное имя начертано на скрижалях истории! Наши предки пятьсот лет назад завоевали Мексику...

Луиджи *(прерывает ее)*. ...налетели, как саранча, и сожрали там все! *(Приближается и останавливается лицом к лицу с доньей Долорес.)* И вы, мадам Саранча, тоже хотите сожрать... мое сердце!

Донья Долорес. Не смейте меня оскорблять... опомнитесь, Луиджи. *(С усилием овладевает собой.)* Так мы с вами никогда не договоримся.

Луиджи. А нам и не о чем договариваться.

Диана *(неожиданно)*. Даже папа не хочет этого!

Донья Долорес *(угрожающе)*. Диана!

Луиджи. Спокойно, мадам! *(Диане.)* Чего не хочет ваш папа?

Диана *(колеблясь)*. Чтобы ваше сердце было получено таким вот образом.

Донья Долорес *(зло)*. А как же иначе получить его, если у нас нет денег?!

Диана. Но папа вообще не хочет...

Донья Долорес. Перестань, дура!

Луиджи. Что вы на нее все время кричите? Бедная девочка!

Д и а н а. И папа... бедный папа...

Д о н ь я Д о л о р е с *(шипит)*. Перестань! Ни слова, не то я...

Л у и д ж и. Замолчите-ка вы сами, иначе я не дам вам сердце... *(Диане.)* Я хочу знать, что с вашим папой. Почему он бедный?

Д и а н а. Дело в том, что... мамочка...

Д о н ь я Д о л о р е с. Замолчи ты, ради бога!

Л у и д ж и. Смелее, не бойся!

Д и а н а. Мамочка очень... очень... ну, темпераментная... а...

Л у и д ж и. А папочка?

Д и а н а *(выпаливает не задумываясь)*. А папочка вечером больше любит читать...

Д о н ь я Д о л о р е с. Замолчи! Как тебе не стыдно!.. Что за вздор ты несешь?

Л у и д ж и. И вот теперь мамочка добывает для бедного папочки новое сердце... *(Невесело улыбается.)* Новый мотор для спальни... Чтобы у нее снова был прежний Рамон.

Д о н ь я Д о л о р е с. Она не понимает, что говорит. Диана ведь еще совсем ребенок. *(Шипит дочери.)* Ведь ты же все испортила, дура!

Л у и д ж и *(оглядывает Диану)*. Как раз наоборот. Этот ребенок начинает мне нравиться. Видно, у вашей Дианы неплохая голова!

Д о н ь я Д о л о р е с *(оживляясь)*. Не только голова, Луиджи! Не только голова!

Л у и д ж и. Сколько ей лет?

Д о н ь я Д о л о р е с. Восемнадцать. У нас в Мексике женщины созревают быстро, как апельсины. Я вышла замуж в шестнадцать.

Л у и д ж и. У нас на Сицилии говорят: яблочко от яблоньки недалеко падает...

Д о н ь я Д о л о р е с. В наших жилах течет креольская кровь! Кровь рода Сальтамонтес. *(Страстно.)* О, это огонь... настоящий огонь, Луиджи!

Л у и д ж и. Ну хорошо. *(Деловито.)* Однако я должен в этом убедиться. А уж после приму окончательное решение. *(Кивнув Диане.)* Подойди-ка поближе, дитя мое!

Диана не двигается с места.

Донья Долорес. Ты что, не слышишь?.. *(Резко подталкивает.)* Тебя зовет дядя Луиджи.

Луиджи. Еще ближе.

Донья Долорес подталкивает дочь к Луиджи.

Луиджи. Достаточно. А теперь хорошенько прижмись ко мне.

Диана по-прежнему стоит неподвижно, и донья Долорес кладет руку дочери на плечо Луиджи.

Луиджи. А теперь поцелуй меня.

Диана *(вскрикивает)*. Нет... Нет!..

Донья Долорес. Не ори, чего ты боишься? Не укусит же он тебя!

Диана. Я не хочу, мамочка... Не могу! Нет, нет!

Донья Долорес. Не возражать! Делай, что тебе говорят! *(Насильно поворачивает ее лицо к Луиджи)*. Ведь я же не хочу тебе зла, детка!

Луиджи сжимает девушку в объятиях.
Сопротивление Дианы постепенно ослабевает.

Донья Долорес *(шепчет)*. Ты чувствуешь этот огонь, Луиджи?..

Луиджи *(бормочет через плечо)*. Ступайте-ка немного прогуляться, мадам Кобылка. А тюремщик пусть запрет дверь.

Донья Долорес понимающе кивает и на цыпочках направляется к двери.

Диана *(душераздирающе)*. Мамочка... Мама, мама!

Донья Долорес *(оборачиваясь, холодно)*. Что тебе... чего ты кричишь?..

Диана *(в объятиях Луиджи)*. Ты же мне всегда говорила, что... что это грех!

Донья Долорес *(закатывает глаза, крестится)*. Покаешься на исповеди, несчастная!..

Луиджи и Диана застывают в долгом поцелуе. Диана покорилась своей судьбе. Мать ее, едва выйдя за дверь, сталкивается с возмущенным майором и Изабель.

Явление седьмое

Изабель, майор Аппельгейт и прежние действующие лица

Изабель в черном кожаном пальто, в руке — черный, похожий на мужской, зонтик с серебряной ручкой.

Майор. Я протестую!.. *(Удерживая Изабель.)* Сегодня меня уже обскакали две дамы!

Донья Долорес. Тс-с... Тс-с-с! *(Выталкивает их.)* Прошу вас, не мешайте!

Изабель и майор только сейчас замечают застывшую в поцелуе пару.

Изабель *(сдержанно)*. Что ты делаешь, Луиджи?

Луиджи ни на кого не обращает внимания.

Изабель *(подбегает к нему и постукивает по плечу зонтиком)*. Ты изменяешь мне, дорогой!

Луиджи *(рычит)*. Не раздражай меня!

Изабель. Я тебя застукала, голубок. И у меня есть свидетели. Да ты отпустишь ее наконец? *(Энергично «рассекает» пару зонтиком).* Кто эта потаскуха?

Донья Долорес. Позвольте, это...

Изабель. Я не вас спрашиваю!

Донья Долорес. Она никакая не потаскуха, это королева красоты! Самая красивая девушка в мире!

Изабель. Эта сопля?.. *(Презрительно.)* Эта сухая жердь?.. Эта...

Донья Долорес. Сама ты жердь! У нее идеальные пропорции... девяносто один... шестьдесят два... девяносто три! Ее избрали единогласно!..

Изабель. Вероятно, в жюри были слепые или пьяные!

Донья Долорес. Моя дочь — самая красивая девушка в мире! Хоть лопните, а это так, моя дорогая!

Изабель. Ну и хороша мамаша! Дочка на глазах у всех тискается с женатым мужчиной, а она...

Луиджи *(зло передразнивает ее)*. Бу-бу-бу!

Изабель. А с тобой я поговорю потом! Послушайте, мадам мамаша! *(С пугающим спокойствием.)* Это мой законный муж... Имейте в виду!

Донья Долорес. Но помилуйте! *(Заискивающе.)* Ведь это всего лишь... всего лишь дружеский поцелуй.

Изабель. Хорош дружеский поцелуй!.. Ведь он ее чуть не проглотил!

Донья Долорес. Я считаю, что человек, осужденный на смерть, имеет право вкусить хоть немного радости...

Изабель. Мой муж даже перед казнью не позволит себе непристойности!

Луиджи *(не сдержавшись)*. Спросите-ка лучше, что она сама вытворяла во время нашего свадебного путешествия!

Донья Долорес *(обращаясь к Луиджи, с достоинством)*. Я никогда не вмешиваюсь в чужие дела. *(Изабель.)* А вы, пожалуйста, не суйтесь в мои... Тем более что это, так сказать, дело коммерческое.

Майор. Верно, мадам. *(Изабель.)* Будьте так любезны, оставьте семейные сцены для дома.

Изабель. Что происходит... какая тут может быть коммерция? *(Подозрительно.)* А может, дело в том, что... вы отдаете ему дочь, а эта свинья отдает вам свое...

Майор. Пардон! Его сердце принадлежит мне. Я уже уплатил за него!

Изабель *(саркастически)*. У вас, майор, тоже есть дочь?

Майор. Я уплатил наличными — сорок тысяч!

Изабель. Сорок тысяч!.. *(Луиджи.)* А мне ты не дал ни гроша, скряга! *(Обращаясь ко всем.)* Так вот, господа: ваши сделки недействительны. Существует закон. Права супруги — на первом месте!

Луиджи *(Диане)*. Закрой мне лицо *(бессильно, с отвращением)* ...чтобы я больше не видел этой женщины...

Диана медленно, послушно закрывает ладонями лицо Луиджи.

Изабель *(визжит)*. Оставь его!.. Оставь его! *(Набрасывается с зонтиком на Диану.)* Гляди, что я сейчас сделаю с твоей красоткой! Ее даже родная мать не узнает!..

Девушка прячется за электрический стул. Донья Долорес защищает ее своим зонтиком. Майор беспомощно бегает около разъяренных женщин. Луиджи, сидя на электрическом стуле, словно из ложи, спокойно наблюдает за поединком.

Майор. Вы изувечите друг друга! Прекратите, ради бога!.. Я вызову полицию. *(Разнимает соперниц.)* Это бессмысленно. Его сердце уже продано!

Изабель. Оно принадлежит только мне. Я его законная жена. И буду его законной вдовой!

Луиджи *(презрительно)*. Вдовой Джонни Брайана, но не моей!

Майор. Его сердце принадлежит американской армии!

Донья Долорес. Это сердце получит мой муж!

Изабель *(высокомерно)*. Все преимущества на стороне законной супруги. А не мужа какой-то посторонней женщины!

Донья Долорес. Для чего вам это сердце! Вы же молодая, здоровая!..

Луиджи *(сухо)*. У нее столетний любовник.

Майор. Тихо!.. Армия имеет преимущество перед любым гражданским лицом!

Донья Долорес. Самая красивая в мире девушка имеет преимущества даже перед американской армией. Он сам скажет вам это! *(Доверительно.)* Ну скажи, Луиджи... кто его получит?

Луиджи *(немного помолчав)*. Почему все вы думаете, что... что человеческое сердце можно купить?.. Как телевизор... или автомобиль?

Майор. Я ничего не думаю. Вы его продали, я его купил!

Донья Долорес. Он обещал его нам! Только нашей семье...

Изабель. Мадам, он обещал его всем! Вы что, не читаете газет?

Майор *(резко)*. Как вы объясните это, Ломбарди?..

Луиджи. Очень просто. *(Пожимает плечами.)* У нас на Сицилии говорят: обещаниями дурни тешатся.

Донья Долорес *(вне себя)*. О, да ты, оказывается, жулик! *(Подняв зонтик, бросается на Луиджи.)* Ах ты бандит!.. Дважды убийца!..

Диана *(выскакивает из-за кресла и загораживает собой Луиджи)*. Не бей его, мамочка!..

Изабель. Почему это вы «тыкаете» моему мужу! И не смейте его обзывать!..

Донья Долорес. Он опозорил мою дочь... Осквернил наше имя.

Диана *(она как будто разочарована)*. Мамочка, ведь еще ничего не произошло...

Донья Долорес. Он обманул нас... снова обманул нас!

Изабель. Так вам и надо, бабушка!

Донья Долорес *(в ярости)*. Кто бабушка? Ах ты... ты... *(Растерянно.)* Ты это кому говоришь? Мне?..

Изабель. Тебе, сводница! Ну и дрянная же ты мать!

Донья Долорес. А ты косоглазая блоха!

Изабель. Что ты сказала?! Ну-ка, повтори еще раз!

Донья Долорес. Косоглазая блоха.

Изабель *(швыряя зонтик)*. Я тебе все волосы выдеру... ноги переломаю... Ты... ты...

Донья Долорес. Ну подойди, подойди... *(Бросает зонтик)*. А я тебе глаза выцарапаю, чтоб ты больше ни на кого не косилась!

Луиджи *(с электрического стула)*. Давайте, давайте, девочки!

Диана. Мамочка... задай ей трепку!

Обе дамы вцепляются друг другу в волосы.

Майор *(нервозно)*. Еще шаг — и я включу ток! Сердце Луиджи погибнет! И тогда уже не достанется никому!

Явление восьмое

Ф р э н к М о р р и с и прежние действующие лица

Моррис — в темном пальто, с портфелем и зонтиком. При виде его женщины отскакивают друг от друга. Они с враждебной настороженностью всматриваются в лицо вошедшего, единодушные в своей неприязни к нему.

М а й о р *(нервозно)*. У вас есть разрешение на свидание?..

Моррис показывает пропуск.

Д о н ь я Д о л о р е с *(подозрительно)*. Почему вы явились сюда с портфелем? Для чего он вам тут?

И з а б е л ь. Ясно для чего — для денег!

М а й о р. За сердце уже уплачено. Ваше присутствие здесь совершенно излишне.

М о р р и с *(спокойно)*. В портфеле у меня рукопись и сегодняшние газеты. *(Луиджи.)* Я хотел прочитать вам главу... Но теперь... *(Пожимает плечами.)* Разве я не говорил вам: не слишком надейтесь на общественное мнение.

Л у и д ж и *(тихо)*. Я уже ни на что не надеюсь.

М о р р и с. Улицы запружены людьми. Они направляются сюда, к тюрьме.

Д о н ь я Д о л о р е с. Бог мой! И все они хотят получить его сердце?!

М о р р и с. Не знаю. Полиция окружила здание. Надеюсь, что сюда никому не удастся проникнуть...

Л у и д ж и. Что произошло, Фрэнк? *(Равнодушно.)* Чего хотят эти люди?

М о р р и с. Видите ли, Луиджи, сперва вы завещали свое сердце больнице и этим снискали всеобщую симпатию. Но потом вы пообещали его стольким людям, что...

Д о н ь я Д о л о р е с. Да!.. Он и нас обманул! Всю нашу семью!..

И з а б е л ь. И меня. Свою собственную жену!

Л у и д ж и. Ну, тебе-то я не обещал ничего... Тебе, единственной, ничего не обещал!

Майор. Он всех нас оставил в дураках! *(С ненавистью.)* Осрамил... разорил!

Моррис *(Луиджи)*. Люди — те, что собрались там, на улице... они... они возмущены, просто ополоумели. Но возможно, они хотят только, чтобы вы... все это объяснили, Луиджи. Как-то оправдались...

Луиджи. Я?.. *(С удивлением.)* Но для чего? И перед кем?!

Донья Долорес. Он еще спрашивает!

Изабель. Перед всеми нами, Луиджи Ломбарди.

Майор. Оправдаться? Чепуха! Мне этого недостаточно!

Луиджи. Не знаю, чего вы все от меня хотите. Никогда я не слыхал, чтобы обреченный на смерть просил прощения у коршунов, которые кружат над его телом. *(Презрительно, всем.)* Это у вас я должен просить прощения?..

Донья Долорес. У него нет ни капли сердечности... А может, у него вообще нет сердца?

Изабель. Да, у него никогда не было сердца, уж я-то знаю!

Луиджи. О нет, оно у меня есть... И оно еще бьется... еще бьется... *(В какой-то печальной завороженности.)* Слышите, как бьется мое сердце?..

В тишине раздается несколько хрупких и нежных аккордов баркаролы.

Майор. Пора кончать. Мы ждем вашего последнего слова.

Луиджи *(он унесся мыслями куда-то далеко)*. Слышите?..

Аккорды баркаролы затихают.

(Возвращаясь к реальности.) Вы ждете моего последнего слова?.. А я жду конца вашей истории, Моррис.

Моррис. Это ваша история, Луиджи... И конец ее напишете вы сами... никто его не в силах изменить... Ни вы, ни я.

Майор *(резко)*. Да говорите же, Ломбарди!

Луиджи. Мне больше нечего сказать. *(Пожимает плечами.)* Не моя вина, что вы так ничего и не поняли.

Донья Долорес *(зло).* Чего мы не поняли... чего?..

Луиджи. На свете должно же быть что-то, чего нельзя было бы ни купить... ни продать. *(Поднимается с электрического стула.)* Моего сердца не получит никто.

Майор. А сорок тысяч долларов?! Я погиб, неужели вы не понимаете?!

Луиджи. Это уж ваше дело, майор Аппельгейт.

Майор. Я вынужден продать дом... жена угрожает мне разводом... и на службе... *(В отчаянии.)* Ведь я не могу начинать все сызнова, Ломбарди!

Луиджи *(спокойно).* Я о вас ничего не знал и к вам не обращался, майор Аппельгейт. Вы сами, первым, пришли ко мне... купить человеческое сердце.

Донья Долорес *(подходя к Луиджи).* Я так люблю своего мужа, Луиджи... Почему вы не хотите помочь мне?

Луиджи *(колеблясь).* Это не настоящая любовь.

Донья Долорес. Любовь всегда настоящая!

Луиджи. Ваша — нет. Вы любите только себя.

Изабель *(подходит к Луиджи и отстраняет донью Долорес).* Я хотела, чтобы хороший старый человек пожил еще немного... Что в этом дурного, Луиджи?

Луиджи. Ты имела в виду другое.

Изабель. Откуда тебе знать это?!

Луиджи. Я знаю о тебе все. *(Смотрит как бы сквозь нее.)* В жизни своей я допустил две величайшие ошибки. Одна из них — то... что я узнал тебя.

Изабель. Этого... этого ты не должен был говорить мне, Луиджи. *(Кусает губы.)* А вторая ошибка?

Луиджи. Что я вообще родился.

Изабель. И этого ты не должен говорить... Люди многое могут сказать друг другу, но ты не должен говорить мне этого! *(В голосе ее звучит не-*

нависть, она приходит в какое-то странное возбуждение.) Тогда будет лучше... если мы простимся с тобой...

Луиджи. Прощай, Изабель. Желаю удачи!

Изабель. Вы слышали... слышали?! Он сожалеет, что родился! *(Ее возбуждение усиливается, она кричит.)* Ведь тот, кто родился, тот непременно умрет! Так зачем же ждать?.. Надо помочь ему! *(Подняв зонтик с серебряной ручкой, она угрожающе наступает на Луиджи.)* Люди, что стоят на улице, согласятся, что мы поступили правильно!

Луиджи. Я знал, что ты будешь первой. *(Диане.)* Тебе не нужно этого видеть, девочка. *(Отступает к ширме позади электрического стула.)*

Изабель *(направляя острие зонтика прямо в сердце Луиджи, истерически)*. Чего вы ждете... чего вы ждете?!

Майор вдруг делает несколько шагов к Луиджи тоже с зонтиком в руке. Донья Долорес машинально следует за ним.

Диана *(пытаясь удержать мать)*. Нет... нет, ты не должна!..

Донья Долорес, отталкивая ее, идет словно загипнотизированная за ширму.

Диана *(Моррису, в отчаянии)*. Ради бога, сделайте что-нибудь!.. Помогите ему!

Моррис *(подходит к ширме и останавливается)*. Он не защищается... Он... он не хочет жить.

Диана *(в ужасе вскрикивает)*. Защищайся, Луиджи!.. Ради бога, защищайся! *(Потрясенная, выбегает из камеры.)*

Где-то далеко звучит баркарола. Звуки становятся все сильнее, фатальнее. Из-за ширмы не слышно ничего — ни стонов, ни ударов, словно там ничего не происходит... Вскоре оттуда осторожно выскальзывают одна за другой три фигуры и мгновенно исчезают, словно тени. Только теперь Моррис идет за ширму.

Явление девятое

Луиджи и Моррис

Моррис, поддерживая раненого Луиджи, пытается уложить его на койку.

Луиджи. Нет... не туда... Сюда... На мое место.

Моррис *(осторожно усаживает его на электрический стул)*. Я не мог вам помочь, Луиджи...

Луиджи. Знаю... И не нужно было.

Моррис. Я позову врача!

Луиджи. Останьтесь со мной... *(Он говорит с усилием.)* Вы хотели прочитать мне... первую главу...

Явление десятое

Луиджи, Моррис и надзиратель

Надзиратель *(вбегает, взволнованный)*. Почему все убежали?..

Моррис *(указывая на электрический стул)*. Его линчевали.

Надзиратель. Луиджи!.. Бог мой!.. Кто... кто?!

Моррис. Те, что хотели купить его сердце.

Надзиратель *(грозно)*. И вы тоже? Вы ведь тоже здесь были!

Луиджи. Он — нет... Он ко мне не прикасался.

Надзиратель. Почему же он тебе не помог?! *(Моррису.)* Почему вы...

Луиджи. Не кричи, старик... Он... он не в силах изменить событий... Он их только описывает в своих книгах...

Надзиратель. К черту книги... если вы не знаете, как заступиться за человека!.. *(Перевязывает Луиджи, в отчаянии.)* В том, что случилось, — моя вина, я всегда стою у двери, а на этот раз... Знаешь, тюрьма окружена. Потерпи, Луиджи!.. Сейчас я приведу врача! *(Выбегая.)* Я во всем виноват... прости меня, Луиджи!

Луиджи. Прощай, Митчелл...

Явление одиннадцатое

Луиджи и Моррис

Луиджи. Слышите?.. Дождь утих...

Моррис. Я ничего не слышу, Луиджи.

Луиджи *(немного погодя)*. Разве это... Разве это... не смешно?

Моррис молча утирает у него со лба пот.

Луиджи. Меня казнили не на электрическом стуле... и... не мечом... *(пытается улыбнуться)* меня казнили... обыкновенным зонтиком... И тот, с серебряной ручкой, был нацелен прямо в сердце.

Моррис. Не нужно разговаривать, помолчите, Луиджи!..

Последний раз звучит аккорд баркаролы — тихо и где-то очень далеко.

Луиджи. Вот только... если бы... еще раз... в... Фулминию... *(Не договорив, испускает дух.)*

Явление двенадцатое

Моррис и Бенни Маклауд

Маклауд *(вбегает)*. Митчелл мне уже сказал, что тут произошло... Врач уже идет...

Моррис. Врач?! Поздно. Ваш клиент... мертв.

Маклауд *(застывает перед стулом)*. Ах, Луиджи... Всегда тебе не везло! *(Снимает шляпу, потрясенный.)* Ты не должен был устраивать мне этого, приятель...

Моррис прикрывает тюремным одеялом поникшее на электрическом стуле тело Луиджи.

Маклауд. Беспрецедентный случай в моей практике... *(Вытирает со лба пот.)* Вы представляете, новый губернатор не проявил никакого интереса к этим сделкам по продаже сердца и помиловал его!

Моррис. Помиловал?! А он мертв...

Маклауд. Да, все удалось мне как нельзя лучше... ведь был обдуман каждый шаг... *(Указывая на мертвеца.)* Но вот этого я никак не мог предвидеть!

Моррис *(немного погодя)*. Линчевание — одна из традиций нашей страны. *(Бессильно.)* К сожалению, не лучшая, мистер Маклауд...

Маклауд. Пойдемте что-нибудь выпьем. Надо прийти в себя... Этому бедняге мы уже ничем не поможем... *(С горечью, как бы про себя.)* Теперь уже не поможем...

Моррис. Да, не поможем...

Маклауд. В любом случае у вашей книги был бы неожиданный конец. *(Уходя.)* Кстати, как она будет называться?

Моррис. Еще не знаю... Может быть, «Зонтик с серебряной ручкой»... Или же... или же «Фулминия»... *(Не двигаясь с места.)* Собственно говоря, я еще не знаю, напишу ли ее вообще...

Маклауд. Но почему?

Моррис *(глядя на мертвого Луиджи)*. Не знаю... я вдруг подумал... имею ли я право писать эту книгу.

Занавес

День, который не умрет

Перевод Л. Васильевой
Редактор И. Марченко

I. ЛЕТО

1 КАРТИНА

В буковом лесу

Это не ветер, шумящий в лесу, это — резкое, прерывистое дыхание человека.

Мы еще не видим его, мы лишь слышим и ощущаем его — его солдатские ботинки, его пот и его страх; пока лишь — по мельканию веток деревьев и чащобы кустарников — мы воспринимаем стремительный, отчаянный бег невидимого человека.

И по этому резкому, прерывистому дыханию, от которого разрываются легкие, понимаем: человек бежит давно, и теперь уже из последних сил.

Под скалой — источник, хрустально-прозрачный родничок.

В его зеркале на миг отразилось лицо беглеца: потное, измученное, с запавшими глазами. Лицо солдата.

Но гладь воды тут же покрывается рябью, брызги фонтаном разлетаются в разные стороны — солдат, припав к воде, жадно пьет.

По лесу разнесся неистовый лай собак.

2 КАРТИНА

Опушка леса и железнодорожное полотно

Две пары жилистых босых ног застыли в неподвижном летнем воздухе.

В кадре — спины повешенных с приколотыми листками, на которых написано по-польски:

Я ПОМОГАЛ ПАРТИЗАНАМ

Из букового леса выбегает преследуемый человек — это молодой смуглый мужчина в форме словацкого солдата.

Оружия у него нет, он давно бросил его или потерял.

У него не осталось ничего — ничего, кроме отчаяния: он понимает, что у него нет никаких шансов.

На секунду он было заколебался, оглянулся, а затем, пробежав мимо повешенных, спускается к железнодорожному полотну и мчится к туннелю, виднеющемуся неподалеку.

В кадре — в просвете между неподвижными ногами повешенных — мы видим, как солдат исчезает в черном зеве туннеля.

Бешеный собачий лай приближается, заполняя собой все вокруг.

3 КАРТИНА

В туннеле

Солдат, шатаясь, спотыкается в полутьме о шпалы, но продолжает бежать, страх подгоняет усталые ноги.

Туннель не слишком длинный: уже начинает светлеть, уже виден овальный выход.

А там, в этом овале, полном света, — два силуэта жандармов немецкой фельджандармерии; широко расставив ноги, они стоят на колее с автоматами наготове, они уже поджидают.

Солдат поворачивается, бежит — назад, туда, откуда прибежал, к другому выходу, он еще не сдается, он бежит, он борется...

Два таких же силуэта немецких жандармов с автоматами видны и на другом конце туннеля.

Беглец застывает, опершись о влажную стену; на лице его, залитом потом, — страх.

Грязные капли с мокрого свода туннеля.

Один из жандармов спускает собаку.

Немецкая овчарка бросается во тьму.

Своды туннеля оглушительно повторяют неистовый собачий лай, многократно умножая его силу.

4 КАРТИНА

Монтаж под титрами фильма

Со свистом вырывается пар из-под колес, готовых отправиться в недобрый путь.

Ноги узников, которых заталкивают, безжалостно швыряют в утробу вагонов.

Крики, команды, брань, грубые голоса охранников.

Мелькание фонариков с синим фильтром светомаскировки.

Колеблющихся, недостаточно расторопных охранники «подбадривают» кулаками и прикладами.

Вагоны переполнены, заключенные — штатские и солдаты — спрессованы как сельди в бочке.

Грохот, скрипучие звуки задвигаемых железных засовов. Один за другим, на каждом вагоне...

Этот поезд, отправляемый в концентрационный лагерь, кажется до бесконечности длинным.

В зарешеченном окошке появляются две ладони.

Ладони и глаза Матуша Сироня, словацкого солдата, которого немецкие жандармы схватили у леса где-то на польской земле.

Пар вырывается с пронзительным свистом, поезд трогается.

Подслеповатые, затуманенные огоньки какой-то польской станции медленно отдаляются, исчезая во тьме летней ночи.

5 КАРТИНА

Ветерна полонина

Высокое летнее небо над Ветерной полониной. Ее могучий, широкий гребень, покрытый альпийскими лугами, высоко возвышается над остальным миром.

Со всех сторон, куда ни бросишь взгляд, — горы, холмы, леса, светлые контуры гребней полонин и темные, затененные углубления долин; все — в каком-то прекрасном и диком беспорядке; Ветерна полонина — как бы центр этой земли, ее сердце: возможно, стоит лишь приложить ухо к ее душистой, покрытой ароматными травами спине, и услышишь его биение.

Круто спускающиеся альпийские луга пестреют яркими цветами, и ветер, который здесь никогда не утихает, свистит и, играя ими, меняет их цвет.

Может, из-за этого непрестанного ветра и зовется полонина Ветерной, а может — кто знает, —

причиной тому белые дикие нарциссы: в определенное время на солнечных, теплых ее склонах цветет их такое множество, что людям в долинах порой даже кажется, будто на Ветерну полонину в разгар жаркого лета уже выпал первый снег.

Горная природа дышит умиротворяющим теплом и торжественной тишиной, безучастная и равнодушная к жестокости войны.

Но там, внизу, в одной из долин, которые со всех сторон окружают могучий массив Ветерной полонины, взбирается, тянется длинный товарный поезд.

Это транспорт в концентрационный лагерь.

В будках на тормозных площадках — вооруженная немецкая охрана.

Заросшие лица узников, глаза, запавшие от долгого, мучительного пути, неподвижно следят, как за решетками вагонных окошек убегает солнечный летний день.

6 КАРТИНА

На паровозе

Рука машиниста на рычаге регулятора.

Машинист Гудец хмурится, словно преодолевая постоянное искушение закрыть пар и остановить поезд.

— Всю дорогу меня это гложет... — бормочет он недовольно. — Что будем делать, Ямришко?

На лице кочегара, черном от сажи, сверкнули глаза.

— Не знаю, что... Но Гитлеру мы их не повезем, лучше уж...

Он не успевает договорить — внезапный толчок бросает его вперед: машинист вдруг резко тормозит, скрипят колеса, летят искры.

Впереди на путях — несколько деревьев, что-то вроде наскоро сооруженного и отнюдь не непреодолимого барьера.

Поезд уже послушно остановился перед самым завалом.

Со склона раздаются первые выстрелы.

К паровозу подбегает немецкий солдат.

— Partisanen! Weiterfahren... Weiterfahren! [1]

Машинист Гудец высовывается из будки, указывая на завал.

— Нельзя... не видишь?!

— Das ist nichts!.. — кричит солдат. — Nichts! Weiterfahren! [2]

Он взбирается на паровоз, доставая пистолет.

— Schnell!.. Schnell! Sofort! [3]

Кочегар Ямришко без размышлений ударил его лопатой.

— Иначе с ним не столковаться... — бурчит он, глядя, как тело немца медленно сползает вниз с паровоза.

Стрельба в долине усиливается.

7 КАРТИНА

Склон над железной дорогой

Из-за камней и деревьев партизаны обстреливают транспорт.

Немцы выскакивают из тормозных будок, прячутся за вагонами, залегают за насыпью и отвечают огнем на выстрелы партизан.

Кочегар и машинист, не обращая внимания на стрельбу, бросаются открывать вагоны; из них выскакивают заросшие узники и разбегаются в разные стороны.

Там, наверху, на склоне, капитан Федоров кричит партизанам по-русски:

— Точнее цельтесь! Осторожно, чтоб не задеть своих!

Винцо Пирш лежит под старой сосной. Его худое лицо словно вырезано из дерева. Он посылает из автомата короткие, экономные очереди.

— Ложись! — вдруг кричит он. — Мешаешь!

Эти слова обращены к одному из беглецов, солдату Матушу Сироню: он избрал дорогу вверх по склону, прямо к партизанам.

---

[1] Партизаны! Поезжай... Ехать дальше! (*нем.*)
[2] Это пустяк!.. Ерунда! Ехать дальше! (*нем.*)
[3] Скорей!.. Скорей! Немедленно! (*нем.*)

Матуш прижимается к земле, пули летят над его головой.

— Я ведь мог в тебя попасть, — ворчит Пирш. — Куда ты летишь как сумасшедший?

Солдат, отмахнувшись, еле переводит дыхание.

— Туда, за эту гору... Домой!

Винцо Пирш, продолжая стрелять, ворчит:

— Домой... домой... всем бы только домой!

Но Матуша уже и след простыл: он исчезает в лесу над откосом.

Пирша охватывает злость.

— Ты что? — кричит он ему вслед. — Думаешь, у других нет жены?!

И, выругавшись, продолжает стрелять.

Бой за освобождение транспорта продолжается.

8 КАРТИНА

Дорога домой

Матуш поднимается по горе, покрытой еловым лесом, сокращая путь: видно, что здесь он смог бы идти и с завязанными глазами.

Лес начинает редеть, в просветах виднеются зеленые луга, которые спускаются к деревне.

Небольшой белый костел, деревянные дома с гонтовыми крышами, огороды, за гумнами — полоски полей; над лугами темнеют леса, а выше их темнозеленой полосы — полонина.

Ветерна полонина над Яворьем.

Сюда и мечтал вернуться солдат; теперь он одним взглядом обнял все: полонину, луга, долину и деревню внизу, — и его глаза засветились каким-то суровым удовлетворением.

9 КАРТИНА

В деревне

Колокол на башне костела возвещает полдень, словно приветствуя солдата Матуша Сироня, который возвращается с фронта домой.

Он идет по деревне, взглядом вбирая этот небольшой, близко знакомый мир:

...подойники и жбаны, торчащие на частоколах, красная герань в маленьких окошках... усыпанные недозрелыми сливами ветки, перегнувшиеся в соседний сад... мозаика приготовленных на зиму поленниц, доходящих до самой крыши... а под крышами ласточкины гнезда...

Он идет по деревне и не прячется, не таится: деревня и так узнает, что надо.

А сейчас он почти никого и не встретил: колокола лениво звонят, навевая сонный мир горячего летнего дня.

Лишь около лавки Матуш останавливается — вернее, его останавливает мужчина в черной гардистской[1] форме, который накачивает камеру на колесе зеленого велосипеда.

— Привет, Матуш! — сердечно восклицает он. — Ну что, в отпуск? В отпуск?..

Гардист достает сигареты.

— Угощайся... Что нового на русском фронте?

Матуш пожимает плечом.

— Немцы удирают... как везде.

— А тебя они послали вперед, а? — усмехнулся гардист.

Матуш с наслаждением делает первую затяжку.

— Хорош у тебя велосипед, Амброз.

Владелец новенького зеленого велосипеда нахмурился.

— Погляди-ка, — показывает он на спустившую камеру. — Это пока я пил пиво. Мне почти каждый день портят шину.

— Ребятишки, — говорит Матуш.

— Может, ребятишки, а может, и...

У Амброза большая, почти квадратная голова, словно посаженная какой-то злой силой прямо на плечи. Он неприязненно оглядывает ближайшие дома.

— Не пойму, что за народ... Нашего брата ни во что не ставят... — Он вдруг испытующе смотрит на

---

[1] Гардист — член военизированной организации (гарды) — клерикально-фашистской «людовой» партии.

Матуша. — А ты что же это так, налегке? Ни чемоданчика, ничего!

— Пропил я, — отвечает Матуш, кивая на прощанье. — Ну, бывай...

Амброз задумчиво смотрит ему вслед.

Солдат без солдатского чемоданчика — это для него вещь непостижимая, даже противоестественная.

Вытерев пот со лба, он склоняется над велосипедом и продолжает накачивать шину.

Колокола, возвещающие полдень, все еще звонят.

10 КАРТИНА

На дворе

Колокола допели последний стих, на деревню опустилась послеполуденная тишина.

Из хлева выходит молодая женщина с полным подойником только что надоенного молока.

Она останавливается, ладонью прикрыв глаза от солнца.

— Матуш!

Ее крик вспугивает голубей. Подойник летит на землю... женщина бежит к воротам.

И Дунчо радостным лаем приветствует своего хозяина, рвется на цепи.

Солдат сжимает жену в объятиях.

— Мальчик родился или...

— Сам увидишь! — на одном дыхании отвечает жена.

По двору разносится новый крик.

— Матушко!.. Брат мой любимый!

Босоногая девушка — Зузка, сестра Матуша — уже бежит к воротам, юбки ее развеваются над загорелыми икрами.

В дверях показываются мать Матуша и его дедушка, Якуб Сиронь.

— Мама...

Мать крестит сыну лоб. А дедушка — еще крепкий мужчина — ворчит (это и упрек и приветствие одновременно):

— Ну что ж ты, пан солдат... Даже не написал, что едешь в отпуск.

— Я не в отпуск, дедушка... — Матуш вдруг запнулся, не зная, как им объяснить. — Для меня война уже кончилась.

Пораженные, они молчат.

— Сбежал! — догадалась Зузка.

Солдат кивает.

— Боже праведный! — испуганно восклицает жена. — Значит, тебя будут разыскивать, будут...

— Ясное дело! — перебивает ее дед. — Дезертиров всегда разыскивают... Так было и так будет. А потом посадят в тюрьму. А то и расстреляют.

Мать заломила руки.

— Господи, что ж ты наделал, сын мой...

— А ну-ка, помолчи! — перебил ее дед. — Слезами горю не поможешь. Надо его спрятать. На чердак, в кладовку или... Нет, лучше в хлев, под навоз. — А внуку-дезертиру дед бросает: — Чего ж ты разгуливаешь по деревне, дурень!..

11 КАРТИНА

В деревне

Вниз по деревенской улице едет Амброз. Он держится прямо, уверенно, как если бы сидел не на велосипеде, а на коне; ноги в начищенных до блеска сапогах неподвижно застыли на педалях, слегка тормозя.

Навстречу ему, подпрыгивая, бегут два босоногих сорванца.

— На страж! [1] — вежливо здороваются они.

— На страж! — с достоинством отвечает Амброз.

И, ловко описав небольшую дугу, он останавливается около какой-то калитки.

12 КАРТИНА

На дворе

Матуш, не соглашаясь с дедом, отрицательно качает головой.

— Но мне неохота прятаться, дед, я не хочу, чтобы...

---

[1] Гардистское приветствие.

— Тс-с, — прошипела Зузка.

А Амброз, прислонив зеленый велосипед к воротам так, чтобы он все время был у него на глазах, уже протискивается в калитку.

С видом старого приятеля подходит к притихшей семье.

— Доброго здоровья вам всем... Ну что, соседи, вернулся ваш? Совсем вернулся?

— Да где там, Амброзко, — вымученно улыбается мать. — На пару дней... вроде как на побывку...

Квадратная голова согласно кивает.

— А бумажка-то у тебя есть? — вдруг обращается он к Матушу.

— Какая бумажка?

— Да что отпустили. Ну-ка, покажи.

Солдат начинает шарить по карманам, делая вид, что ищет.

— Нечего показывать! — вмешивается дед. — Ты военный, Матуш. А он — так просто, обычный гражданский... Гардист, эка невидаль!

Никто не замечает, что за этой сценой — сквозь щели в жердинках забора — наблюдают те двое вежливых босоногих сорванцов.

Тонкая детская рука медленно тянется к вентилю на заднем колесе.

Засвистел воздух, резина тихо опадает.

На дворе мать Матуша говорит примирительным тоном:

— Амброзко, ну почему ты не оставишь его в покое, ведь он еще даже в дом не успел войти.

— И даже сына еще не видел, — резко говорит жена солдата.

У Матуша просветлело лицо.

— Значит, сын?..

— Да я ведь ничего, тетка, — оправдывается гардист. — Я только так, для порядка. Что мне, спросить нельзя?

Семья молча, враждебно смотрит на человека в черной форме. Он уже отступает, уже плетется к воротам.

— Если ты случаем найдешь эту бумажку, так мне ее... — напоминает он Матушу. — Ну, оставайтесь с богом.

Матуш первым приходит в себя: круто повернувшись, он входит в дом, женщины за ним.

Лишь дед еще стоит во дворе.

Амброз у ворот обнаруживает, что его велосипед и на сей раз пострадал.

— Какая это свинья опять?.. Чтоб ему ни дна ни покрышки!..

В ярости он оглядывается по сторонам.

Ребятишек, разумеется, и след простыл.

Лишь тащится, опираясь на палку, какая-то сгорбленная бабка, да она на ладан дышит, где уж ей спускать шины велосипедов...

Достав насос и опустившись на корточки, Амброз вновь принимается за свой сизифов труд.

Над забором появляется трубочка деда.

— Слышь-ка, Амброз... На что тебе велосипед? Был бы у тебя конь, не пришлось бы то и дело надувать.

Гардист продолжает накачивать шину, даже не оглянувшись.

— Вы еще увидите, — бормочет он. — Я вам всем покажу!..

И когда оборачивается к старику, в его взгляде столько злобы и ненависти, что у того мурашки бегут по спине.

13 КАРТИНА

В горнице

В колыбели спит младенец, который родился, когда отец-солдат был в дальних краях.

— Как вы его нарекли, Анка?

— Матуш... как и ты.

В глазах жены — страх.

— Что с тобой будет, муж мой?

— Война вот-вот кончится. Не бойся... Как-нибудь обойдется.

В комнату входит дед.

— Ну, пришел, порадовался, — говорит он тихо, чтобы не разбудить ребенка. — А теперь собирайся... Тебе надо уходить.

— Уходить? — потрясенно переспрашивает Анка.

— Амброз донесет. Нельзя тебе оставаться.

Солдат не может скрыть разочарования.

— Куда я пойду? И потом, я ведь только что пришел.

Но старик уже все обдумал.

— Лучше всего на полонину, к партизанам. Там и отца увидишь.

Матуш колеблется.

— Может, вы и правы, дедушка, — соглашается он наконец. — Через день-два я исчезну.

Старик энергично качает головой.

— Нет, прямо сегодня. Сейчас.

Солдат и его жена беспомощно смотрят друг на друга: слова деда — будто приказ, жестокий приказ, который не дает им права даже на одну-единственную ночь.

14 КАРТИНА

Под Ветерной полониной

Из-за дерева высовывается дуло винтовки.

— Стой! — приказывает голос.

Матуш послушно останавливается. Он уже не в форме, на нем — старая одежда, через плечо — полотняная сумка с провизией.

Партизан выходит из-за дерева.

— Далеко ли направился?

— К вам, на полонину.

— Кто здесь тебя знает?

— У меня тут отец, — отвечает Матуш. — Ондрей Сиронь.

Человек с винтовкой заколебался.

— Что ж, может быть, — говорит он. — Ну ладно, иди.

15 КАРТИНА

В землянке

Партизаны сидят после ужина. По кругу идет бутылка.

Плечистый партизан лет пятидесяти — это Ондрей Сиронь, отец Матуша.

— Да, такой он есть... в этом весь Матуш... — объясняет он друзьям, отпив из бутылки, и видно, что он гордится сыном. — Взбрело ему в голову, плюнул — и айда домой. В дезертиры подался!

Матуш смущен этим разговором.

— Таких было много, — бормочет он.

— Не захотел воевать против русских, а?

— Нет.

— Правильно, — довольно говорит отец. — Правильно, Матуш.

Винцо Пирш чистит автомат, равнодушно прислушиваясь к разговору.

— А что ты не перебежал к русским, а? — вдруг спрашивает он.

Матуш, глубоко затягиваясь, курит сигарету.

— Не захотелось.

— Что так?

Матуш не расположен к беседе.

— Не знаю. Так просто...

Суровое лицо Пирша требует более ясного ответа.

— Тошно мне воевать, — неохотно поясняет Матуш. — Не нравится мне это...

Пирш в удивлении прищелкнул языком.

— Да что ты говоришь? Всерьез? — И обращается ко всем присутствующим. — Слыхали? Коллеге не хочется воевать. Ему это не нравится!

В Матуша впиваются злые взгляды.

— А фашисты тебе нравятся?

— Не нравятся! — отвечает Матуш и упрямо добавляет: — Но и убивать мне не нравится.

Пирш с автоматом в руке подходит к нему.

— А вот нам пришлось убивать сегодня, нравится это кому или нет, — тихо произносит он. — Кстати, и ради тебя тоже. Чтобы вызволить вас из этого поезда.

Вся землянка напряженно ждет ответа.

— Ты домой помчался, а я стрелял. Заткнулся бы ты, приятель.

— Ну, ну, Винцко, потише,— вмешался отец Матуша.— Ты его не знаешь — и не задирайся.

Пирш в упор смотрит на Матуша и его отца.

— Это и впрямь ваш сын?

Отец смущенно кивает.

— Ну что ж, не всякая работа удается...— роняет Пирш под общий смех.— Лучше пошлите-ка его домой, пускай переждет войну там, у жениной юбки.

Матуш подымается.

— Какое тебе дело до моей жены, ты!..

Отец, вскочив, встает между ними.

— Кончай, Винцо! Ты не имеешь права так вот сразу... И ты не командир!

Лицо Пирша полно презрения.

— Такие вот хуже всего...— медленно говорит он, глядя Матушу прямо в глаза.— Такие трусы, что отсиживаются дома за печкой, выжидая, пока немцев прогонят другие.

Глаза обоих мужчин встречаются — в них молчаливая ненависть.

Взгляды эти—словно лезвия отточенных клинков.

16 КАРТИНА

В деревне

В Яворье ворчат машины: нагрянул моторизованный отряд СС.

Мотоциклы и грузовики уже сосредоточиваются на маленькой площади перед лавкой.

В деревне сразу прекратилась жизнь — будто остановилось кровообращение: закрыты ворота, захлопнуты ставни. Люди словно провалились сквозь землю.

На вымершую улицу медленно оседает пыль, поднятая машинами.

От лавки в глубь деревни походным маршем направляется группа эсэсовцев.

Во главе ее — гардист Амброз; зеленый велосипед, как всегда, при нем.

— Hier...[1]— указывает он на один из домов на противоположной стороне улицы.

Тотчас же двое солдат бегут к дому.

Амброз указывает на следующий дом.

— Hier.

---

[1] Здесь... (*нем.*)

Убегают следующие двое солдат.
И так они проходят через всю деревню.

— Hier... И здесь, опять hier.

Амброз произносит это спокойно, без ненависти, даже несколько торжественно: он наслаждается минутами своей власти.

— И еще, и тут hier! — указывает он на дом Сиронёвых.

Солдат, шагающий рядом с гардистом, в широкой ухмылке раскрывает рот, полный золотых зубов.

— Вы можете таварить... я панимать харашо, — сказал он вдруг на ломаном чешском языке, как обычно говорят судетские немцы.

Амброз тотчас разговорился:

— Вся эта деревня — сущая партизанская банда, а меня... меня они ненавидят! Рады бы утопить меня в ложке воды! — Он с горечью показал на велосипед.— Вот, взгляните, это они делают каждый день!

Обе шины, разумеется, спущены.

17 КАРТИНА

В лавке

Староста и двое пожилых крестьян терпеливо, невозмутимо слушают командира немецкой части, оберштурмфюрера Риттера.

— Ich brauche Holz... Pferde... Männer... Fuhrwerke... sofort! [1]

Староста лишь пожимает плечами.

— Мы, извиняйте, не понимаем. Ничего не понимаем...

— Да и нет у нас ничего! — присоединяются к нему крестьяне.

— Pferde... Männer... Fuhrwerke! — кричит немец.— Sofort!

В сопровождении гардиста Амброза входит солдат-переводчик.

— Комендант... он вас требует для сотрудничества,— обращается переводчик к крестьянам.— Он

[1] Мне нужен лес... лошади... мужчины... повозки... немедленно! (*нем.*)

нуждается в... ему нужны мужчины, лошади, фуры и...

— Was ist denn? — перебивает оберштурмфюрер.— Was soll das bedeuten? [1]

В лавку входят старики и женщины, молодые и пожилые; тут и мать Матуша, его жена Анка и сестра Зузка, она босиком—так, как ее оторвали от работы; здесь и дед Матуша. Но сильных, здоровых мужчин тут не видать.

Не веря своим глазам, оберштурмфюрер смотрит на процессию женщин и стариков.

— Wo sind die Männer?! [2]

— Где есть мужчины?— кричит и переводчик.— Команданту нужно мужчины и лошади... и дерево... Очень много дерева. И sofort!

Староста и крестьяне молчат — с таким видом, словно и теперь еще не совсем хорошо все поняли.

— Ну, леса-то здесь — ой-ой сколько! — подает голос гардист.— И мужчин хватает.

— А где же они, черт возьми, где они есть?

— А там,— гардист делает широкий неопределенный жест.— Там, где и лес... в горах, с вашего позволения.

Переводчик подскакивает к крайней женщине, которая стоит ближе всех.

— Где есть ваш муж?

— Мой муж вам лес не привезет. — Женщина спокойно смотрит на солдата. — Он умер год назад.

Палец немца указывает на женщину, стоящую рядом,— это мать Матуша.

— И ваш муж? — спрашивает он иронично.— Тоже мертвый? — Сиронёва не отвечает.— Где он есть? Гаварить! — Женщина, опустив голову, молчит.— Партизан, а? Бандит?

Мать Матуша не умеет обманывать. А может, она онемела от страха.

— Ты... не будешь гаварить? — Рука немца угрожающе поднялась.

---

[1] Что это такое?.. Что это значит? (*нем.*)
[2] Где мужчины?! (*нем.*)

Дед подскакивает к невестке, заслонив ее собой.

— Не тронь! А то я тебе...— вскипел старик, но не успевает договорить — под ударом, доставшимся ему.

— Не бейте!— кричит Зузка.— Я... я скажу!

Она выбегает из толпы и становится впереди матери и дедушки, она не может стерпеть, чтобы их били. И в страхе за родных — но и из-за внезапно охватившего ее упрямства — вдруг говорит:

— Да, наш отец — партизан! — И с гордым презрением глядит на немца.— Партизан, а никакой не бандит.

Оберштурмфюрер Риттер заинтересованно оглядывает девушку с головы до ног — молодое взволнованное лицо, блузку, приподнятую высокой грудью, босые ноги.

На его лице появляется неопределенная усмешка.

— Kein Partisan,— говорит он тихо.— Ein Bandit! [1]

— Партизан!

Немца притягивают эти молодые босые ноги.

Правый сапог Риттера медленно выдвигается вперед и слегка наступает на ногу девушки.

Может, даже и не из жестокости, а скорее от сознания безнаказанности и из какой-то мужской потребности причинить боль и унизить.

Зузка даже глазом не моргнула. Ее нога и не пытается высвободиться из-под сапога немца.

Риттер усмехается, словно развлекаясь своей игрой.

Но сапог начинает давить на ногу сильнее.

Девушка стискивает зубы.

— Пар-ти-зан,— тихо произносит она.

Немец вдруг надавливает на босую ногу изо всей силы.

Девушка вскрикивает... сверкнули слезы... она склоняет голову.

И вдруг плюет в немца.

Риттер отскакивает, выхватывает пистолет.

---

[1] Нет, не партизан... Бандит! (*нем.*)

Анка, бросившись к Зузке, толкает ее вниз, на пол... в тот же момент гремит выстрел.

Этот выстрел словно что-то расколдовал: зазвенели стекла, всюду загремела стрельба.

18 КАРТИНА

В деревне

Из-за углов домов, из-за заборов, из всех укрытий бьют партизанские автоматы и винтовки, летят гранаты.

Это партизаны с Ветерной полонины — они кажутся вездесущими.

На стороне немцев численное превосходство, но, застигнутые врасплох внезапным нападением и пораженные его стремительностью, они в смятении организуют оборону.

Закипел бой.

Группа партизан, в которой и отец Матуша, еще не вступила в бой: партизаны залегли на другом берегу ручья и выжидают, когда придет их время.

А перед лавкой уже ревут моторы. В панике, окутанная тучами пыли, мчится моторизованная часть вниз по деревне — бежит, боясь оказаться в окружении.

Оберштурмфюрер Риттер и переводчик на ходу прыгают в тронувшуюся с места машину... Вскакивает следом за ними и гардист Амброз — в последнюю минуту.

Лишь зеленый велосипед со спустившими шинами сиротливо прислонен к стене лавки.

И тут же ручная граната, предназначавшаяся немецкой автомашине, попадает прямо в велосипед: гордость Амброза взлетает на воздух.

Из мчащихся машин стреляют немецкие автоматы.

А на нижнем конце деревни немцев еще ожидает прощание с Яворьем: партизанская засада, притаившаяся за ручьем, обстреливает колонну.

Только скорость да тучи пыли, поднимаемые колесами, спасают немецкую часть от разгрома.

Матуш, стреляя, перебежками продвигается по улице от дома к дому.

В азарте боя он даже не заметил, что оказался у родного двора.

Окна в горнице выбиты.

Из дома доносится душераздирающий плач.

Матуш, вздрогнув, стреляет еще раз...

И, пнув ногой калитку, влетает во двор.

19 КАРТИНА

В доме

Ребенок, оставленный без присмотра, напуганный стрельбой, задыхается от слез.

Случайная пуля разбила окно, пол вокруг колыбели усыпан осколками стекла.

Матуш врывается в комнату, одним прыжком преодолевает расстояние до колыбели; стекло скрипит под его ботинками.

На одеяльце — тоже осколки. Матуш осторожно вынимает ребенка из колыбели — в страхе, не случилось ли с ним чего. Но никаких следов крови нет, а сын Матуша заходится так, словно с него сдирают кожу.

Из деревни доносятся последние одиночные выстрелы — и вдруг наступает тишина, нарушаемая лишь этим отчаянным детским криком.

Матуш беспомощен: он неуклюже качает сына, трясет его, бегает по дому, призывает на помощь:

— Анка!.. Мама! Да где вы, господи?!

Тишина в доме беспокоит его.

Он вбегает в горницу, укладывает плачущего ребенка в колыбель.

Лишь теперь он обнаруживает соску на ленточке, привязанную к шейке ребенка, и наконец делает самую простую вещь, которую надо было сделать сразу.

Покрасневшее от плача детское личико успокаивается и проясняется.

20 КАРТИНА

На дворе

Матуш выбегает из сеней, в руках у него — винтовка.

И застывает на месте: от ворот приближается дед, за ним Зузка с матерью, а сзади — отец.

На руках у отца — недвижимое тело Анки.

Лицо Анки прикрыто окровавленным платком; она без сознания или уже мертва.

Дед снимает шапку.

— Коли такова божья воля... пусть хоть дома умрет.

Матуш берет ее из рук отца.

— Анка...— шепчет он потрясенно.

Зузка плачет.

— Я виновата... Она меня спасти хотела, бедняжка...

С женой на руках Матуш входит в дом.

Так переносят через порог молодую.

21 КАРТИНА

В деревне

Густой черный дым вздымается над деревней — это догорает немецкая машина.

Всюду видны следы боя: разбитые машины, поврежденные стены, поваленные заборы, в кювете — перевернувшийся мотоцикл.

Но люди, хотя они еще во власти пережитого страха, начинают выходить: оглядывая дворы, дома, прикидывают размеры нанесенного им ущерба.

Двое партизан (один из них — Винцо Пирш) ведут по деревне пленного эсэсовца, которому не удалось удрать из Яворья.

За ними — на почтительном расстоянии — следует кучка ребятишек.

А перед лавкой шумно, толкучка: здесь и партизаны и деревенские — смех, улыбки, объятия; женщины утирают слезы.

И конечно, не обошлось без выпивки.

Корчмарь протягивает бутылки прямо через разбитое пулями окно, и они идут по кругу...

Яворье празднует первые минуты свободы.

Где-то заиграла гармошка, разносится песня о Чапаеве.

На лестнице-стремянке стоит мужчина с кистью в руке, он начинает писать на фасаде лавки, изрешеченном пулями, первую букву — огромную черную букву С.

Во дворе за лавкой стоит пленный немец — без оружия, вид у него кроткий и беспомощный.

Вокруг — кольцо зрителей, взрослых и детей; ребята постарше пугают младших, толкая их к эсэсовцу.

Винцо Пирш хмурится: то, что он должен охранять немца, ему совсем не по душе, он слышит песню и завидует тем, кто веселится около лавки.

— Возьми-ка пилотку у этого Адольфа,— вдруг приказывает он одному из мальчишек.

Тот колеблется.

— А зачем?

— Увидишь. Ну, не бойся!

Мальчик, осмелев, подходит к пленному и срывает с него пилотку; на ней эмблема — череп и скрещенные кости.

Лицо немца кажется застывшим.

— А теперь подбрось ее.

Пилотка летит вверх.

В самой высшей точке ее прошивает короткая очередь автомата Пирша.

Простреленная пилотка падает в пыль.

— Ну, что ж, пусть немного проветрится его эсэсовская башка,— говорит Пирш, обращаясь к своим зрителям.— Подай ее ему,— говорит он парнишке.

Зрители — и большие и маленькие — довольны неожиданным представлением.

Только немец недоволен — он зло вырывает пилотку из рук парнишки.

— Что, Адольф, не нравится?— проворчал Пирш.—Ну тогда еще раз. Бросай сам.

Жестом он поясняет приказ, чтоб немец подбросил пилотку сам.

Пленный понял.

Но не подбрасывает — он даже не шелохнулся.

Зрители зашевелились, развлекаясь продолжением представления.

— Ты что, не слышал? — прикрикнул Пирш.

Но немец заупрямился. Он не двигается.

— А ну, брось, не то...— угрожающее движение автоматом.

Пилотка тотчас взлетела в воздух.

Не очень высоко, но Пирш успевает попасть в нее. Изрешеченная пулями, она падает к ботинкам эсэсовца.

— Еще раз. И повыше, Адольф!

Немец наклоняется за пилоткой. Он отряхивает ее от пыли. Глаза его сузились.

И вдруг он бросает ее — наискось, неожиданно низко... Она летит прямо над головами зрителей.

— Не дури, Винцо! — кричит кто-то. — Не стреляй!

Но Пирш уже дал очередь — прямо над головами людей... И большие и малые разбегаются, словно вспугнутая стая воробьев.

Чудом не произошло несчастья — пострадал лишь гонтовый навес над входом в погреб.

Пирш вздыхает с облегчением. И вдруг цепенеет, услышав, как знакомый голос спрашивает по-русски:

— По шапкам стреляешь?

Подходит Федоров с тремя партизанами.

— Мне кажется, ты должен сторожить...

Во внешне спокойном тоне командира — ярость; Пирш понимает, что развлечение обойдется ему дорого...

— Обезоружить! — приказывает Федоров.

Один из партизан тотчас исполняет приказ.

— Могло и хуже быть, приятель...— говорит он Пиршу, отбирая у него пистолет и автомат.

Обезоруженный Пирш стоит как в воду опущенный.

Немец нагибается за своей пилоткой и, злорадно покосившись на Пирша, надевает на голову эти лохмотья, торчащие в разные стороны.

На фасаде лавки уже чернеет начало надписи: огромное слово СМЕРТЬ.

Но под этим черным словом кипит жизнь: здесь пьют и поют; женщины поприносили из дома сало, караваи хлеба, пироги и угощают бойцов и односельчан.

Несколько сильных рук подхватывают Федорова, партизаны сажают его себе на плечи, ему с разных сторон протягивают бутылки.

— Как у вас говорят,— отпивает капитан из каждой бутылки, — на здравье!

Бутылки поднимаются над головами, за это пьет вся деревня.

— Ура!.. Да здравствует командир!

— Да здравствует республика!

— Да здравствует революция!

Последний возглас обеспокоил коммивояжера Фердиша Венделя, который потягивает из стопки вино, стоя у окна лавки:

— Что это они кричат, какая революция?

— Выпили, вот и кричат,— отвечает корчмарь.

— Немцев прогнать — это, конечно, надо,— рассуждает Вендель.— Но если начнутся революции — не будет торговли.

Корчмарь в ответ только махнул рукой.

— Это единственное, чего я не боюсь, пан мой... Словаки всегда пили и будут пить.

Сильные руки все еще не отпускают Федорова, люди хотят услышать хотя бы несколько слов.

— Да здравствует наша победа,— предлагает тост капитан.— За вашу и нашу свободу!

В кадре — изрешеченная пулями каменная стена лавки; надпись уже почти готова.

СМЕРТЬ ФАШИЗ...— провозглашают большие черные буквы (простой мотив гармошки разрастается в оркестровую сюиту... переходя в могучий хорал, проникнутый боевым духом).

На крыше уже развевается чехословацкий флаг, первый в деревне.

II. ЛЕТО — ОСЕНЬ

22 КАРТИНА

Монтаж

На фоне развевающихся знамен или звонящих колоколов появляются — как бы из глубины — слова:

СЛОВАЦКИЙ
НАРОД
ВОССТАЛ.

23 КАРТИНА

Кабинет тактической группы

На стене — военная карта центральной Словакии.

Капитан Подгорец втыкает цветные значки, отмечая линию фронта.

— Что ж, выглядит это неплохо, — довольно говорит полковник Кропач.—Держимся, и это главное.

— Мобилизация прошла очень хорошо,— замечает майор Вайда.

Полковник подходит к карте.

— Да,— говорит он задумчиво.— Но численное превосходство — это численное превосходство. А против численного превосходства действенна только оборона.

— И у обороны есть свои минусы, пан полковник, — откликается капитан Подгорец. — Обычно она губит любое восстание.

— Кто вам это сказал?

Капитан колеблется.

— Это сказал Ленин, пан полковник.

Полковник поднимает мохнатые брови.

— Ленин?.. Не знаю. Я солдат, а не политик. И я не шахматист, который ходит в кафе играть в шахматы, пан капитан. Возможно, там и оправдывается принцип, что наилучшая оборона — это на-

падение.— Он раздраженно хлопнул рукой по краю карты.— Но это вам не шахматы, дружище! Военный план восстания рассчитан на использование всех оборонительных возможностей гористой местности. Уж не хотите ли вы сказать, что это не оправдано в стратегическом отношении?

— Этот план — также и ваше произведение, пан полковник,—сдержанно ответил Подгорец.—Позвольте поэтому не высказывать мнение о нем.

Он берет бумаги и, козырнув, уходит.

— Вот, полюбуйся,— говорит полковник.— Гитлер послал против нас отборные дивизии СС, а он хочет воевать против них цитатами из Ленина.

— В общем-то он способный малый, — заключает майор Вайда. — Но может быть, его недостаточно используют здесь, в канцелярии...

Они обмениваются быстрым взглядом.

— Ты прав...— задумчиво отвечает полковник Кропач.— Не будет вреда, если он проверит свои теории на практике.

24 КАРТИНА

Цех в железнодорожных мастерских

Бронепоезд, свежепокрашенный, в сине-желто-коричневых разводах, готов отправиться в путь.

Около поезда выстроились команды вагонов.

Капитан Подгорец, командир бронепоезда, останавливается около группы из пяти солдат.

Первый встает по стойке «смирно».

— Сержант Балог, командир пулеметчиков вагона.

— Ты из той бригады, которая сваривала броню?

— Так точно, пан капитан.

— Ну, посмотрим, как вы поработали,— улыбнулся Подгорец, постучав по броне костяшками пальцев.— Кто из вас уже ездил на таком поезде?

Никто не отвечает.

Ни солдат Матуш Сиронь.

Ни солдат Пирш, бывший партизан.

Ни солдат Вендель, бывший коммивояжер.

Ни молодой доброволец Чилик.

— Это лучше, чем обычный поезд,— говорит капитан.— Тут ведь броня толщиной в семь миллиметров, и не надо платить за проезд.

Солдаты улыбаются: они оценили, что командир таким способом подбадривает их.

И лишь двое смотрят хмуро — солдат Пирш и солдат Сиронь.

— Есть какие-нибудь вопросы?

Пирш тотчас выступает вперед.

— Прошу перевести меня в другую команду.

— Причина?

— Личная, пан капитан.

— Что ж, потом посмотрим... а сейчас уже нет времени,— отвечает Подгорец и обращается ко всем.— Немцы жмут вверх, на Кремницу. Мы должны помочь, надо поддержать нашу пехоту.

Он оглядывает своих пулеметчиков.

— Ну как, ребята, справимся с этой работой?

25 КАРТИНА

Штаб дивизии СС

Оберштурмбанфюрер СС Штумпф, склонившись над картой, разложенной на столе, констатирует:

— Сплошь горы, долины... коварный рельеф. Непросто будет ликвидировать это восстание.

Оберштурмфюрер Риттер удивленно поднял брови.

— Восстание? Герр оберштурмбанфюрер...

— Да, я знаю, мы называем это путчем. А этих людей бандитами. Мы всегда говорим так, Риттер...— Сняв очки, он трет глаза.— В Польше... в Югославии... в Греции... Франции... в каждой оккупированной стране.

Усталость на его лице сменяется твердостью, голос вновь звучит жестко.

— Но никогда нельзя забывать, что за каждым организованным сопротивлением всегда стоят наши главные враги — коммунисты.

Штумпф снова склоняется над картой.

— И здесь тоже так. Впрочем, в этом вы убедились на собственной шкуре, Риттер,— не удержался он от колкости.

Его палец вдруг ткнул в точку на карте, отмеченную цветным кружком.

— Hier. Здесь вам представится возможность,— Штумпф бросает на Риттера быстрый взгляд,— реабилитироваться, герр оберштурмфюрер.

Риттер замирает по стойке «смирно».

— Я воспользуюсь этим шансом, герр оберштурмбанфюрер.

26 КАРТИНА

Долина Грона

На крутых горных склонах — первые краски осени.

Бронепоезд по узкой долине Грона идет вниз.

Он состоит из шести вагонов: два орудийных, один пулеметный, одна платформа, один с зенитным орудием и комплектом запасных рельсов и один вагон технической команды, в котором установлен тяжелый пулемет.

И паровоз, покрашенный так же, как и вагоны.

В будке, укрытой слоем брони, два знакомых лица — машинист Гудец и его кочегар.

Двери печи раскрыты, машинист и кочегар обливаются потом.

— Следи за огнем, Ямришко,— напоминает Гудец.— Увидят немцы дым, так первым делом будут целить в нас, чтобы вывести из строя поезд.

— Кукиш они увидят, а не дым, — коротко отвечает кочегар.

Над трубой паровоза лишь слегка дрожит горячий воздух, и никакого дыма; они идут в бой, как говорится, с чистым огнем.

27 КАРТИНА

В пулеметном вагоне

Сквозь щели бойниц, словно щупальца, проникают лучики света, они словно обшаривают людей и оружие.

В вагоне тесно, неудобно, обстановка производит гнетущее впечатление; солдаты сидят на низкой скамейке и молча курят.

Пирш и Сиронь постарались сесть как можно дальше друг от друга.

Солдат Вендель, образцово остриженный «под горшок», разложил на коленях белый носовой платок, на нем — пилка и ножнички: он спокойно и сосредоточенно занимается маникюром.

Доброволец Чилик с любопытством наблюдает за его действиями — такого он никогда не видывал.

— Что это вы делаете, пан Вендель?

— Я вижу, парень, что обычная гигиеническая процедура тебе в диковинку,— неторопливо отвечает коммивояжер.— Но не забывай, что хороший солдат всегда и во всем соблюдает чистоту, с головы до пят. А это — в случае ранения — уменьшает возможность заражения крови.

Все слушают молча. Оказывается, у резервиста Венделя — устоявшиеся взгляды. И только Винцо Пирш ворчит:

— Не бойся, тебе заражение крови не грозит. При первом же выстреле ты наложишь в штаны и испаришься.

— Что это ты придумал насчет перевода? — спрашивает его сержант.

— А тебе какое дело? — небрежно отвечает Пирш.

— Чтоб тебе было ясно: здесь командир я,— говорит Балог.— И я хочу знать, что тут у меня за компания... и что кого грызет.

Пирш качнул головой в сторону Матуша.

— Спроси его!

Все смотрят на молчаливого солдата, сидящего в углу.

Матуш сильно изменился: заросший, угрюмый, замкнувшийся в себе — так молчат лишь мужчины в несчастье.

— Не пойму, чего он прицепился...— неохотно прогудел он.— Вижу его второй раз в жизни. И ничего ему не сделал.

— А разве не ты говорил, что не хочешь воевать? Что надоела война, что тебе не хочется...

— Ну а если и сказал?! — вскипел и Матуш.— Ведь я еду на фронт — так же, как и ты. Чего ты привязался, а?

Глаза у них засверкали: у Пирша — презрительно, у Матуша — зло, как у человека, вынужденного защищаться.

— Остыньте малость, ребята,— говорит сержант, смущенный странным спором.— С этим покончено. После делайте что хотите, а тут у меня не грызитесь. Я этого не потерплю!

И он подошел к перископу, давая этим понять, что разговор окончен.

— Ну извини, пан сержант,— оскорбленно проворчал Пирш.— Я вот, к примеру, хотел бы знать, мужики тут или тряпки.

Сержант обернулся.

— Это выяснится очень скоро. Все по местам! Мы в зоне боев.

28 КАРТИНА

Склон горы над железнодорожным полотном

На опушке леса — маскировочные сети батарей, по склону разбросаны пулеметные гнезда.

Повстанческая пехота окапывается.

Солдаты на минуту перестают рыть окопы, глядя на бронепоезд. Пехотинцы радуются, некоторые в знак приветствия поднимают пилотки.

Поезд на полных парах идет вверх по долине.

29 КАРТИНА

В пулеметном вагоне

Они уже сидят за пулеметами: Пирш и Сиронь с одной стороны, Чилик и Вендель — с другой; сержант застыл у перископа.

В тишине монотонно стучат колеса.

— Стучит, будто старая швейная машина,— ворчит Чилик.

— Ошибаешься, — возразил Вендель. — «Зингер», к примеру, вообще не стучит... Машина «Зингер» поет и шьет сама!

Он достал из кармана белые карточки.

— Адрес нашей фирмы.— Вендель показывает фирменные визитные карточки, предлагая всем.— Извольте, берите все, у кого хорошая жена... у которой еще нет хорошей швейной машинки.

— Господи, хоть бы ты замолчал! — взрывается Матуш.— Вот привязался!

— Что это ты такой нервный? — удивляется Вендель.— Извольте, пан сержант.

Командир пулеметного вагона интересуется:

— А в кредит можно?

— Для пана сержанта я добьюсь особой скидки,— охотно обещает Вендель.

Сержант засовывает визитную карточку в карман.

— Что ж, поглядим... потом, после войны.

В пулеметном вагоне вновь наступает тишина.

Лишь тихо, монотонно стучат колеса. На молодого Чилика эта тишина и бездеятельное ожидание действуют угнетающе.

— А мой старший брат — летчик,— говорит он вдруг.— В английской королевской армии. Он летал и над Африкой, когда Роммеля гнали по всей Сахаре.

Балог отрывается от перископа.

— А долгонько же это у них тянулось, дружище! Если б не русское наступление, то...

— Пан сержант,— перебивает его Чилик,— если бы не западные союзники, то русские сегодня не стояли бы перед Карпатами.

— Что правда, то правда,— «соглашается» Балог.— Они стояли бы за Карпатами. И теперь здесь была бы Красная Армия, а не немцы.

Прежде чем Чилик успевает возразить, вдруг раздается голос солдата Сироня:

— А сколько их, этих немцев?

— Говорят, восемь дивизий,— отвечает Балог. — А что?

— Боится,— роняет Пирш.

Матуш игнорирует его; колеблется.

— Там среди них есть один мой,— произнес он наконец.— Только я не знаю, где мне его найти.

В этих словах слышится что-то, что побуждает Пирша взглянуть на Матуша.

Впервые в его взгляде нет ненависти — лишь любопытство.

30 КАРТИНА

Шоссе в долине

На шоссе, идущем ниже железнодорожного полотна, завал — камни, стволы деревьев.

Первые машины немецкой мотопехоты останавливаются перед препятствием.

Немцы выскакивают из машин. Мотоциклисты пытаются объехать завал ниже дороги, по неровному бугристому откосу, маневрируя между камнями. Долину наполняет гул надсадно ревущих моторов.

Препятствие начинают обходить и первые автомашины колонны — они уже выехали на шоссе за завалом, остальные машины также пытаются объехать его.

А наверху, на склоне горы, из черного жерла туннеля вынырнул бронепоезд.

Стволы его орудий и пулеметов тотчас поворачиваются в сторону долины.

31 КАРТИНА

В пулеметном вагоне

Солдаты Пирш и Сиронь строчат из пулемета.

Балог подскакивает к Венделю, сам начинает стрелять... в тот же момент застрочил и пулемет Чилика.

Пулеметный вагон стреляет из всех пулеметов.

32 КАРТИНА

Шоссе и железная дорога в долине

Грузовая машина взлетает в воздух — прямое попадание орудия бронепоезда.

Загораются еще две машины. Немцы выскакивают из пламени.

Неожиданное появление бронепоезда и его атака вызвали невыразимое замешательство: машины, стоящие на шоссе перед завалом, задним ходом двигаются по узкому шоссе, машины, обошедшие завал, поворачивают назад, вновь обходят его, но им не дают маневрировать перевернутые и горящие машины.

Орудия и пулеметы поезда продолжают свое дело: немцы оказались в западне.

Моторизованная часть, в этот момент не способная к обороне, отступает как попало, и паника на шоссе, забитом машинами и мотоциклами, возрастает.

Один из мотоциклистов въезжает в ручей и пытается спастись, двигаясь вверх по каменистому руслу.

Бронепоезд преследует отступающего противника, тихим ходом продвигаясь в том же направлении, и ведет огонь из всех орудий и пулеметов, тесня немцев назад, вверх в долину.

Из башни штабного вагона капитан Подгорец, глядя в бинокль, наблюдает за ситуацией.

Вдруг он поворачивается, смотрит поверх лесов на север и исчезает в башне.

Едва за ним захлопнулась крышка люка, как, резко тормозя, заскрипели колеса. Бронепоезд останавливается.

33 КАРТИНА

В пулеметном вагоне

Сержант кричит, продолжая стрелять:

— В чем дело? Почему мы стоим?

В ту же минуту поезд двигается вновь и идет все быстрее и быстрее.

Солдаты, недоумевая, смотрят друг на друга.

— Возвращаемся! — на одном выдохе говорит Вендель.

— Чего это мы пятимся назад?! — кипятится Пирш.— Почему не идем за ними вдогонку?

Все заглушает резкий воющий звук.

34 КАРТИНА

В долине

«Юнкерс-87» пикирует на поезд.

С площадки вагона бронепоезда бьет зенитное орудие.

Взрывы, детонация...

Но поезд уже у самого туннеля, под защиту которого он так отчаянно спешил.

35 КАРТИНА

В пулеметном вагоне

Сквозь бойницы сыплется глина и пыль.

И внезапно словно наступили сумерки... Затем — полная тьма: они уже в туннеле, ускользнули в последнюю секунду.

Колеса замедляют ход, поезд останавливается.

Солдат Вендель начинает смеяться.

— Теперь они уже могут нас... уже могут нас крест-накрест!

Смех переходит в судорожные, истерические всхлипы.

— Прекрати! — раздается из темноты голос Балога.

Его фонарик выстреливает острый луч — ослепленный Вендель переводит дыхание, жмурится и, придя в себя, затихает.

Луч фонарика скользит по лицам трех остальных — солдата Сироня, Пирша и добровольца Чилика; он словно ощупывает их, как бы удостоверяясь, все ли с ними в порядке.

Лица троих напряжены: они молчат, сидят неподвижно, прислушиваясь, как поблизости падают бомбы — детонацию теперь слегка приглушают массы земли над туннелем.

36 КАРТИНА

В туннеле

Машинист и кочегар стоят на шпалах.

— Не нравится мне это, Ямришко,— говорит Гудец, глядя в сторону нижнего выхода из туннеля.— Что-то слишком много пыли.

В полутьме висит густая удушающая пыль — не видно ничего.

— Ну-ка, глянь, но поживей.

Свод и стены туннеля сотрясаются от взрывов бомб.

Машинист достает сигарету и смотрит в пыльную тьму, в которой исчез его кочегар.

Ямришко подбегает к нижнему выходу.

Он в полосе света... он уже видит, что перед ним.

На лице кочегара страх: там, прямо у самого туннеля, на полотно упали бомбы. Шпалы разбросаны, рельсы повисли в воздухе без опоры; полотно повреждено в нескольких местах, путь назад отрезан.

Кочегар бегом возвращается в туннель.

37 КАРТИНА

Склон с каменоломней

Склон горы, щербатый от выемок каменоломни. По обеим сторонам каменоломни — смешанный лес.

В долине еще слышен гул улетающих «Юнкерсов-87».

На склоне, за старой вывороченной пихтой, хорошо замаскированное пулеметное гнездо немцев.

А по горе рассыпались немецкие стрелки, они или залегли, или замаскировались за деревьями — это остатки моторизованной пехоты, рассеянной внезапной атакой бронепоезда.

Стрелки начеку, они выжидают.

Повыше стрелков, за тяжелым пулеметом лежат два пулеметчика; сзади их защищает скалистая стена каменоломни, а спереди — обрыв.

Тут же — офицер, командующий частью, оберштурмфюрер Риттер; он рассматривает долину в бинокль.

В поле зрения бинокля — и в оптическом приближении — мы видим поврежденный участок железнодорожного полотна перед туннелем.

Близко и отчетливо — как на ладони.

Или — как на стрельбище.

На поврежденном полотне нет ни души.

38 КАРТИНА

В пулеметном вагоне

В вагоне теперь горит карбидная лампа.

— Есть, пан капитан... так точно, двое... вас понял.

Сержант Балог кладет телефонную трубку.

— Капитан считает, что они близко,— обращается он к солдатам.— Может, мы не всех прогнали... может, они здесь и выжидают, пока мы выйдем ремонтировать путь.

Все молчат.

— Ну, так что будем делать? — ворчливо спрашивает Пирш.— Просиживать штаны?

— Двое пойдут в разведку.

Сержант указывает на Пирша и Матуша.

— Ты и ты.

— Я с этим? — возражает Пирш.— Почему именно мы?

— Потому что вы такие хорошие друзья,— сухо отвечает сержант.— Вот и покажите теперь, на что способны.

— Что надо разведать? — спрашивает Матуш.

— Все, что сможете. Идите по отдельности и попытайтесь пробраться наверх, обойти немцев сверху.

— А почему двое из нашего вагона? — спрашивает Пирш.

— Ты еще здесь? — недовольно говорит сержант.— Да потому, что мы сейчас выведены из строя. Из туннеля может выйти только последний вагон, а дальше путь разворочен.

Пирш уже не возражает, торопясь вслед за Матушем.

Сержант снимает со стены автомат, Венделю и Чилику протягивает по винтовке.

— Рабочая бригада будет ремонтировать путь, а мы будем ее прикрывать.

— Все? — вырывается у Венделя.

Солдат Вендель охвачен страхом, на лбу у него выступили капельки пота; он держит свою винтовку так, словно она обжигает.

39 КАРТИНА

Склон с каменоломней

Из-за камней высовывается немецкий тяжелый пулемет, около него неподвижно лежат пулеметчики.

Оберштурмфюрер не отводит бинокль от глаз.

В поле зрения — снова поврежденный путь: разбросанные взрывами шпалы, разбитая насыпь, рельсы без опор.

Из туннеля вдруг выбегает солдат с заступом и топором; согнувшись, он под прикрытием насыпи бежит к поврежденному месту.

Пулеметчики взглянули на офицера.

Риттер не реагирует, наблюдая за железнодорожным полотном.

В поле зрения появляются солдаты рабочей бригады с инструментами, заступами, топорами; они вынесли и запасные рельсы.

Солдат, выбежавший первым, машет остальным, подбадривая их.

Оберштурмфюрер поднимает руку...

Тяжелый пулемет открывает огонь.

Вслед за ним начинает стрелять и пулемет, укрывшийся за пихтой.

И, как стократное эхо, звучат выстрелы автоматчиков, рассыпавшихся по лесу, окружающему каменоломню.

40 КАРТИНА

Около туннеля

На путях валяются брошенные лопаты, заступы, топоры.

И первые жертвы: мертвые и раненые.

Рабочие побросали свой груз; зазвенели брошенные рельсы. Невооруженные солдаты рабочей бригады бегут назад, в туннель.

Туда же бежит и капитан Подгорец, что-то крича на ходу.

Работать под таким огнем — верная смерть; если они хотят исправить пути, спасти поезд и вернуться домой, надо принять бой.

И они защищаются, стреляя из пистолетов, винтовок и автоматов; солдаты залегли на откосе около туннеля, и им неудобно стрелять в немецких пулеметчиков, у которых выгодная позиция — они наверху.

Сержант Балог укрылся за штабелем шпал, сложенных около путей. Но и его уже обстреливают — от шпал отлетают щепки.

Солдат Вендель выглядывает из туннеля — словно суфлер из будки—и время от времени стреляет вверх, по направлению к лесу.

Вдруг у него сдуло пилотку. Пуля, рикошетом отскочившая от скалы, залетела прямо сюда.

Чилик подскочил к нему.

— Что с вами?

Вендель схватился за голову.

— Где моя пилотка?..

Тут он замечает, что ладони у него в крови, и, побледнев, падает на руки Чилика.

За деревьями заметно движение — немцы продвигаются вниз, чтобы сократить расстояние и стрелять точнее.

Тут из туннеля, дав задний ход, медленно появляется бронепоезд... тот один-единственный вагон с орудиями, который умещается на сохранившемся в целости отрезке пути; остальные вагоны остаются в туннеле.

Колеса двигаются очень медленно: даже этот простой маневр — весьма рискованная вещь на разрушенном пути.

Вагон останавливается перед самой воронкой.

Еще чуть-чуть — и колесо раздавило бы мертвого солдата, лежащего на рельсах.

Орудие поворачивается в сторону склона, откуда немцы ведут стрельбу.

41 КАРТИНА

Склон с каменоломней

Прямым попаданием выведен из строя пулемет за вывороченной пихтой. Но бой продолжается.

С дерева свисают остатки уничтоженного осиного гнезда; разъяренные осы дико кружат безумными кругами.

Так же как и люди под ними, которые стреляют и борются, проходя по своим кругам жизни и смерти.

Пирш лежит за пнем, сосредоточенно стреляя; теперь разведка уже потеряла смысл...

С другой стороны каменоломни ползет вверх Матуш, руки его изранены о камни в кровь.

Он останавливается, отдыхает.

На теплый, нагретый солнцем камень садится бархатная бабочка, крылышки ее переливаются на солнце.

Орудие бронепоезда меняет угол обстрела, целясь в тяжелый пулемет в каменоломне.

... и первый же снаряд разрывается чуть повыше Матуша; его сверху засыпает камнями и землей.

Придя в себя, он видит, что нет автомата.

Автомат лежит в нескольких метрах от него, ниже по склону, его засыпало камнями.

Матуш подползает, достает оружие из-под камней — ствол и магазин деформированы.

Он стреляет в землю, спусковой крючок щелкает, но ничего — ни одного выстрела.

Пирш подползает к вывороченному дереву, за которым лежит убитый немец.

В руке он еще держит гранату. Пирш снимает ее с предохранителя... бросает.

Шершни, приведенные в ярость гибелью своего гнезда, бешено кружат вокруг дерева.

Оберштурмфюрер Риттер свирепо кричит:

— Schneller! Schneller! [1]

Оба пулеметчика тащат тяжелый пулемет на новое место.

Туда, где Риттер, к самой каменной стене у излома каменоломни — там меньше угроза попадания.

В то место, где только что стоял пулемет, попал снаряд.

Сержант Балог напряженно вслушивается.

— Не стреляют... Значит, попали!

В тот же момент вновь застрочил пулемет — уже с нового места.

Матуш прижимается к земле: пулемет совсем близко от него.

Он подползает к краю стены, вцепившись пальцами, подтягивается.

Пулемет — под ним, в двух-трех метрах.

И строчит, стреляет по поезду, по путям, по товарищам...

Матуш высовывает ствол автомата.

Он даже не дышит, целится... он еще надеется.

Но и сейчас выстрела нет.

Он пробует еще... еще и еще раз.

Безрезультатно. Он обливается потом, его бросает в жар.

Решившись, Матуш прыгает вниз.

Еще в прыжке, приземляясь, он ударяет пулеметчика прикладом автомата.

И что-то бешено кричит, угрожающе целясь из автомата, который не стреляет.

Немцы в состоянии шока, они поднимают руки. Риттер бросает к ногам Матуша автомат.

Матуш быстро наклоняется за ним.

---

[1] Быстрее! Быстрее! (*нем.*)

42 КАРТИНА

В долине

Бронепоезд возвращается домой.

Пехотинцы, окопавшиеся на склоне горы под лесом, снова приветственно машут руками.

Словно говоря: спасибо за помощь... и приезжайте в следующий раз.

Поезд выполнил свою задачу: сегодня немцы здесь не прошли.

Но не все возвращаются домой: на платформе, между штабелями рельсов, прикрытые брезентом, лежат те, кто уже не вернется никогда.

43 КАРТИНА

В пулеметном вагоне

Кроме Венделя, здесь все.

А в углу на полу сидят пленные Матуша: оберштурмфюрер Риттер и два пулеметчика.

На них никто не обращает внимания. Бутылка ходит по кругу.

Пирш торжественно говорит Матушу:

— За твое здоровье, браток!

Отпивает и, поморщившись, провозглашает:

— Разве я не говорил, что Матуш — парень что надо?

Таков уж Винцо Пирш, и такая у него манера мириться.

Теперь бутылка уже у сержанта.

— Жалко, что нет с нами и того, который продает швейные машины...

— Бедняга, едва высунулся из туннеля, и сразу ранило,— говорит Чилик.— Хорошо, рана пустяковая — царапина...

— Не помог ему маникюр,— замечает Пирш.

Взяв бутылку, он показывает ее Риттеру.

— Ну, что пялишься, Адольф? Хлебнуть охота, а? Да только ты не заслужил.— Отпив, он подал бутылку Матушу.— Он вас взял... а не вы его.

Матуш улыбается. Возможно, в первый раз за все время.

— Может, я боялся еще больше, чем они.

Пирш снимает со стены поврежденный автомат.

— О том, что случилось, ты лучше и не рассказывай нигде, Адольф.

Он показывает деформированные части автомата, ласково объясняя:

— Видишь... вот и вот... капут! А вы сразу...

Он показывает, как они сдавались.

— Что же вы не присмотрелись получше, балбесы?

Немцы в смятении слушают, слов они не поняли, но смысл жестов им ясен: они начинают догадываться, в чем дело.

Пирш достает полную обойму.

— Это не капут... видишь?

Он вставляет обойму и направляет заряженный автомат на немцев.

— Только это работает...— говорит он, держа палец на курке.— Глянь-ка, Адольф... я покажу тебе.

— Не дури,— вмешивается Матуш.— Вдруг случайно выстрелит?

Но палец Пирша уже нажал на курок. Раз, другой.

Балог вырывает у него автомат.

— Не дури! Ты же мог убить их, баран.

К немцам возвращается жизнь... ужасный момент позади.

— Да, это факт,— соглашается Пирш.— А их еще и не допросили.

Оберштурмфюрер Риттер смотрит на Матуша.

На того солдата, который взял их голыми руками. С оружием, которое не стреляет.

Он смотрит на Матуша таким долгим, сосредоточенным взглядом, словно хочет запомнить его на всю жизнь.

Раздается телефонный звонок: вызывает штабной вагон.

44 КАРТИНА

В штабном вагоне

— Послушай, Балог,— говорит капитан Подгорец, держа в руках документы пленных,— с пленных не спускайте глаз, один из них—крупный чин. И поблагодари ребят за то, что хорошо держались. А этого солдата, что взял немцев, я представлю к медали.

— Так точно, пан капитан,— отвечает голос сержанта.

— Я надеюсь, вы там не пьете сейчас,— говорит командир.

— Никак нет, пан капитан,— вновь отвечает голос.

Подгорец, усмехнувшись, вешает трубку.

— Все вы тоже хорошо держались,— хвалит он и свой штаб.

В вагоне сидит и солдат Вендель, голова у него забинтована.

— А ты чем занимаешься на гражданке? — спрашивает его капитан.

Бледные губы резервиста словно не в силах ответить, но рука механически тянется к карману: достав визитную карточку фирмы, он протягивает ее капитану.

— В кредит... а для вас со скидкой,— шепчут наконец бледные губы.

45 КАРТИНА

В пулеметном вагоне

Сержант Балог качает головой.

— Ты мне не рассказывай, что не хочешь медаль. Такого солдата я еще не видал.

Матуш равнодушно пожимает плечом.

— Да ведь ты заслужил, дружище! — вмешивается Пирш.

— Не надо,— бормочет Матуш.

— Что — не надо? — удивляется и Чилик.

— Я ничего не хочу... Пусть мне только дадут того немца.

Он умолкает, отпивает из бутылки.

— Какого немца?

В другое время он бы не ответил. Но сейчас самогон развязал ему язык.

— Он стрелял в мою жену... Она, наверно, ослепнет.— Матуш опустил голову на ладони.— Я не вернусь домой, пока не найду этого немца.

Наступила тишина. Все молчат. Что тут скажешь?

Они молча передают друг другу бутылку и пьют.

Оберштурмфюрер презрительно наблюдает за словацкими солдатами. То веселились, а то вдруг скисли — как всякая неполноценная раса...

Сержант чувствует, что надо что-то сказать. Он тут самый старший. Он — командир. И боевой товарищ солдата, у которого немцы искалечили жену.

Но он вдруг не находит нужных слов.

— Что ж, я тебя понимаю...— вздыхает он наконец.— Многие люди ищут сейчас по свету своего немца.

Постепенно Балог обретает уверенность.

— Только этого, пожалуй, мало — разбивать отдельные колесики, винтики. Теперь надо разбить всю машину, ребята, всю гитлеровскую машину!

Матуш поднимает измученное лицо.

— Плевать мне на Гитлера... Мне нужен тот немец.

46 КАРТИНА

На станции

На маленькой станции суматоха; здесь масса людей — штатские и военные, горожане и деревенские, железнодорожники и сестры из Красного Креста.

С корзиной в руке, потерянно и беспомощно мечется в толпе Зузка.

— Скажите, пожалуйста,— останавливает она какого-то господина.— Вы не знаете, когда придет этот поезд?

— Какой поезд?

— Ну, этот, бронепоезд.

— А ты думаешь, Маришка, такой поезд ходит по расписанию? Как любой местный?

Девушка бесцельно бродит по станции.

На перроне стоит мужчина в красной фуражке— стоит величественно, неподвижно; эта фигура внушает почтение.

— Простите...

Дежурный по станции оборачивается и вежливо прикладывает руку к фуражке.

— Вы не знаете, когда придет бронепоезд? — спрашивает девушка.

Лицо под фуражкой тотчас становится строгим.

— Это военная тайна, барышня,— звучит строгий ответ.

Зузку уже утомило долгое ожидание, но она еще не сдается.

Может, тот солдатик, вон там... У него на рукаве повязка, вот и сейчас он что-то объясняет какому-то человеку. И потом, он не намного старше, чем она.

— Скажите, пожалуйста, бронепоезд... когда придет? Я жду с самого утра.

Солдатик слушает деревенскую девушку с радостью.

— С утра? А кого? — выспрашивает он для начала.

— У меня там брат.

Ответ удовлетворил его, но есть, конечно, и еще одно условие.

— А если я скажу тебе, где надо ждать... ты мне дашь что-нибудь?

Зузка с улыбкой подтверждает, что даст.

И приоткрывает салфетку на корзинке, чтобы показать, что она даст солдату: посыпанные сахарным песком домашние булки.

47 КАРТИНА

У ворот железнодорожных мастерских

Зузка стоит у больших ворот и нетерпеливо заглядывает во двор, через который ведут пути в цех железнодорожных мастерских.

Под его сводами уже стоит бронепоезд.

Из цеха выходят во двор люди в форме — военные и железнодорожники.

— Матуш! — кричит девушка.

Один из солдат оборачивается.

И бежит к воротам.

— Зузка! Как ты меня нашла?

— У меня уже ноги гудят...

И сразу же нетерпеливый, напряженный вопрос.

— Как Анка?

— Лучше, ее уже выписали из больницы. Глаза еще завязаны, но...

Сестра колеблется.

— Все будет ясно — только... только потом.

— Когда потом?

— Наверно, через месяц, когда ей снимут повязку... Может, и раньше. Доктор говорит, что можно будет спасти хотя бы один глаз.

— Один глаз...

— А если нет... если нет...— Ее заливает волна жалости и скорби.— То я не буду жить! Это по моей вине!

Брат хмурится.

— Не болтай, ты не виновата. И не реви, не позорь меня... — Он подает ей носовой платок. — Лучше погляди, что там делается.

Оттуда, из цеха, от бронепоезда, ведут под охраной трех немцев: оберштурмфюрера Риттера и двух его пулеметчиков.

Того, первого, девушка наверняка узнала бы теперь — если бы они с Матушем стояли ближе и если бы глаза немцев не были завязаны черными платками.

— Кто их поймал?

Матуш пожимает плечом.

— Один солдат.

Пленные уже садятся в крытый военный грузовик, стоящий во дворе.

— А почему у них завязаны глаза?

Матуш не отвечает.

Грузовик трогается, люди на дворе расступаются. Он уже приближается к воротам. Матуш с сестрой тоже уступают дорогу.

Грузовик проезжает мимо них, они успевают увидеть лишь маленькое зарешеченное окошко в задней стенке кузова.

Машина выезжает и мчится по улице.

— Как мама? —спрашивает Матуш.— А дедушка здоров?

— Все передают тебе привет. Вот тебе гостинец из дома... А сын твой растет как на дрожжах.

Матуш протягивает руку и достает из корзинки булку.

Он ест булку, все еще глядя вслед грузовику.

— А отец? Слышно о нем что-нибудь?

— Отец с партизанами, где-то у Телгарта,— отвечает сестра.— Когда же кончится эта война? Когда вы воротитесь домой?

Матуш не успевает ответить: над городом завыли сирены.

Он хватает сестру за руку, они бегут в укрытие.

В одну минуту опустела улица, двор мастерских; город замер.

Лишь пронзительно завывают сирены на крышах домов.

III. ОСЕНЬ

48 КАРТИНА

На Ветерной полонине

Такая тишина опускается на горы лишь осенью или зимой.

Но, правда, у зимы нет таких красок: пылают буки, явор и лиственница — весь лес горит тысячами бронзовых, оранжевых, пурпурных и огненно-красных оттенков.

Зузка поднимается вверх по альпийскому лугу.

— Где ты? — останавливается она.— Что не идешь дальше?

Там, пониже, опершись об одинокое дерево, стоит жена Матуша.

Она вслушивается в тишину окружающих лесов, заглядевшись на их красочное многоцветье.

— Не могу налюбоваться...

Об опасном ранении сейчас напоминает только шрам на ее лбу, прямо у самых глаз.

— Тебе еще нельзя глядеть против солнца,— говорит Зузка.— Ну пошли, седловина уже близко.

Они вновь поднимаются по лугу в гору.

Выходят к заросшей густой травой небольшой седловине: перед ними поднимается и падает длинный пологий гребень, переходящий в скалистый массив.

Они идут по гребню — два маленьких силуэта, затерявшихся в безмерном просторе гор.

Наконец они наверху, на полонине.

Ветер лохматит им волосы, развевает юбки.

— Отсюда видно все,— говорит Зузка и показывает,— где наши... и где немцы.

Они долго молчат, глядя вниз.

— Месяц назад фронт был гораздо дальше.

Жена Матуша прикрывает рукой глаза от солнца.

— Матуш там?— показывает она на юг.

— Там.

Зузка поворачивается и смотрит на восток.

— А наш отец, наверно, там...

Анка продолжает смотреть на юг.

— Они воротятся, не бойся,— говорит девушка.— Должны воротиться, Анка!

49 КАРТИНА

В главном штабе СС

Главный штаб расположился в особняке бывшей дворянской усадьбы; салон в стиле барокко — старые портреты и картины, канделябры, подсвечники, венецианские зеркала, высокие окна, затянутые парчовыми портьерами.

Сверкает огромная хрустальная люстра, а под ней — на круглом мраморном столе — разложена военная карта.

Разлетаются створки дверей, правые руки офицеров, выстроившихся в салоне, взлетают вверх.

— Heil Hitler!

Обергруппенфюрер и генерал войск СС Хёффле, небрежно ответив на приветствие, подходит к столу.

— Meine Herren, [1] — начинает он с леденящей вежливостью.— Почти два месяца банды мятежников оказывают сопротивление немецким вооруженным силам. Как я могу объяснить это моему фюреру? — Генерал говорит голосом острым, как лезвие ножа.— Сказать ему, что немецкий солдат разучился воевать? Что у нас неспособные офицеры? А может, сказать, что немецкий солдат уже не верит в окончательную победу?

Офицеры молчат, словно онемев.

— Такая ситуация для империи не только позорна, но — после капитуляции Венгрии — и крайне опасна в стратегическом отношении. Я привез личный приказ фюрера: немедленно нанести главный, сокрушительный удар!

Хёффле бросает на стол кавалерийский хлыстик.

— Покажите, как вы подготовились.

Командир танковой дивизии, стоящий справа от генерала, первым берет хлыстик.

---

[1] Господа *(нем.)*.

— Восемнадцатая бронетанковая дивизия СС «Хорст Вессель» вместе с частями танковой дивизии «Адольф Гитлер» тремя колоннами атакует города Брезно и Зволен...

Хлыстик-указку берет его сосед.

— Сто семьдесят восьмая бронетанковая дивизия «Татра» прорвет оборону на Кремницком нагорье, захватит территорию аэродрома и город Банска-Бистрица.

Хлыстик переходит из рук в руки, путешествуя вокруг мраморного стола, командиры показывают на карте расположение своих частей и сферу их действия.

— Бригада СС «Дирлевангер» займет Ружомберок, Липтовску Осаду, Доновалы и оттеснит банды в район Низких Татр.

— Четырнадцатая дивизия СС «Галициен» очистит пространство в бассейне рек Ваг и Турьец.

— Все наступательные операции обеспечены поддержкой нашей авиации со словацкой и польской территории.

— По предложению имперского министра Протектората Чехии и Моравии обергруппенфюрера СС Франка наша победа будет отпразднована торжественным парадом и благодарственными молебнами в городе Банска-Бистрица.

Хлыстик вернулся к генералу, круг замкнулся.

Подобно стальному обручу, который сожмет повстанческую территорию.

Обергруппенфюрер СС генерал Хёффле берет свой хлыстик.

— Благодарю, господа,— говорит он строго.— Фюрер ждет сообщения о победе.

Небольшая напряженная пауза.

— Я надеюсь, что вам хорошо известно, как он бывает нетерпелив.

50 КАРТИНА

Цех железнодорожных мастерских

Автогенные аппараты рассыпают фейерверки искр — зашиваются раны бронепоезда.

А их немало: маскировочная краска облупилась, когда-то гладкая броня покрыта вмятинами и бороз-

дами от пуль и осколков, у одного из орудий снесло башню.

Доброволец Чилик разносит сварщикам пиво.

Из-под маски сварщика показывается лицо сержанта Балога.

— Вы вкалываете как черти,— с восхищением говорит Чилик.— Но не помешало бы заменить броню новой.

Балог трет покрасневшие глаза.

— Товарищи в Подбрезовой уже готовят ее,— отвечает он устало.— Она будет толще на семь миллиметров.

— Но не из шведской стали. Шведская сталь, пан сержант, эх, если бы нам шведскую сталь!

Балог залпом выпивает пиво.

— А ты напиши шведскому королю,— усмехается он.— Тебе он, может, и пошлет.

Он опускает на лицо маску, из-под рук его вырывается новый фейерверк.

По всему цеху — вспышки, снопы искр, грохот, гул, отовсюду слышны звуки лихорадочной работы: до утра поезд снова будет приведен в боевую готовность.

Там, в углу цеха, за деревянной перегородкой, на соломенных матрацах отдыхают бойцы бронепоезда (здесь они спят, когда объявляется боевая готовность).

Только Матуш еще не спит.

Он лежит с бутылкой в руке и пьет.

Винцо Пирш, лежащий рядом, зашевелился.

— Не пей ты столько. Ну что тебя опять гложет?

Матуш вытянулся на матраце.

— Этот немец... что же еще,— отвечает он через минуту.— И еще одно...

Замолчав, он снова отпил из бутылки.

— Ты, к примеру, знаешь, за что воюешь. И наш сержант тоже. А я — так, из мести... Как-то вроде только для себя.

— Спи давай,— проворчал Пирш.— Когда-нибудь до тебя дойдет, что это не твоя частная война.

Матуш лежит, глядя на высокий потолок цеха.

— Я, может, уже сам понял...— тихо говорит он.

Пирш не отвечает — он спит.

На потолке танцуют длинные тени — силуэты ночной смены сварщиков, ремонтирующих бронепоезд.

51 КАРТИНА

На шоссе под виадуком

Слышится гул канонады.

Забитое до отказа шоссе — удручающая картина эвакуации: бежит, кто может...

И на чем может: на повозках, старых машинах, велосипедах.

В черном фиакре, напоминающем похоронный экипаж, несколько детей и плачущая женщина.

Бóльшая часть беженцев идет пешком; поток людей, согнувшихся под тяжестью вещей — необходимых и ненужных...

Над головой мелькает труба старинного граммофона.

Кто-то везет на тачке олеандр в глиняном горшке.

Старик тащит упирающуюся козу.

У женщины разорвался мешочек, мука сыплется под ноги беженцев, женщина пытается спасти хоть остатки.

Белокурая девчушка гонит перед собой нескольких гусей.

За горизонтом не прекращается гул: это тот бич, который подстегивает волю людей, подгоняя путников.

На железнодорожном полотне из-за поворота показывается бронепоезд; вот он приближается к виадуку.

И лишь бронепоезд движется в направлении, противоположном тому, в котором катится лавина беженцев под виадуком: поезд идет прямо в огонь фронта.

Дорога опустела.

Лишь брошенные то тут, то там вещи напоминают, что здесь прошел людской поток.

Раскрытый чемодан с одеждой.

Сковорода и старые сапоги в кювете.

Перевернутая детская коляска, у которой только три колеса.

52 КАРТИНА

В пулеметном вагоне

Все находятся на своих местах.

Сержант Балог смотрит в перископ.

— Бегут люди...

Сквозь щели бойниц это видят все.

— Это только гражданские,— говорит Пирш.

И снова тишина. Только стук колес.

— В который раз мы так едем? — спрашивает доброволец Чилик.

Никто не знает.

— А... какая разница,— отвечает Матуш.

— Главное, что мы всегда возвращаемся,— добавил сержант.

Солдат Вендель достает записную книжку-календарик.

— Сейчас я вам скажу точно,— говорит он, перелистывая странички с записями.— Первый раз это было, когда меня ранило. Потом две недели в госпитале, тогда я с вами не ездил. Ну а после этого... второй раз... третий... четвертый... пятый... и шестой... и...

— Для чего это ты подсчитываешь? — перебивает его Балог.

Ему что-то не нравится в этой статистике. То ли она противоречит его принципам, то ли тут дело в суеверии.

— Мы ведь не в последний раз едем. Считать будешь потом, после войны, а сейчас брось.

Вендель убирает календарик.

— А знаете, мы могли бы после войны встречаться... Хоть раз в год. Что скажете?

Это предложение несколько удивило всех.

— Что ж, можно, пожалуй.

— Почему бы нет?

— А где? — спрашивает Чилик.

Вендель в один момент продумал все:

— У меня есть небольшой сад... Запечем мясо, дети будут носить нам пиво, а мы... мы будем есть, запивать пивом и беседовать. Вспоминать, как мы воевали!

Предложение всем пришлось по душе.

Проясненное лицо Венделя. Его небольшой сад. Дети и пиво. И ощущение, что уже давно кончилась война.

— Если только пиво будет, я не приеду,— заявляет Винцо Пирш.

Вендель машет рукой.

— Будет все — кто что пожелает!

У сержанта Балога есть замечание:

— А знаете, что самое главное?

— Хорошее мясцо! — говорит Вендель.— Свиной огузок.

— И мягкая вырезка,— добавляет Пирш.

Командир пулеметного вагона качает головой.

— Нет, ребята, хорошо прогоревшие угли, угли в кострище! Чтобы жир не капал зря.

Матуш слушает молча.

— И я, может, приехал бы,— отзывается он через минуту.— С такой черешневой водкой, какой вы еще никогда не пили.

53 КАРТИНА

На фронте

Огоньки, вылетающие из раскаленных стволов горных орудий.

Ветки с яркой осенней листвой, маскирующие танки, падают; группа танков идет в атаку.

За ними, согнувшись, бегут альпийские стрелки.

На горизонте появляются темные точки немецких истребителей.

Яростная атака в полном разгаре: совместные действия танков, горной артиллерии, авиации сосредоточены для фронтального прорыва на этом участке.

Среди его защитников — словацкие и советские партизаны капитана Федорова.

Отец Матуша лежит в неглубокой яме, вжимаясь в глину. Снаряды рвутся вокруг, прижимая повстанческую пехоту к земле.

Над линией фронта промелькнули тени немецких истребителей: летя на бреющем полете, они стреляют, сея смерть.

Бойцы еще не опомнились от налета, а на них уже ринулись танки.

Группа «тигров» атакует правый фланг, который защищен лишь тяжелыми пулеметами.

Один из танков мчится прямо на две березки и, выворотив с корнем, утюжит их.

Золотисто-желтые листья рассыпаются по полю боя.

С позиций повстанцев навстречу танкам летят гранаты.

Но танки неудержимо приближаются.

Правый фланг оборонительной линии прорван. Ситуация угрожающая: повстанцам грозит обхват.

Капитан Федоров что-то кричит в полевой телефон, но тщетно: связь уже прервана.

Из-за поворота показывается бронепоезд.

И сразу открывает яростный огонь по флангу атакующих танков.

— Бейте их, ребята,— вздыхает с облегчением отец Матуша.— Помогите, ради бога...

Бронепоезд бьет из всех видов оружия.

Один из «тигров» уже горит.

Второй закружился на месте с разбитой гусеницей.

Танки словно в нерешительности.

Но тут же они перестраиваются для атаки — и направляются прямо к железной дороге.

Немецкая пехота стреляет по бронепоезду из фаустпатронов.

С другой стороны приближаются танки.

Поезд под перекрестным огнем.

Вдруг — сильный взрыв, поезд окутывают облака пара: прямое попадание в один из вагонов.

Битва продолжается.

54 КАРТИНА

В бронепоезде

Капитан Подгорец звонит в пулеметный вагон.

— Связь с паровозом прервана. Немедленно доставьте на паровоз приказ: полный вперед!

Сержант Балог старается перекричать треск пулеметов.

— Понимаю... вперед! — повторяет он приказ.

Повесив трубку, он что-то кричит Пиршу и открывает аварийный выход — крышку люка в полу пулеметного вагона.

Пирш выскальзывает в отверстие и исчезает под поездом.

Балог бросается к его пулемету.

Пирш ползет меж недвижными колесами — туда, к паровозу.

Поезд застыл, словно мишень для прицельного огня...

Еще несколько метров — и солдат понимает, что поезд уже не двинется с места: там лежит мертвый машинист, его ошпарило и выбросило наружу взрывом котла. А из будки паровоза свисает неподвижная черная рука кочегара.

Свистит пар, окутывая все вокруг едким туманом...

Пирш ползет назад, по поезду бьют снаряды, свистят пули, звеня о рельсы.

Одна из них находит солдата между колесами — в тот момент, когда он уже подтягивался в люк пулеметного вагона.

— Поезд не пойдет,— говорит он из последних сил.— Разбит котел... машинист и кочегар убиты...

Балог подскакивает к телефону.

Рука Пирша разжимается, тело его падает между колесами.

Капитан Подгорец выслушивает роковое известие.

— Оставить поезд! — решает он.— Я приказываю оставить поезд, пробиться к нашим и вместе с ними...

Он не успевает договорить: прямое попадание в штабной вагон... Капитан опускается на пол.

В руке он еще держит трубку с оборванным шнуром.

55 КАРТИНА

На фронте

Бронепоезд отвоевался: с выведенным из строя паровозом он стал мишенью для огня противника.

Команды всех вагонов выполняют приказ: покидают поезд через двери и аварийные выходы.

Матуш и Вендель вытаскивают Пирша из-под колес.

Танки, потеряв интерес к бронепоезду, перегруппировываются и возобновляют атаку на передовую линию обороны повстанцев.

Но железнодорожное полотно обстреливается альпийскими стрелками. Команда бронепоезда под этим обстрелом стремится пробиться к ближайшим позициям повстанцев, к флангу капитана Федорова.

Балог и Чилик стреляют из автоматов, прикрывая отход товарищей, несущих Пирша.

Там, в ложбине под явором, приходит конец его страданиям.

— Воды...— просит умирающий.

Вендель бросается к ручью.

Пробежав несколько метров, он раскинул руки и как подкошенный упал на землю.

Вокруг него рассыпалось несколько визитных карточек фирмы — белые бумажки падают на пеструю осеннюю листву...

Матуш видит, что произошло.

Но и он без колебаний бежит к ручью.

Пробежав мимо мертвого Венделя, он выбегает на берег.

Опустившись на колено, снимает пилотку, быстро зачерпывает воду.

Что-то резко свистнуло. Лицо Матуша искривилось, он хватается за плечо.

Вода ручья окрасилась кровью, пилотка выпала из рук солдата.

Ее уносит быстрым течением по ручью, полному золотисто-желтых листьев.

Пилотку подбросило, она закружилась в водовороте и снова плывет дальше вместе с листьями.

Эта солдатская пилотка словно хочет спастись, исчезнуть — исчезнуть из долины, в которую вступила смерть.

Бой продолжается. Стрельба, взрывы, канонада.

56 КАРТИНА

Монтаж

На фоне нацистских и гардистских флагов или большого неподвижного, треснувшего колокола появляется надпись:

28 ОКТЯБРЯ 1944 ГОДА

Картину постепенно застилает густой черный дым.

57 КАРТИНА

В частной квартире

Большая комната, разделенная колоннами, полна картин, статуэток и других антикварных вещей. Шкафы раскрыты, ящики выдвинуты, в комнате царит атмосфера отъезда: оберштурмбанфюрер Штумпф и его ординарец укладывают вещи.

— В который раз мы так переезжаем, Франц?

— Кажется, это восемьдесят четвертый, герр оберштурмбанфюрер,— отвечает ординарец.

Заднюю стену комнаты занимает большая картина, на которой изображены обнаженные мужчина и женщина почти в натуральную величину; они стоят на одинокой скале, окруженной бушующим морем.

Штумпф задумчиво смотрит на картину.

— А как ты думаешь, Франц, сколько раз мы еще будем переезжать?

— До окончательной победы, герр оберштурмбанфюрер! — выдохнул слуга, стараясь закрыть набитый доверху огромный чемодан.

На боковых стенах комнаты уже недостает нескольких картин меньшего формата.

— И еще эту... и эту...— показывает Штумпф.— А ту не надо — всего лишь копия.

Господин и его слуга проворно, с профессиональной ловкостью вынимают картины из рам и бросают свернутые рулонами полотна в чемоданы: видно, что у них большая практика в этом роде деятельности.

— Герр оберштурмбанфюрер, — напоминает Франц,— герр оберштурмфюрер Риттер ожидает довольно долго.

Штумпф в ответ пожимает плечами.

— Я дожидался его почти два месяца. Что ж, пускай войдет.

Достав из ниши продолговатую бронзовую статуэтку, он заворачивает ее в газету, как кусок колбасы, и бросает в чемодан.

— Heil Hitler! — говорит вошедший.

— Я рад, что снова вижу вас — спустя такое время,— говорит Штумпф с застывшим, бесстрастным лицом, выражение которого противоречит его словам. — Ходили слухи, что вас уже нет в живых.

— Не было бы счастья, да несчастье помогло, герр оберштурмбанфюрер... Меня взяли в плен солдаты, а не партизаны, — докладывает Риттер. — Однако я полностью сознаю, что своим спасением я обязан лишь нашей победе. И моя благодарность...

— Благодарность вы докажете делом, — перебил его Штумпф. — Здесь это еще не кончилось: нам предстоит ликвидация бандитов в горах.

Оберштурмбанфюрер подходит к карте, подзывая жестом и Риттера.

— Вы займетесь умиротворением вот этой области. И деревень в предгорье.

— Я знаю эти места, герр оберштурмбанфюрер.

— Именно потому я вас туда и посылаю. Для боевых действий вы получите под свое командование отряд лыжников.

— Отряд лыжников?

— Небольшой, но оперативный, — звучит нетерпеливый ответ. — Вы не должны недооценивать свою задачу, Риттер. Партизанские группы здесь обычно возглавляют русские командиры, опытные офицеры.

Смятение Риттера возрастает.

— Герр оберштурмбанфюрер, — осмеливается он напомнить, — но ведь я командир моторизованного...

Взгляд, который устремляет на него оберштурмбанфюрер, заставляет его замолчать.

— Командиром вы были, Риттер. Вашего отряда здесь уже нет. Теперь им командует способный офицер.

Риттер стоит словно ошпаренный, он не способен произнести ни слова.

А Франц вежливо открывает ему дверь.

Риттер, откозыряв, молча выходит.

Штумпф снова смотрит на большую картину, висящую на задней стене.

— Прекрасный был бы сувенир на память о нашем пребывании в этом городе, — говорит он ординарцу. — Ты знаешь, кто здесь изображен?

С видом знатока Франц разглядывает изображенных на картине мужчину и женщину.

— Не знаю. Но это — не чистая раса...

Пальцы Штумпфа ощупывают раму, и он понимает: картину невозможно вынуть: она написана не на полотне, а на твердом основании.

— Это Адам и Ева. Судьба человека — бороться и надеяться... Это великая мысль, Франц.

Ординарец пожимает плечами.

— Возможно. Но такого большого чемодана у нас нет.

Детали большой картины: лицо Адама, которого Люцифер провел через историю человечества; узнав, на что способен человек, Адам отказался заселить землю.

Лицо Евы, которая сказала ему, что она будет матерью.

Двое на одинокой скале в море, двое, которые приняли на себя свою человеческую судьбу.

58 КАРТИНА

В деревне

Яворье горит...

Немцы поливают дома бензином, бросают на крыши горящие факелы.

Один из факелов упал прямо на сеновал: сено вспыхивает в один миг.

Черный остов сгоревшего сарая обрушивается.

Загорается и дом Сиронёвых.

Горит деревня, всюду огонь и черные силуэты немцев.

И слышно отчаянное мычание и блеянье закрытого скота.

Мелкий дождик не может воспрепятствовать уничтожению деревни. Лишь местами превращает он пламя в густые черные полосы дыма.

Оберштурмфюрер Риттер сидит в машине; покуривая, он равнодушно смотрит на горящую деревню: это то самое начало умиротворения порученной ему области.

Есть и еще люди, которые не могут оторвать глаз от ужасной картины: выше деревни собрались те, кому удалось бежать.

Мокрые, отчаявшиеся, стоят они на опушке леса словно библейские персонажи, которые не смогли не обернуться...

Среди погорельцев — мать Матуша, его жена Анка с ребенком на руках, рядом с ней Зузка, она держит за цепочку телку.

Дым доходит даже сюда; у деда слезятся глаза.

От дыма, быть может, или от бессильной ярости.

— Да покарает вас господь бог... — произносит он дрожащими губами.

59 КАРТИНА

На проселочной дороге

Частый дождь превратил дорогу в море грязи.

По ней бредут остатки какой-то воинской части; солдаты ведут несколько волов венгерской породы, которых реквизировали бог знает где.

На широких рогах волов позванивают, ударяясь друг о друга, винтовки и автоматы.

Вот они встречаются, солдаты и жители Яворья. Погорельцы несут на спине мешки с провизией и то, что они успели спасти от огня.

— Вы не знаете... не видали вы нашего Матуша? — спрашивает Зузка у солдат. — Того, что был в бронепоезде...

Они молчат, не отвечают.

Или равнодушно пожимают плечами.

Дождь хлещет людей и животных, безнадежность и отчаяние обволакивает все, прилипая, словно вязкая грязь, свинцом оттягивающая усталые ноги.

Зузка не сдается, она терпеливо задает промокшим солдатам свой вопрос.

— Не видали вы... не знаете вы?

Дед успокаивает женщин:

— Не бойтесь... Будет у нас крыша над головой еще сегодня.

Мать Матуша высказывает опасения:

— А что, если в Пьяргах нас не примут?

— Ведь это моя родная сестра, не к чужим же мы идем! Да и нет у нас другого выхода...

Зузка пытает счастье у солдат в конце колонны.

— Он был в бронепоезде, — объясняет она одному.

— Не знаю.

Заросшее лицо выражает колебание.

— Но в том поезде, говорят, всех убило.

Зузка в ужасе.

— Я этому не верю.

60 КАРТИНА

На перекрестке

Там, где проселочная дорога пересекается с шоссе, погорельцы разбиваются на группы: одни спускаются вниз, в долину, другие — в противоположном направлении, третьи останавливаются, решая, куда идти.

Сиронёвы идут дальше по проселку.

К ним приближается мужчина в форме лесника; завидев их, он соскакивает с велосипеда.

— Господи боже, люди, что с вами...

— И не спрашивайте, пан Моцик, — запричитала Сиронёва. — Ничего-то у нас не осталось... ничегошеньки!

— Спалили немцы деревню, — пояснил дед. — Идем в Пьярги, к сестре.

— К Бенковым, может, вы их знаете? — озабоченно спрашивает мать Матуша.

— Знаю... — лесник заколебался. — Но в Пьярги не ходите.

— Больше нам некуда, — возразил старик.

Лесник потер подбородок, не зная, как им сказать.

— Понапрасну вы пойдете. Пьярги тоже сгорели.

Это известие потрясло Сиронёвых: они словно окаменели, стоя в грязи проселочной дороги.

61 КАРТИНА

Около дома лесника

На краю долины — одинокий деревянный дом с прибитыми на фасаде оленьими рогами.

Около дома толпятся солдаты и партизаны из отряда капитана Федорова. Среди промокших бойцов и остатки команды бронепоезда: те, кому удалось отойти после уничтожения бронепоезда и пробиться к своим.

На дворе две фуры, полные раненых, лежащих и сидящих на соломе.

Капитан Федоров прощается с женой лесника.

— Спасибо вам, хозяюшка. Этих раненых мы оставим у вас, пока они не смогут ехать дальше.

— Что тут поделаешь, — вздыхает в ответ женщина. — Как-нибудь выдюжим с божьей помощью...

Балог и Чилик помогают Матушу сойти с воза.

— Осторожно руку, ребята, — напоминает отец Матуша.

— Не бойтесь, такому зелью, как он, ничего не станется, — отвечает сержант.

У Матуша перевязано плечо, он хромает. Друзья ведут его к дому.

Вокруг все уже собираются в путь.

Матуш стоит, опираясь о столбик веранды.

— Оставьте, хватит, ступайте... — говорит он нетерпеливо. — Прощай, отец. Я приду к вам, как только рука немного подживет.

От усадьбы лесника вверх по долине, навстречу колючему, резкому дождю уже двинулась голова колонны: партизаны вместе с солдатами поднимаются на Ветерну полонину.

Борьба продолжится в горах.

Матуш смотрит в пелену дождя, провожая взглядом своих товарищей.

62 КАРТИНА

На дороге у дома лесника

Лесник ведет велосипед по обочине раскисшей от грязи лесной дороги.

На раме велосипеда теперь везут ребенка. Анка поддерживает его, чтобы он не упал. За ними идет мать Сиронёва, дед и Зузка, ведущая телку; они насквозь промокли.

— Мы никогда вам этого не забудем, пан Моцик, — заверяет Сиронёва. — И после войны, конечно, за все отблагодарим как следует...

— Вот уж не знаю чем, — пробурчал дед. — Мы ведь нищие теперь... голь перекатная...

Лесник утирает мокрое лицо.

— Жена-то не бог весть как обрадуется, — говорит он откровенно. — Но ведь мы люди, а где помещаются пятеро, там...

Он не успевает договорить: деревья расступились и, как на ладони, видна поляна и его усадьба.

А от нее вверх по долине, к Ветерной полонине, поднимается длинная колонна бойцов.

Из фур в дом относят раненых.

— Господь помилуй и спаси! — вырвалось у лесника. — Еще и лазарет!

Анка хватает ребенка с велосипеда.

— Матуш!

И уже бежит к усадьбе лесника, с сыном в руках, навстречу дождю... Навстречу мужу.

IV. ЗИМА

63 КАРТИНА

Под Ветерной полониной

Зима полностью вступила в свои права.

Белеет полонина и все вокруг нее, под ней — склоны, луга, леса и долины; замерзшую землю укрывает глубокий и чистый искрящийся снег.

Зима словно хочет милосердно прикрыть все свежие могилы и пепелища — загладить людскую злобу.

В белом лесу, ниже землянок, стоят на посту двое партизан.

Один из них наблюдает за долиной.

— К нам гости, — улыбается он и подает бинокль своему товарищу.

Тот с любопытством прикладывает его к глазам.

64 КАРТИНА

У лесной кормушки

Зузка поднимается вверх по долине, по горным лугам — теперь волнистым, покрытым снегом, — по которым протекает полузамерзший горный поток.

Чуть выше дороги — кормушка для зверей с остатками сена под заснеженным навесом; всюду вокруг — следы оленей и серн: лесник даже в эти времена заботится о своих подопечных.

У кормушки кончаются человеческие следы, дорога в гору по долине не протоптана: теперь здесь не ходит никто.

Именно тут останавливается Зузка.

Она отдышалась, огляделась... и, сделав два больших шага к потоку, заметает рукавицей следы от дороги и входит в воду.

Сапоги скользят на камнях, в ледяной воде; согнувшись под тяжестью мешка, Зузка идет вверх по потоку шаг за шагом.

65 КАРТИНА

В землянке

Каравай домашнего хлеба, несколько картофелин и мешочки с мукой, солью и сахаром: таково содержимое мешка Зузки.

Девушка сидит около печки, сушит ноги в мокрых чулках.

— Матуш передает вам привет, всем... — говорит она, отхлебывая чай. — И еще — немцы начали ремонтировать тот виадук, что вы взорвали.

Ондрей Сиронь берет Зузкины мокрые сапоги.

— Когда-нибудь у тебя отмерзнут ноги в потоке, вот увидишь.

— Да, пожалуй, — обронил доброволец Чилик, заглядевшись на Зузкины ноги. — А такие ножки жаль...

— А где мне ходить, коли вы дорогу заминировали?

— Там же, где и мы, — говорит Сиронь. — Через лес.

— Ну, это для меня слишком далеко. Да еще по такому снегу!

— И внизу его столько же выпало? — спросил сержант Балог.

Зузка кивнула.

— Это хорошо, — заметил ее отец. — По такому снегу немцы не проедут к дому лесника.

Зузка допивает чай.

— Ну я пошла, отец... Там теперь много работы.

— Всегда ты торопишься, — разочарованно говорит Чилик.

Девушка, обувая мокрые сапоги, улыбнулась парню.

66 КАРТИНА

На сеновале в усадьбе лесника

Матуш с женой лежат на сене: в переполненном доме нечего и думать об уединении.

Он проводит рукой по ее лбу, поглаживает шрам, задумчиво, с отсутствующим видом.

— Что с тобой, Матуш? — Она крепче прижимается к нему. — Тебя что-то мучит... я это чувствую.

Муж молчит, слегка отстраняется.

— Уйду я, Анка, — говорит он вдруг.

Она не удивлена, только становится еще более грустной.

— Я знала...

— Я должен, понимаешь? — Матуш садится на сене. — Там все: отец, товарищи по поезду, а я...

— Ты же не вылечился, рука у тебя еще...

— Если могу спать с тобой, то, видать, я уже в порядке! — резко перебивает он.

Жена затихает, опустив голову.

Матушу стало жаль ее.

— Ты хочешь, чтобы после войны показывали пальцем: «Вон Матуш! Когда другие воевали, он сидел у жениной юбки!»

Анка не возражает: она знает, что ничто не изменит решения мужа.

— Когда ты пойдешь?

— Сегодня.

Женщина медленно встает, отряхивая с юбки сухие травинки.

— Пойду соберу твои вещи, — говорит она печально.

67 КАРТИНА

Долина и усадьба лесника

Словно белые призраки, из леса появляются немцы.

В белых халатах, на лыжах и без лыж, они приближаются бесшумно; белые фигуры почти сливаются со снегом.

В хвосте цепочки идет в белом офицерском полушубке оберштурмфюрер Риттер.

За ним — солдат-переводчик.

И гардист Амброз.

Зузка возвращается налегке, с пустым мешком.

Вот еще осталось сбежать вниз по крутому склону, чтобы сократить путь, а там и дом лесника.

В эту минуту она увидела их: белые халаты, автоматы в руках. Они окружают усадьбу.

Девушка словно примерзла к снегу.

Но уже в следующий миг опомнилась и бросилась назад, туда, под Ветерну полонину, в панике натыкаясь на низко висящие ветви деревьев, согнувшиеся под тяжестью снега.

Она исчезает в тучах взвихренной, сверкающей снежной пыли.

68 КАРТИНА

В усадьбе лесника

Комната полна людей — здесь раненые солдаты и партизаны, жена лесника и трое ее детей, дедушка и мать Матуша, которая держит на руках внука, завернутого в одеяло.

А в дверь вваливаются немцы.

— Добрый день, соседи, — здоровается Амброз. — Или вы меня не признаете?

Никто не отвечает. Только дед не сдержался:

— Я тебе потом скажу... после войны.

В комнату вталкивают лесника и двух раненых партизан.

А потом — Матуша с женой.

— Они прятались в сене, — докладывает эсэсовец оберштурмфюреру.

Риттер узнает с первого взгляда: это тот солдат, который взял его в плен голыми руками, с нестреляющим автоматом. Там все и началось: позор, плен, понижение в должности — все по вине этого солдата.

Матуш не верит своим глазам: ведь он же видел, как этого немца увезли на машине.

Риттер что-то говорит переводчику.

— Командант гаварить, что он тебя узнавать, — сообщает переводчик. — Он жалеть, что еще не имел возможности тебе благадарить.

Один только Матуш понимает, что означают эти слова...

Теперь переводчик обращается на своем судеточешском языке ко всем:

— Вы не иметь страх. Комендант не стршилять раненый противники. Гражданские лица не будут наказан, если объяснить свой присутствие на этом месте.

— Деревню вы нашу спалили! — воскликнул дед. — Поэтому мы здесь!

Переводчик переводит, Риттер пожимает плечами.

— Скажи им, что мы сожжем каждую партизанскую деревню. И накажем каждого врага.

Достав носовой платок, он приложил его к носу.

— Фу, какая вонь. Скажи им, что от них требуется, — говорит он и, брезгливо морщась, выходит из комнаты.

Ребенок заплакал, Анка испуганно успокаивает его.

— Это он, — шепнула Матушу мать, — тот, что спалил деревню...

— И ранил твою жену, — прошептал дед.

Матуш побледнел.

— Боже мой...

— Комендант нуждается в доказательстве сотрудничества, — заканчивает переводчик. — Нуждается в человек, что знать дорогу к партизанам. Кто знать?

69 КАРТИНА

Около лесной кормушки

У Зузки едва не разрываются легкие от быстрого бега... но вот она уже тут... у кормушки.

Она делает все так же, как и перед этим: отступает с дороги, заглаживает следы и идет вверх по руслу потока.

Но в этот раз она делает все гораздо быстрее, и вот она уже идет в ледяной воде. На лице ее отражается отчаяние.

70 КАРТИНА

В усадьбе лесника

В комнате тихо, как в могиле.

— Итак, последний раз, — предлагает переводчик. — Кто вызывается?

— Сгорит ваш дом, Моцик, — шепчет леснику Амброз. — Покажите им дорогу — и они оставят вас в покое.

— У тебя совесть сгорела.

Гардист пожимает плечами.

— Я даю вам хороший совет.

Входит Риттер.

— Никто, герр оберштурмфюрер, — докладывает переводчик.

Риттер не кажется удивленным.

— Что ж, ладно, — говорит он равнодушно. — Тогда я выберу сам.

— Комендант определит сам, — сообщил переводчик.

Риттер скользит взглядом по лицам, неторопливо наслаждаясь своей игрой.

— Dieser Mann [1], — показывает он пальцем.

— Ты, — говорит переводчик.

Все взгляды обращаются к Матушу.

Он отрицательно качает головой.

— Нет.

— Комендант приказать... ты!

Матуш твердо повторяет:

— Нет.

Переводчик с угрожающим видом выступает вперед.

— Ты отказаться...

Анка загораживает собой мужа.

— Он не может! Он больной!

— И он не знает дороги! — воскликнула мать Матуша.

Пришла минута Амброза.

— Ну, зачем же обманывать, соседка, — говорит он с укоризной. — Каждый из вас хорошо знает дорогу.

---

[1] Этот человек *(немм.)*

Он поворачивается к переводчику.

— Но этот знает ее лучше всех. Среди партизан его отец.

— Побойся бога, Амброз! — ужаснулась мать Матуша.

— Ruhe! [1] — кричит переводчик. — Не гаварить! Ruhe!

— Was sagt unser Freund? [2] — спрашивает Риттер с иронией в адрес Амброза.

Переводчик по-немецки повторяет сообщение гардиста: этот человек очень хорошо знает дорогу, его отец у партизан.

Эта краткая информация радует оберштурмфюрера.

— Я вижу, что я выбрал именно того, кого надо.

Матуш не понимает. Он лишь чувствует, о чем речь.

Он смотрит на Риттера, на лбу его набухла жила.

— Скажите ему, что я не пойду. Не родился еще тот немец, который заставил бы меня сделать такое.

Переводчик кратко переводит.

— Он утверждает, что не пойдет. И что никто не заставит его это делать.

Риттер внимательно смотрит на Матуша.

Очень долгим, сосредоточенным взглядом.

— Скажите ему, что он ошибается, — говорит он сухо.

71 КАРТИНА

Под Ветерной полониной

Зузка, сокращая путь, бредет по пояс в снегу, напрямик по склону.

Стоящие на посту партизаны уже видят ее.

Один из них бежит ей навстречу.

— Что случилось?

Девушка падает в снег, не в силах вымолвить ни слова.

---

[1] Тихо! (*нем.*)

[2] Что говорит наш друг? (*нем.*)

— Немцы?

Зузка кивает.

— Где? В долине?

— У лесника, — с трудом произносит она.

Партизан обернулся и пронзительно свистнул.

72 КАРТИНА

В усадьбе лесника, на дворе

Гумно за домом уже в огне.

У стены конюшни — Матуш, раненые солдаты и партизаны; те, что не могут стоять, сидят на снегу.

А напротив, у дома, стоят его мать, жена с ребенком, дед и лесник с женой и тремя детьми.

В середине двора, между двумя группами, — солдаты с автоматами наготове.

Переводчик громким голосом обращается ко всем.

— Комендант дает трши минута. Вы мужете гаварить с тем человеком, — показывает он на Матуша, — что он это должен делать. Когда это не помужет, через трши минута будет казнь. Прежде гражданские лица, потом солдаты.

На заснеженном дворе тишина.

Риттер взглянул на часы, закурил сигарету.

И вдруг крики: громкие, приглушенные, отчаянные.

— Иди! Ради бога! Покорись! Мы подохнем из-за тебя. Все!

— И женщины, и дети!

— Я не хочу умирать, браток!

Матуш слушает сгорбившись, словно окаменев от горя.

— Зря пойдешь! — воскликнул дед. — Все равно они нас прикончат... после всего.

— Старик прав!

— Не ходи, Матуш!

— Держись!

От конюшни ковыляет солдат, который кричал, что не хочет умирать.

— Я... я пойду! Я покажу дорогу!..

Переводчик быстро переводит. Риттер отрицательно качает головой.

— Комендант гаварить... должен это делать он. Он... и ни один другой.

— Он не хочет... я хочу! — кричит солдат. — Так почему же, ради господа бога?..

Переводчик указывает на Матуша.

— Он там иметь отца. Отец не будет стршилять, когда нас ведет его сын.

Он смотрит на часы.

— Една минута... и конец.

Душераздирающий крик, от которого мороз пошел по коже.

— Матушко! Не погуби!

Жена лесника упала на колени.

— Ради господа святого, смилуйся... не губи моих детей!

Что-то шевельнулось даже в душе Амброза.

— Хотя бы детей, если можно...

— Теперь вы молчать! — прошипел переводчик.

Внезапно — абсолютная тишина.

Только кони в конюшне отчаянно ржут, напуганные огнем.

Матуш почти не дышит.

Живут лишь его глаза.

Он смотрит на жену лесника, которая стоит на коленях в снегу, обнимая детей, прижимая их к себе.

Он смотрит на свою жену: по лицу ее текут слезы.

На своего сына смотрит, на сына, которого держит на руках жена.

И на свою мать.

Ее лицо строго, замкнуто: оно словно отмечено уже печатью смерти.

Риттер взглянул на часы.

И поднял руку для первой команды.

Солдаты поднимают автоматы, целясь в обе семьи.

От стены конюшни истошно кричит хриплый голос:

— Родную мать убиваешь... ты, зверь!

Матуш падает в снег.

— Я пойду... поведу... не стреляйте... я иду... да.. да!

Риттер опускает руку.

Солдаты опускают оружие.

— Как видно, и у неполноценной расы существует сильный инстинкт самосохранения, — роняет Риттер переводчику, отбрасывая сигарету. — Так же, как у животных.

Матуш лежит лицом вниз, судорожно впиваясь пальцами в рассыпчатый снег.

73 КАРТИНА

Склон под полониной

Партизаны недвижно, прижавшись к деревьям, выжидают.

Среди них отец Матуша и сержант Балог с Чиликом.

Капитан Федоров в бинокль наблюдает за долиной: в поле зрения появляется лесная дорога.

А потом — люди.

Матуш и немцы; они уже вышли из леса и идут на покрытый снегом луг.

Федоров жестом подзывает отца Матуша.

— Смотри, — и подает ему бинокль.

Сейчас это увидит и отец: своего сына Матуша — как он ведет немцев против них.

У Матуша связаны руки, за ним идет офицер с пистолетом.

— Боже мой, что же они с ним сделали! — вырвалось у отца.

— Они способны на все.

Федоров хмурится. Ситуация критическая.

— Когда они подойдут ближе и будут под нами, мы можем перестрелять их всех. Но убьем и твоего сына...

Глаза отца умоляют.

— Его принудили... Наш Матуш никогда бы... клянусь! Может, он хотел спасти людей, которые в усадьбе... или, может...

— Сейчас не время для разговоров, — прервал его Федоров, приложив бинокль к глазам.

Лицо его посерело.

— Вы будете... мы будем... стрелять?

Капитан молчит.

— Ждать приказа, — говорит он наконец. — И пока не стрелять.

Отец подбегает к ближайшим деревьям.

— Ждать приказа! Пока не стрелять!

Он обходит всех, от дерева к дереву, передавая приказ.

— Не стрелять... не стрелять! — шепчет он с нескрываемым облегчением.

74 КАРТИНА

Около кормушки

Лицо Матуша безжизненно, взгляд угасший.

Его не несут ноги, он шатается.

Риттер тычет в него пистолетом.

— Schneller!.. Schneller!

Так они идут дальше, навстречу горам, залитым солнцем.

В такой чистый, морозный и прозрачный день, какой бывает в начале зимы, когда все сияет, светится и сверкает, видно до края горизонта и у человека легко на душе.

Вот они подходят к кормушке.

Тут Матуш останавливается.

Останавливаются и немцы. Риттер испытующе оглядывает все вокруг.

Там, у кормушки, кончаются следы человека — видимо, лесника.

Других следов, кроме звериных, не видно.

— Weiter! [1]

Матуш оборачивается. И качает головой: нет.

Дальше он не пойдет.

Риттер сбрасывает перчатку и начинает бить его кулаком.

Матуш выдержал эти удары... первый... второй... третий...

---

[1] Иди! (*нем.*)

Но потом он зашатался и упал.

А немец продолжает бить, пиная связанного Матуша, лежащего в снегу.

Переводчик и гардист ставят его на ноги.

У Матуша из разбитого рта течет кровь.

— Теперь ты пойдешь, свинья?

Это переводить не надо. Матуш понимает, что кричит оберштурмфюрер.

Глаза его потемнели. И он кивает, с лицом, залитым кровью: да, теперь пойду...

Теперь я пойду, немец.

Быстрый, мимолетный взгляд... туда, в долину, где дом лесника.

И он выходит на белый, залитый солнцем склон.

75 КАРТИНА

Склон под полониной

— На мины ведет! — вырвалось у отца Матуша.

— Стрелять надо! — шепчет Чилик.

— Тогда они его убьют, — пробасил Балог.

Беспомощность наполняет их отчаянием.

— Бога ради, да сделайте же что-нибудь!..

Отец, застыв, смотрит в долину.

Ноги сына увязают в высоком снегу белого, нетронутого покрова минного поля.

Глаза Матуша не смотрят под ноги.

Туда, вверх смотрят они, на белые, залитые солнцем горы: они кажутся совсем рядом в этот чистый, сверкающий зимний день.

Там, повыше, в снегу что-то чернеет.

Серна, которую разорвала не рысь, а мина.

Матуш идет дальше.

Еще несколько шагов...

Взрыв, оглушительный и неожиданный, вселяет в немцев растерянность, действуя подобно шоку.

И сразу же заговорили из-за деревьев партизанские автоматы и винтовки.

Теперь им уже незачем молчать.

Прицельный массированный огонь заставляет немцев рассыпаться по минному полю.

Взрываются белые фонтаны снега.

На голой, открытой местности у части СС нет никаких шансов на спасение.

Оберштурмфюрер Риттер падает лицом в снег.

Стрельба не прекращается. Падают немцы в белых маскхалатах; на снегу чернеет форма гардиста.

Не стреляет только отец Матуша.

Опершись о дерево, он подавляет рыдания.

На плече он чувствует чью-то руку.

— Не плачь, отец... — тихо говорит Федоров. — Твой сын герой. А герои не умирают.

Там, внизу, еще звучат взрывы. В долине медленно, нежно оседают фонтаны снега.

И над всем этим — свод голубого неба. Искрится и дрожит прозрачно-чистый зимний день.

V. ВЕСНА

76 КАРТИНА

Под Ветерной полониной

На полонину пришла новая весна.

От зимы остались только одинокие островки и тонкие снежные языки в тех местах, где долго держится тень.

Луга зацвели лиловым шафраном и подснежниками: белый, желтый и лиловый — это цвета весны под Ветерной полониной.

Лишь там, где длинный чудесный лиловый ковер цветущего шафрана спускается к самому потоку, там виднеется что-то, какой-то неестественный тут предмет, чуждый весенней свежести природы, — металлическая каска со свастикой.

Ее уже разъедает ржавчина.

77 КАРТИНА

В деревне

Лишь труба торчит над почерневшими остатками стен — это все, что осталось от дома Сиронёвых.

Сгоревшая конюшня, хлевы.

Обсыпавшийся колодец.

Черный, безутешный беспорядок пепелища, печаль развалин.

Три женщины и старик без слов смотрят на эти родные места, бывшие некогда их домом.

Мать Матуша, сестра Зузка, дед.

И жена Матуша, в черной вдовьей одежде, с ребенком на руках.

Все молчат.

Беспомощные и подавленные тягостной картиной, трудным возвращением.

— Сначала надо вычистить колодец, — говорит наконец дед и мимо сгоревших ворот идет во двор.

А там, за воротами, по шоссе гудят военные машины, в них сидят усталые, невыспавшиеся солдаты. Машины мчатся на запад.

На бортах белые надписи, написанные по-русски: «На Берлин!»

Над сожженной деревней звучит песня.

СОДЕРЖАНИЕ

ИВАН БУКОВЧАН

ИЗБРАННОЕ

Редакторы М. А. ФИНОГЕНОВА, И. Н. МАРЧЕНКО
Художник В. Г. АЛЕКСЕЕВ
Художественный редактор В. И. КОЛГАНОВ
Технический редактор Т. Н. СОКОЛОВА
Корректор В. Ф. ПЕСТОВА

Сдано в набор 22. 7. 1976 г. Подписано в печать 18. 11. 1976 г.
Формат 84×100[1]/32. Бумага кн.-журн. имп.
Условн. печ. л. 16. Уч.-изд. л. 14,91.
Тираж 21 000 экз. Заказ № 853. Цена 96 коп.
Изд. № 22099

Издательство «Прогресс» Государственного комитета
Совета Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
Москва 119021, Зубовский бульвар, 21.

Московская типография № 11 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва 113105, Нагатинская, 1.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

ГОТОВИТ К ПЕЧАТИ:

Чешские повести и рассказы. Сборник. Пер. с чешск. (Библиотека литературы ЧССР).

Новелла, небольшая повесть занимают особое место в чешской прозе. Читатель встретится с многообразными формами этих жанров: с репортажной зарисовкой и философской сказкой, психологическим и лирическим этюдом, сатирой и научной фантастикой.

В настоящий сборник включены произведения писателей старшего (М. Пуйманова, И. Рыбак, К. Ф. Седлачек), среднего поколений (З. Плугарж, Я. Козак) и авторов, вступивших в литературу в последние годы (П. Францоуз, И. Кршенек).

Произведения, составившие том, расскажут о войне и Сопротивлении, о перестройке жизни в первые годы после освобождения страны Советской Армией, о строительстве и трудностях становления социалистической Чехословакии, о людях труда и науки, о новых человеческих взаимоотношениях.

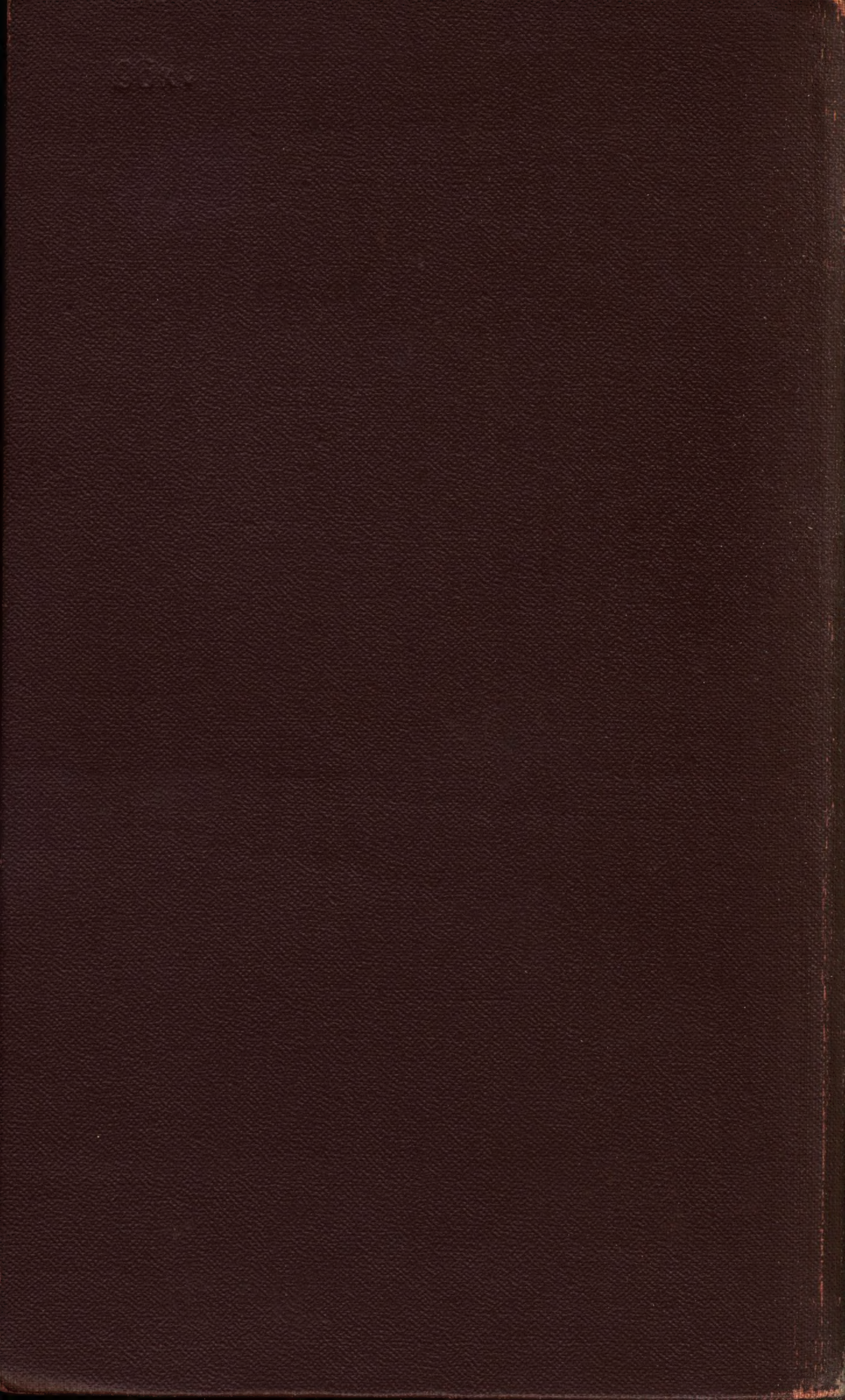
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

ГОТОВИТ К ПЕЧАТИ:

ТОМАНОВА, Мирослава. Серебряная равнина. Роман. Пер. с чешск.

В основу повествования легли подлинные события второй мировой войны. Художник лиро-эпического склада, Мирослава Томанова рассказывает о том, как из отдельных групп бывшей Чехословацкой армии, разбросанных по всему миру, складывается национальный Чехословацкий корпус под командованием Л. Свободы, о бойцах из роты связистов, воюющих рядом с воинами Советской Армии против гитлеровских захватчиков.

В романе решается проблема ответственности человека, его долга перед народом и родиной.

Иван Буковчан